Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

A 662806 DUPL

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1%

Н. В. ЛУКАШЪ

ПОЖАРЪ МОСКВЫ

NICHOLAS V. ONOPRIENKO
239 QUINNIPIAC ST.
WALLINGFORD, CONN.

NOTE TO THE READER

The paper in this volume is brittle or the inner margins are extremely narrow.

We have bound or rebound the volume utilizing the best means possible.

PLEASE HANDLE WITH CARE

Google

Digitized by Google

1%

М. ЛУКАШЕВИЧЪ

ПОЖАРЪ МОСКВЫ

NICHOLAS V. ONOPRIENKO
239 QUINNIPIAC ST.
WALLINGFORD, CONN.

1930

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Lukash, I.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

Pozhar Moskvy

ПОЖАРЪ МОСКВЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

Digitized by Google

891.78
L953pn
1930

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Digitized by Google

Памяти моего отца

ефрейтора Финляндскаго полка

Созонта Никоновича Лукаша.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Императоръ и Великій Протекторъ ордена Святого Іоанна Іерусалимскаго, высокій, блистающій, въ далматикѣ краснаго бархата и въ черномъ мальтійскомъ плащѣ, медленно сходитъ съ трона. По черному орлу движется косымъ угломъ его тѣнь. Съ глухимъ шумомъ склонилась толпа оруженосцевъ, командоровъ, мальтійскихъ рыцарей въ красныхъ кафтанахъ. Воскъ окапалъ пряжки на башмакахъ и огни свѣчей заострились.

Гайдукъ, облитый блѣднымъ золотомъ, толкнулъ дверь спальни. Императоръ провелъ по лицу смуглой ладонью, пожевалъ морщинистыми губами: онъ хочетъ пить.

Въ спальнѣ, императора разоблачилъ графъ Кутайсовъ, черноглазый, съ бѣлоснѣжнымъ хохломъ и бархатными, точно озябшими глазами. Графъ касался шеи и затылка императора и немного растрепалъ на воротникѣ мантіи черныя кружева.

Императоръ самъ снялъ черезъ голову орденскую цѣпь и шелковый мальтійскій позументъ, съ вышитыми вязью Страстями Христовыми. Двумя руками, какъ-бы расшатывая, онъ поднялъ надъ головой алмазную корону, для которой графъ подалъ потертый футляръ: отъ бархатнаго дна дохнуло затхлостью и духами.

А когда графъ снялъ съ императора его мальтійскую мантію, въ креслахъ, гдѣ высился въ мерцаніи алмазовъ Великій Протекторъ, сталъ виденъ, какъ-бы въ мгновенной и волшебной подмѣнѣ,

Digitized by Google

маленькій, сухощавый человѣкъ, въ зеленомъ преображенскомъ мундирѣ съ красными отворотами. Наморщены бѣлые чулки на тощихъ ногахъ.

— Благодарю, графъ, — послышался сиповатый голосъ. — Поди, доброй ночи.

Павелъ утираетъ фуляромъ влажныя впадины у курносаго носа, влажную косицу, завернутую въ пучокъ, и примятыя на вискахъ букли. Его блѣдно-желтое лицо склонилось надъ свѣчей. Грифоны сплелись на шандалѣ, кусая другъ другу хвосты, и въ черное чудовище сошлись на шпалерѣ уголъ креселъ и голова императора. На бархатномъ тюфячкѣ, у ширмы, повозился бѣлый шпицъ. Онъ вытянулъ легкія ланки и встряхнулся.

На башмакѣ государя шпицъ лизнулъ мѣдную пряжку, внимательно понюхалъ бѣлый чулокъ и поставилъ лапы на кресло, чтобы лизнуть горячимъ языкомъ ладонь.

Павелъ сжалъ въ горсть лапы собаки и снялъ съ креселъ.

Въ безсонныя ночи государь игралъ съ бѣлой собакой: онъ заставлялъ ее ловить бисквиты и прыгать черезъ шпагу. Со звонкимъ лаемъ, заложивъ уши, шпицъ носился по спальнѣ и рылся въ подушкахъ. Павелъ бросалъ въ собаку шляпой. Тогда шпицъ подползалъ къ нему и опрокидывался на спину.

— Тише, молчи, — государь теребилъ пушистое ухо собаки. — Во дворцѣ ночью лаять запрещено.

Безсонница тяготила Павла, но каждую ночь ему казалось, что онъ заснетъ. Посапывая, онъ надѣвалъ свой полотняный камзолъ и ночной колпакъ. Онъ ложился со вздохомъ на койку, за ширмой.

Черная шпага надъ изголовьемъ, шарфъ и черная трость, прохладная улыбка ангела Гвидо Рени, прохладная улыбка сна. Онъ крѣпко сжималъ вѣки, онъ глубоко вздыхалъ и ослаблялъ все тѣло,

Digitized by Google

только его руки всегда были подобраны къ груди. И тотчасъ странная сила открывала ему глаза.

Спальня, спальня, черная шпага, черная трость, слѣпой ангелъ. Громадная, глазастая спальня, плаваетъ въ шандалѣ свѣча, мерцаетъ на шпалерѣ ея смутное зарево.

— Отворите, прошу, отворите, во дворцѣ пожаръ, украдены брилліанты...

Въ криво надѣтой портупеѣ, въ наморщенныхъ чулкахъ, букли спутаны и въ кускахъ сѣрой пудры, Павелъ стучалъ за полночь въ покои императрицы. Его бѣсила безсонница, его бѣсило лицо императрицы, бѣлое и глухонѣмое какъ отраженіе въ зеркалѣ.

— Почто мнѣ долго не отпирали? Я не могу заснуть.

Онъ бѣгалъ по темной залѣ, нарочно гремя каблуками. Тяжелыя нѣмки и миссъ Кеннеди, чтица императрицы, костлявая лошадь, присѣдали передъ нимъ, шурша пышными фишбейнами, оправляя украдкой крючки, наспѣхъ пристегнутые на плоскихъ спинахъ. Камерфрау приносили свѣчи. Начинался его полунощный концертъ.

Въ тактъ, брякая пряжками, онъ глухо декламировалъ имъ Вольтера или Расина и тряслись букли его тяжелаго алонже. Онъ скашливалъ и сопѣлъ, онъ поводилъ глазами, онъ готовъ былъ побить тростью присѣдающихъ нѣмецкихъ старухъ.

Онъ высвистывалъ на флейтѣ серенады Вангали и симфоніи Плейля, онъ фальшивилъ на каждой нотѣ и задувалъ внезапно свѣчи у Юпитера.

— Вы спите, я вижу, вы спите... Прощайте.

Подтянувъ портупею, онъ бѣжалъ въ коридоръ. Онъ шелъ въ темнотѣ, задыхаясь отъ гнѣва. За нимъ, не отступая, шелъ бѣлый шпицъ.

Кабы выйти изъ дворца, непримѣтно, въ потай-

Digitized by Google

ности, сокрыться инкогнито, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, исчезнуть, исчезнуть.

Караулъ Конной Гвардіи вспрянулъ съ ларя, за колонной, загремѣлъ прикладами, офицеръ страшно вскричалъ съ дремоты:

— Караулъ, вонъ!

Стуча тростью, шагомъ быстрымъ и крѣпкимъ, мимо караула прошелъ императоръ.

Подъ Карріатидами, стоятъ гренадерскіе часовые. Точно провѣряя равненіе эспантона, уголъ плеча къ рукѣ, императоръ подступалъ близко къ солдату: красный обшлагъ, мѣдныя пуговицы рукава, стиснутъ въ жилистомъ кулакѣ эспантонъ, туго подтянута ремнемъ къ подбородку мѣдная гренадерка, на ней крестъ малтійскій. Едва бѣлѣетъ въ потемкахъ лицо солдата.

Павелъ любилъ крѣпкій и мирный запахъ ихъ тупоносыхъ дегтярныхъ башмаковъ и сукна, онъ любилъ ихъ обритыя монгольскія лица, въ черной щетинѣ на щекахъ и у губъ, лица солдатъ россійскихъ въ вѣнцѣ бѣлыхъ буклей, и всегда желалъ подойти вовсе близко, тронуть эспантонъ, погладить по рукавамъ мундира, о чемъ-то спросить, что-то узнать.

Лейбъ-Гвардія его, Нефеды и Митріи, Иваны и Аникиты, Илларіоны, Михаилы. Былъ одинъ Африканъ, имя странное, лейбъ--гренадерскаго полка. Въ бѣлыхъ парадныхъ гамашахъ стоялъ гренадеръ Африканъ подъ статуей Клеопатры, на груди старика мерцали донаты Святого Іоанна Іерусалимскаго, солдатскій мѣдный крестъ, а на остромъ подбородкѣ гренадера была сухая щетинка, точно колючій снѣжокъ.

Съ середы на четвертокъ заступалъ въ Замокъ, на караулъ, подъ знамена, капралъ Африканъ Зиминъ. Съ особливой медлительностью, ясно звеня аммуниціей, салютовалъ императору.

Digitized by Google

Павелъ любовался альпійскимъ орломъ, и тоже желалъ его о чемъ-то спросить, что-то узнать, но, снявъ треуголку, только проводилъ ладонью по пудреной головѣ и говорилъ съ виноватой улыбкою:

— Вотъ, братъ, брожу, по дворцу, словно-бы привидѣніе... Спать не могу. Сна, братъ, нѣтъ.

Морщился и встряхивалъ головой: дымъ пудры слеталъ на красный отворотъ преображенскаго мундира.

— Голова, братъ, болитъ. Медики талдычатъ о порошкахъ, а помощи нѣтъ.

И звякнули въ одну ночь мѣдныя донаты Африкана и выпорхнуло легкое слово:

— Яблошный квасокъ... Твому величеству въ самую пору: голову освѣжаетъ и сонъ подаетъ.

— Ахъ, братъ, и точно, квасъ знатный, да у меня въ замкѣ нѣтъ.

— Накажи изъ торговыхъ рядовъ, чтобъ доставили. Въ торговыхъ рядахъ быть доложенъ: яблошный пѣнничекъ завсегда ко здоровью.

Такъ и начались полунощныя бесѣды императора съ гренадеромъ. Иногда Павелъ угощалъ солдата понюшкой изъ табакерки. Старикъ, прихвативъ на руку эспантонъ, съ ногтя вдувалъ понюшку въ ноздрю.

О фурлейтахъ, о казенныхъ дровахъ, о томъ, какъ ленъ мочатъ во Псковщинѣ, о ватошныхъ зимнихъ камзолахъ, объ якобитахъ французскихъ, о знаменахъ и о кампаніяхъ, были ихъ ночныя бесѣды. Бѣлый шпицъ обнюхивалъ тупоносые башмаки гренадера, упирался лапами въ его костлявое колѣно и облизывалъ шершавую солдатскую руку.

— Прокукукали вы мнѣ ту кампанію, — съ недовольствомъ сказалъ Павелъ о Голландской Экспедиціи и защелкнулъ табакерку.

Африканъ поморщился отъ понюшки и вѣжливо счихнулъ.

Digitized by Google

— Можетъ статься кто и кукукалъ, — отвѣтилъ старикъ. — Токмо не мы. Дюже тамъ лютовали, воздухъ голанской, намъ не способный, цынгой зубы крошило, а сражденіевъ нѣтъ. Насъ тамъ въ грязяхъ погребли, въ Голандіи эфтой. Не кампанія, а словомъ сказать — казематъ. Врать не буду...

— Казематъ... Развѣ тебѣ въ казематахъ бывать доводилось?

— Караулы твому величеству и въ казематахъ несемъ.

— Вотъ ты каковъ Африканъ. Молодецъ.

— Рады стараться, ваше величество... Мы и батюшку твово помнимъ.

— Батюшка, — рука Павла дрогнула, онъ ухватилъ солдатскую пуговицу.

— А то нѣтъ, помнимъ, ваше величество. У Петерьгофѣ стояли, я еще въ барабанщикахъ ходилъ, съ желтымъ плечомъ, вовсе мальчишка, и батюшка твой былъ вовсе молодый, ноги-то долги, въ ботфорту обуты, а самъ трубочку куритъ. Съ проворствомъ, помню, здоровкался, а трубочка глиняна.

Павелъ выпустилъ солдатскую пуговицу и, заложивъ за спину руку, понурился.

Ему шелъ осьмой годъ, когда исчезъ его батюшка, величество всероссійское подобно Гарунъ-аль-Рашиду. Открывали монахи батюшкинъ гробъ въ Лаврахъ Александро-Невскихъ, а въ гробу паутина, темная персть, и въ персти порыжелый ботфортъ, лоскутья синяго мундира и клочья рыжеватыхъ волосъ. Исчезло величество всероссійское.

Старый гренадеръ легко дышалъ надъ императоромъ. Павелъ вскинулъ на него курносое лицо:

— Гренадеръ, а когда на меня кто помыслитъ убійствомъ, ты подашь мнѣ защиту?

— Сохрани тебя Богъ... Да за тебя, отецъ, осу-

Digitized by Google

дарь, мы кого хошь, мы всѣ державы штыками перебросаемъ.

— Ну, ну, полно, старикъ.

II.

Съ февраля караулы въ Замкѣ помѣняли постами, и капралъ Африканъ былъ наряженъ къ покоямъ цесаревича Александра. Каждую ночь, съ середы на четвертокъ, ждалъ старикъ крѣпкихъ шаговъ императора, ударовъ трости о паркетъ. Но у покоевъ Александра государь не бывалъ.

Двѣ безсонныхъ недѣли ждалъ гренадеръ императора, а на третію, къ свѣту, вернулся съ дворцоваго караула и легъ на койку во всей амуниціи.

Весь трясясь, поднялся онъ на койкѣ и въ голосъ вскричалъ заупокойный псаломъ. Къ самому свѣту, заспанный лекарь въ шлафрокѣ, молодой дерптскій нѣмецъ, перешелъ казарменный дворъ. Гренадеры тѣснились къ стѣнѣ и слушали, какъ колотится старый капралъ, выкликая псалтирныя слова.

— Тутъ не церква, казернъ, — хмуро сказалъ нѣмецъ. — Взять отсюда солдатъ: онъ помѣшанный.

Босые гренадеры мягко ступили къ Африкану. Стягиваютъ съ него зеленый мундиръ и мѣдные донаты и парадную сумку съ пылающими гранатами, закутываютъ его тощее тѣло въ солдатскую робу. Лекарь тронулъ старика за плечо:

— Ну, дядя, пойдемъ.

Въ холщевыхъ подштанникахъ, какъ костлявый мертвецъ, тогда прыгнулъ съ койки капралъ, ударилъ въ грудь сухими горстями —

— Братцы, спасите, родимые... Осударя Павла Петровича, братцы, спасите... У-убивцы —

Digitized by Google

Выхватилъ изъ стойки кремневое ружье.

— Окаянные, сгинь — штыкомъ заколю.

И заругался по матерному. Босые гренадеры, какъ кошки, кинулись на него со спины, навалились. Стараго капрала связали.

По зарѣ, подъ ружьями, былъ отведенъ капралъ Африканъ въ безумный дольгаузъ, въ солдатскій сумасшедшій домъ. Дырявая роба на костлявыхъ плечахъ, въ однихъ подштанникахъ, шагалъ по замерзшимъ лужамъ альпійскій орелъ, его сивыя букли дымились, онъ выкидывалъ глухія слова заупокойной псалтири.

О помѣшательствѣ лейбъ-гренадера, за маловажностью приключенія сего, его императорскому величеству, при меморіи, доложено не было.

III.

Бороздой ногтя въ календарѣ отмѣчаетъ Павелъ свои безсонныя ночи. Обскакавъ по утру на тяжелой кобылѣ Помпонѣ Лѣтній Садъ, онъ уходитъ въ спальню и ложится за ширмой на койку, какъ былъ на прогулкѣ, въ ботфортахъ и треуголкѣ. Онъ лежитъ, скрестивъ на груди руки, онъ дышетъ коротко и сипло.

Нѣтъ сна съ той ночи, какъ великая княгиня родила мертвую дѣвочку. Онъ ждалъ тогда внука. Нѣтъ силъ болѣе ждать. Паленъ намедни докладывалъ, что въ заговорѣ злодѣевъ Константинъ и Александръ бѣлокурый, лукавый, неслышный, съ бабкиными, злыми губами... Александръ похожъ на мертвую дѣвочку.

Паленъ докладывалъ, что въ ванной комнатѣ, въ сырости, у дырки отхожаго мѣста, Александръ тайно совѣщался съ Панинымъ о заточеніи отца въ казематы. Уже посланъ подъ рукою нарочный

Digitized by Google

къ Аракчееву. Онъ самъ будетъ допрашивать всѣхъ, и сыновей.

Всѣ сословія и чины имперіи, дворянство, хлѣбопашцы, сонмъ священства, купечество, солдаты его, и старый гренадеръ Африканъ, весь генералитетъ, и митрополиты и архіепископы, Сенатъ и Синодъ, всенародно будутъ судить злодѣевъ, замышлявшихъ цареубійство. Бѣлокураго Александра на площадь, подъ барабаны, подъ тысячи палокъ, всенародно, подъ палки.

Спальня, темная ночь, миновалъ пасмурный день. Паленъ докладывалъ. Александръ, Константинъ, его сыновья, его кровь. Императрицу въ крѣпость, подъ постригъ.

Въ треуголкѣ и съ тростью, дрожатъ двѣ звѣзды на борту преображенскаго мундира, какъ былъ на верховой прогулкѣ въ Лѣтнемъ Саду, императоръ идетъ коридоромъ замка.

Гренадеръ Африканъ стоитъ подъ Клеопатрой. Ему надобно сказать, открыть все. Гигантъ въ мѣдной шапкѣ откинулъ эспантонъ и выкатилъ глаза, какъ удавленникъ. Павелъ, дрогнувъ, отступилъ. Иной часовой стоитъ подъ Клеопатрой. Смѣнили караулы въ замкѣ.

Подъ темнымъ панно съ охотой на оленей стоитъ гренадеръ Родіонъ Кошевокъ, малороссіанинъ съ карими глазами. Онъ всегда въ странномъ изумленіи и безъ страха смотритъ на Павла. Въ ночныхъ разговорахъ, слегка заикаясь, пожилой малороссіанинъ толковалъ императору Библію. Павелъ не слушая, съ грустной и мягкой усмѣшкой, смотрѣлъ на лысый, съ тремя морщинами, лобъ солдата-философа. Любятъ толковать о божественномъ пожилые солдаты, и въ казармахъ Имперіи, какъ въ торжественной усыпальницѣ, теплятся многія свѣчи, бѣглый солдатъ объявился скопческимъ Соваѳомъ, и есть стараго обряда солдаты, и есть

Digitized by Google

корабли бѣлыхъ голубей въ христолюбивомъ воинствѣ россійскомъ.

— Голова, братъ, голова, — сипло сказалъ Павелъ, подступая къ гренадеру.

Потеръ лобъ крагой. Надобно отдать команду, созвать полки, арестовать заговорщиковъ, командировъ, Палена, сыновей. Подумалъ: «тише, Павелъ, тише, сходишь съ ума».

— Голова болитъ, — повторилъ онъ рѣзко. — У тебя въ Библіи противъ головы не показано?

— Въ явности, ваше вв-величество, не показано... В-в-в какомъ разумѣ взять: у Еремія Пророка о стихѣ шестымъ.

— Еремія? Не разумѣю... Я нынче не разумѣю... Постой, гдѣ старикъ Африканъ?

— В-в безумномъ дольгаузѣ, ваше в-величество. Въ четвертокъ отвели.

Въ безумномъ, стало-быть, помѣшался. Всѣ помѣшались. Онъ тоже помѣшанный.

Ударяетъ трость о паркеты. Мететъ за императоромъ спѣгъ, бѣлую собаку. Въ казармахъ, окручивая сивыя косицы вокругъ головъ, почесывая груди подъ холщевыми рубахами, сходятся къ свѣту, съ дворцовыхъ карауловъ, гренадеры и шепчутся, близко и страшно глядя другъ-другу въ очи: капралъ Африканъ въ умѣ помутился, государь-батюшка по дворцу ходитъ, тростью стучитъ, про солдатство, про Россею, выспроситъ, взгрустнетъ, маленько ручкой буклю оправитъ, на голову жалится, капралъ помѣшался, ходитъ, ходитъ всю ночь безсонный государь Павелъ Петровичъ.

IV.

Въ сыромъ замкѣ, по всѣмъ коридорамъ, стукъ прикладовъ, удары кавалергардскихъ палашей и окрикъ карауловъ, какъ въ казематѣ.

Digitized by Google

Караулъ у спальни нынче заняла Конная Гвардія. Павелъ внезапно приказалъ командиру караула, полковнику Саблукову, сводить конногвардейцевъ. Ему вѣдомо, что командиръ Конной Гвардіи въ заговорѣ злодѣевъ, — Конной Гвардіи, Кавалегардовъ, Семеновскаго, Измайловскаго, Преображенскаго, Кегсгольмскаго, — ему вѣдомы имена злодѣевъ, Паленъ докладывалъ все. Императоръ застучалъ тростью, крикнулъ Саблукову «якобинецъ». Лицо императора было омрачено и отъ гнѣва дергало губы.

Смуглый Саблуковъ вспыхнулъ и сталъ что-то отвѣчать по французски. Солдаты, откинувъ мушкеты, шало смотрѣли на императора.

— Я лучше васъ знаю, — задыхаясь кричалъ Павелъ на полковника. — Сводить караулъ!

Бѣлый шпицъ кинулся къ Саблукову, прижался къ ботфортѣ. Саблуковъ легко отстранилъ собаку шляпой.

— По отдѣленіямъ направо, кругомъ маршъ, — сипло командовалъ Павелъ. — Нынче въ ночь, въ походномъ порядкѣ, съ амуниціей, — маршъ изъ столицы. Двумъ бригадъ-маіорамъ сопровождать полкъ до седьмой версты...

Шпицъ вылъ и терся у ногъ императора, покуда сводили конногвардейскій караулъ. Павелъ остался одинъ въ библіотечной залѣ.

— Сгинь, — ударилъ собаку тульей шляпы.

Шпицъ съ жалобнымъ визгомъ метнулся подъ яшмовый столъ.

Кругомъ тяжкія, красныя двери, съ бронзами, въ головахъ Медузъ, оплетенныхъ змѣями, мертвые глаза смотрятъ съ дверей. На малахитовой колонкѣ шумитъ тресвѣчникъ. Сквознякъ холоднымъ дуновеніемъ ходитъ по темной залѣ.

Ему померещилось — клубящій тресвѣчникъ, мертвая Медуза, оплетенная змѣями. Дряхлая Ме-

Digitized by Google

дуза, тусклые глаза безъ рѣсницъ, его мать померещилась, — она грѣхъ россійскій, она одна виновница тому, что нынче сыновья замыслили на его убійство.

Самымъ смѣшнымъ изъ царедворцевъ Екатерины и самымъ дурнымъ былъ онъ, злосчастный Павелъ, сухопарый уродецъ, курносый, съ большой головой, мрачный шутъ дворскихъ вечеровъ, Минотавръ въ покояхъ Астреи.

Матушка всегда говорила съ нимъ зло, сладко и пышно, онъ тотчасъ раздражалъ ее самымъ видомъ своимъ, она чуяла его нѣмую, страстную ненависть. Ея тяжелое величественное лицо, покрытое пудрой, краснѣло пятнами и что-то щелкало у нея во рту, какъ желѣзка, когда она говорила съ нимъ.

А онъ, старѣющій цесаревичъ, Фридрихова обезьяна въ мундирѣ прусскаго покроя, призракъ гольштинскаго принца, зарѣзаннаго тесакомъ, онъ ненавидѣлъ ея безкровныя порочныя руки, съ лоснящейся тонкой кожей, ненавидѣлъ ея желтоватое, точно изъ маслянистаго воска, лицо, съ ямочкой на подбородкѣ, и то, что спереди у нея не было зуба, и шумъ ея шаговъ, и жующій, влажный звукъ за кувертомъ.

Тошнота томила его въ кабинетѣ, куда онъ былъ званъ поутру для милостивыхъ увѣщеваній: съ любезной улыбкой, пышными французскими словами, ему выговаривали, что онъ много тратитъ на пустыя гатчинскія затѣи, что онъ разоряетъ ея казну. А сами были поглощены утренними уборами: пудрились изъ серебряной лохани, придерживая ее между колѣнъ. Онъ всегда молчалъ въ матушкиномъ кабинетѣ. Быстрѣе и слаще были французскія слова. Ея гродетуровый бѣлый шлафоръ слегка распахивался на полномъ колѣнѣ, она переставала слѣдить за собой.

Digitized by Google

Холодные глаза безъ рѣсницъ, глаза Медузы, смотрятъ на него изъ зеркала, — щелкнула желѣзка во рту, зазвенѣло серебро пудренницы, она крикнула по-нѣмецки, ударила ладонью по мрамору и дрогнули золоченые фавны, что несутъ полукруглый подзеркальникъ.

Кабы не матушка, какимъ свѣтомъ была-бы вся его жизнь и какой красотой и какимъ величествомъ его царствованіе. Мертвая старуха нашептала его сыновьямъ замыселъ на убійство отца. Одна она виновница злосчастья россійскаго.

Но въ сокровенности, подъ всей ненавистью и горечью, онъ таилъ къ матери застѣнчивую любовь. Въ дѣтствѣ мать казалась ему прекрасной богиней, разсѣивающей вокругъ себя свѣтъ. Онъ помнитъ, какъ гордо подымалъ голову, когда ему говорили, что именно онъ — сынъ сіяющей снопами свѣта Екатерины. Однажды, въ тѣ поры ему было лѣтъ девять, подошелъ, онъ къ высокому дворцовому зеркалу и не сомнѣвался, что въ зеркалѣ онъ, сынъ богини, самъ отразится прекраснымъ, а увидалъ тамъ тщедушнаго курносаго мальчика съ сѣрымъ лицомъ, уродца на тощихъ ногахъ. И ему стало стыдно, что онъ такъ некрасивъ, и онъ подумалъ, что не можетъ быть ея сыномъ, что не смѣетъ любить ее, даже помыслить не смѣетъ о подобной любви. Однако, ночью, когда онъ узналъ по дыханію, что его гувернеръ спитъ, онъ гладилъ подушку подлѣ себя и думалъ о матушкѣ. До отрочества онъ ждалъ, что матушка придетъ къ нему, и непремѣнно ночью, когда ихъ никто не слышитъ, и онъ разскажетъ ей о своихъ мысляхъ и о своей любви, но мать не приходила никогда.

Онъ помнитъ іюньскую ночь въ Лѣтнемъ Дворцѣ, какъ были заслѣжены паркеты и какъ шаталo по заламъ толпу нетрезвыхъ гвардейскихъ

Digitized by Google

офицеровъ. Тогда онъ забился на кресла, на ворохъ сырыхъ плащей, у китайской ширмы. За ширмой былъ слышенъ женскій смѣхъ, сквозь темный шелкъ лучилась свѣча. Тамъ была маленькая, черноволосая и толстоногая Дашкова съ испорченными зубами. Тамъ была его мать, прекрасная госпожа мать. Тогда, у его матери была мальчишеская поспѣшность въ движеніяхъ и она умѣла свистать.

— Смотрите, конскій шерстъ пристала къ мой мундиръ, — онъ слышалъ ея смѣшливый говоръ за ширмой. — Я весь потній за Петергофской походъ...

Маленькая Дашкова что-то отвѣтила. Онъ не любилъ и боялся Дашковой, она казалась ему шмыгающимъ мышенкомъ. Его мать выбросила на ширму гвардейскій мундиръ и поспѣшно стала надѣвать черезъ голову шуршащую робу.

И въ другую ночь онъ ждалъ мать у китайской ширмы, на ворохѣ гвардейскихъ плащей. Въ черномъ платьѣ, съ алой кавалеріей черезъ плечо, невысокая, полная и безшумная, она прошла мимо креселъ. Онъ прыгнулъ къ ней, сталъ тереться головой объ ея теплыя руки.

— Ви нездоровъ, мой другъ, — сказала она холодно. — Гдѣ воспитатель вашъ, ви не долженъ быть тутъ.

— Госпожа-мать, госпожа-мать, — бормоталъ онъ, пряча лицо въ ея фишбейнъ. — Госпожа-мать, пошто нѣтъ болѣ батюшки, пошто сказываютъ, что онъ скончался?

Она отстранила его, поискала на груди платокъ и прижала къ глазамъ:

— Мой любезній сынъ, вамъ сказали правда. Вашъ батушекъ скончался отъ внезапной колики.

Отняла платокъ и онъ увидѣлъ холодныя, блистающія глаза Медузы, прозрачный ледъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — онъ закричалъ, затопалъ ка-

Digitized by Google

бдучками. — Нѣтъ! Не смѣй врать, нѣтъ, батюшка живъ, врешь!

Мать хватала его за руки, онъ кусался. Его оттащили отъ матери, его прижали къ чьей-то буклѣ, жесткій волосъ набился ему въ ротъ...

Павелъ очнулся, утеръ обшлагомъ курносое лицо. Грива огня клубитъ въ зеркалѣ. Бѣлый шпицъ подползъ и трется у башмака. Павелъ сипло передохнулъ, нагнулся къ собакѣ:

— Не скули, ну, тошно и безъ сего.

И сжалъ въ горсть ея острую морду.

V.

Шпица не пускали въ столовое зало.

Въ темнотѣ, подъ столомъ, цесаревичъ Александръ дразнилъ собаку носкомъ узкаго башмака. Шарилъ носокъ, но словно не рѣшаясь, никогда не добирался до шпица. Шпицъ ворчалъ подъ столомъ, а намедни бросился на башмакъ и разрѣзалъ зубами бланжевый чулокъ Александра. Императоръ побилъ собаку тростью. Шпицъ отчаянно лаялъ на императора, на императрицу, на флигель-адъютанта Уварова. Собаку выбросили за дверь.

У дверей въ столовое зало стоятъ гренадеры Акимъ Говорухинъ и Михайло Перекрестовъ. Шпицъ терпѣливо ждетъ у дверей. Онъ сидитъ на заднихъ лапахъ, почихиваетъ и зѣваетъ. Злобно наморщивъ носъ, онъ начинаетъ вертѣться и ловить хвостъ. Съ жаднымъ храпоткомъ въѣдается во что-то у самаго хвоста.

Гренадеры подмигнутъ другъ-другу и брякнутъ прикладами. Шпицъ вспрянетъ, навострить уши. Гренадеры какъ будто не видятъ. Тогда, заискивая, виляя хвостомъ, шпицъ подберется къ нимъ съ опаской. Снова брякнутъ приклады, шпицъ съ тявканьемъ отбѣгаетъ къ дверямъ.

Digitized by Google

Императоръ вышелъ изъ столовой залы, гренадеры откинули эспантоны, шпицъ высоко подпрыгнулъ, норовя лизнуть императора въ подбородокъ.

Павла развеселило за ужиномъ внезапное чиханіе Александра, которому онъ насмѣшливо пожелалъ добраго здоровія, и оживленная возня пажей надъ засахаренными фруктами: онъ самъ кидалъ имъ пригоршни тяжелыхъ сластей со стола, и мальчишки, озябшіе въ сырой залѣ, охотно подняли веселую драку. Влажно-каріе глаза Павла стали добрыми и пріятными. Онъ нагнулся къ шпицу и потеребилъ его за острое ухо:

— То-то... Заждался.

Собака кидалась подъ ноги и уносилась впередъ. Павелъ подставлялъ ей черную трость. Такъ, забавляясь съ собакой, императоръ дошелъ до спальни.

Онъ чувствовалъ усталое облегченіе, прохладу покоя. Утомилъ-ли его рѣзкій разговоръ съ полковникомъ Саблуковымъ или приступъ тяжелаго бѣшенства въ темной залѣ, гдѣ шумѣлъ тресвѣчникъ, но теперь все въ немъ утихло. Умолкъ горячій звонъ въ ушахъ и ослабло напряженіе, державшее его безъ сна послѣднюю недѣлю. Въ немъ стала тишина, точно повѣяло въ немъ свѣжей порошей: онъ долженъ нынче уснуть. Сонъ желанный.

Въ спальнѣ онъ прижалъ лицо къ холодному окну. Его лицо горитъ отъ усталости. За окномъ мутно ходитъ метель, а все мартъ и вскорѣ дохнутъ теплые вѣтры, апрѣльскія погоды. На стеклѣ носъ расплющился, какъ у негра. Павелъ осклабился своему отраженію и подумалъ: «экой курносой арапъ». Шпицъ прыгнулъ на кресла и тоже смотритъ въ окно, прижавъ къ стеклу лапы.

Павелъ вспомнилъ, какъ на послѣднемъ докла-

Digitized by Google

дѣ бѣлый Паленъ, — онъ всегда въ бѣломъ мундирѣ, — сѣлъ передъ шпицемъ на корточки:

— Маршъ ко мнѣ, гопъ!

Шпицъ забился подъ кресла и заворчалъ.

— Не узнаетъ друзей, ваше величество. — Маршъ ко мнѣ, глупая блоха.

— Оставьте ее, сударь, укуситъ.

— Меня не укуситъ, она боится меня.

— Полно дурачиться, къ дѣлу...

Паленъ, Паленъ... Все просить чего-то ждать, не давать заговорщикамъ подозрѣній, увертывается, юлитъ, ходитъ, какъ мутная метель за окномъ. Почто запаздываетъ Аракчеевъ? До барабановъ, до заревой пушки, Аракчеевъ обскачетъ Петербургъ. Надобно всѣхъ схватить ночью, безъ огласки, въ цѣпи, подъ рогожу, въ казематы, до свѣту, чтобы поутру никто не зналъ: исчезли инкогнито, навсегда. Аракчеевъ составитъ списки злодѣевъ, включитъ всѣ имена, и Александра и Константина. Допросить также бѣлаго Палена, подъ палачами. Подъ палачей, всѣхъ!

Они исчезнутъ, онъ ихъ забудетъ. Онъ все забудетъ. Скоро лѣтнія погоды дохнутъ, и уже снастятъ фрегаты въ Кронштадтѣ.

Когда святили фрегатъ «Пантелеймонъ Цѣлитель», глухой Гагаринъ сказывалъ, будто покойный Суворовъ, хитрѣйшій генералиссимусъ, Рейнеке-Лисъ россійской, про Екатерины Вторыя подъ рукой отзывался — Бѣсъ Полуденный.

Бѣсъ Полуденный, и точно. Отъ нея открылась злосчастная россійская судьба. Павелъ усмѣхнулся на свое отраженіе въ черномъ окнѣ. Ему-ли остановить открывшуюся судьбу Россіи? На мгновеніе онъ подумалъ о себѣ, какъ о чужомъ, онъ подумалъ о темной головѣ императора въ окнѣ, что вокругъ той головы сочеталась тайна всего прошлаго

Digitized by Google

и будущаго россійскаго, а онъ не вѣдаетъ тайны и ничего не властенъ перемѣнить.

Бормоча подъ носъ «бѣсъ полуденный», онъ идетъ къ ширмѣ. Его тѣнь прошла по шкафу, куда прячутъ знамена, штандарты гвардейскихъ полковъ и шпаги арестованныхъ офицеровъ.

Шпицъ слушалъ его покашливаніе за ширмой, чутко двигая влажнымъ носомъ. Въ глазетовомъ колпакѣ и въ полотняной бѣлой курткѣ, точно-бы постарѣвшій, въ мягкихъ шлепанцахъ, напѣвая «бѣсъ полуденный», Павелъ идетъ изъ-за ширмы къ столу. Шпицъ пошелъ за нимъ по пятамъ, обнюхивая туфли.

Императоръ давно не трогалъ книгъ. Поднялъ одну къ свѣчѣ, наугадъ: «Зерцало Мірозрительное, въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова», книга отъ Лопухинскихъ временъ.

Московскій старичекъ Новиковъ при свиданіи, послѣ шлиссельбургскаго заключенія, палъ передъ нимъ на колѣни. Онъ поднялъ старика и сталъ цѣловать въ щетинистый подбородокъ. При свиданіи они оба плакали о мучительной кончинѣ въ Шлиссельбургскомъ казематѣ государя Іоанна Антоновича. Въ своихъ замыслахъ московскіе розенкрейцеры воистину почитали Іоанна и его государями россійскими, великими мастерами Имперіи Розы и Креста.

Въ славу и честь таинственнаго имени Іоанна покрываетъ нынче Имперію рабъ Божій Павелъ, великій магистръ державнаго ордена, рыцарскимъ щитомъ святаго Іоанна Іерусалимскаго.

Тайна Россіи, Имперіи Розы и Креста, открылась ему въ двухъ сундукахъ съ мартинистскими бумагами, которыя прислали въ Петербургъ, къ матушкѣ, послѣ ареста Новикова, московскаго старичка въ заячьей шубкѣ. Имперію Златорозоваго Креста Павелъ зрѣлъ и самъ душевнымъ окомъ и

Digitized by Google

къ ней сталъ сурово стремить темныя стада подвластныхъ народовъ, да озарятся.

И на кого-бы могъ опереть такое стремленіе? На дворскихъ-ли сластолюбцевъ, вѣдающихъ одну похоть своего своеволія? Не въ нихъ-ли открылся воочію зракъ гибели, тьмы, и паденія въ бездну храмины россійской. Онъ круто взнуздалъ ихъ желѣзной уздой, онъ загналъ ихъ въ казармы и въ жесткіе прусскіе мундиры. Не на полунощныхъ убійствахъ, не на самозванствѣ и бунтѣ, не на Ропшѣ, а на законѣ да утвердится его Имперія. Онъ поставитъ надъ Россіей и надъ собой священный законъ, таинственный щитъ Іоанна, посвятитъ отечество въ рыцарство отъ солдата до императора, да сбудется.

На дворцовомъ бастіонѣ уже поднятъ стягъ Іерусалимскаго ордена, и Кваренгій уже отстроилъ орденскую капеллу и мѣдные литеры его новой Имперіи выбиты надъ дверями:

D. O. M.
Divo. Ioanni Baptistæ sacrum
Paulo I
Omnium Russiarum Imperatore ac ordinis
St. Ioannis Hierosolimitani
Magno Magistro.

Въ Іоанновъ день, онъ явно показалъ всѣмъ знаки орденскихъ таинствъ. Въ ту іюньскую ночь оберъ-церемоніймейстеръ Мальтійскаго ордена графъ Юлій Головкинъ и кавалеры Мальтійскаго Большого Креста въ орденскихъ мантіяхъ, съ горящими восковыми свѣчами, и самъ онъ, Гроссмейстеръ Павелъ, обошли великой процессіей первый храмъ его священной Имперіи.

— Дому Твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней — сипло и бодро побормоталъ Павелъ слова псалма, выбитыя на фронтонѣ его замка. Перекрестился.

Digitized by Google

Еще не разумѣютъ его замысла, но въ долготѣ дней всѣмъ откроется священное таинство, и Домомъ Закона, Домомъ Святыни, содѣлается Россія, высокимъ рыцарскимъ орденомъ, или ей не быть вовсе.

Злосчастный Павелъ, отвергнутый сынъ, онъ издавна зрѣлъ, и безъ Новикова, въ самомъ солнцѣ славы Екатериной свернутаго, тяжкаго змія бездны, соблазнъ похоти и своевольства. Та слава и та Имперія зачалась въ нечистотѣ и крови преступленія. А щитъ его новой Имперіи — непорочный рыцарь Іоаннъ. Онъ вѣдаетъ, что его почитаютъ умалишеннымъ тираномъ. Ужо, то-ли будетъ тиранство, когда онъ наступитъ на главу змія и въ домѣ своемъ, и въ сыновьяхъ своихъ.

Съ помощію Божіей ему суждено подавить навѣки змія бездны въ отечествѣ. Даромъ ли и самый бунтовщикъ Пугачовъ неистовствовалъ его именемъ и именемъ отца, даромъ-ли онъ принималъ въ Гатчинѣ французскаго генерала Демурье, изъ революціи изошедшаго, даромъ-ли замышляетъ нынче союзъ съ самимъ Буонапарте, чудовищемъ якобитскимъ? Рабъ Божій Павелъ не страшится своихъ мужиковъ и своихъ солдатъ. Когда надобно, онъ дастъ мужикамъ законъ о вольности, когда надобно онъ самъ надѣнетъ якобитскій колпакъ, но не предастъ богоданной власти въ руки Ропшинскихъ убійцъ, бунта и своевольства. Страшилища якобитскія страшатъ его менѣе, чѣмъ его дворъ, его командиры, его сыновья, вся темная судьба Россіи.

Судьба Россіи. Не ему-ли, вѣрному рыцарю Павлу, заповѣдано поднять въ ея тьмѣ священный щитъ Розы и Креста, и тогда станетъ имя императора Павла, помѣшаннаго тирана, прекраснымъ и благословеннымъ въ потомствѣ вовѣки. Аминь.

Онъ тронулъ Новиковскую книгу. Уже слежались синеватые листы:

Digitized by Google

«Дни человѣческіе оставляютъ послѣ себя только запахъ мнѣній людскихъ».

«Жизнь, какъ корабль, бѣжитъ скоро, не оставляя ни слѣда, ни знака».

«Да никогда вечеръ смерти и ночь тебя нечаянно постигнутъ».

— Аминь, — пробормоталъ Павелъ и задулъ свѣчу.

Шпицъ повозился на бархатномъ тюфячкѣ. Павелъ прошелъ въ темноту, вытянувъ руки. Онъ легъ на прохладную койку, онъ едва бѣлѣетъ въ потемкахъ, за ширмой. Въ спальнѣ мерцающій сумракъ метели.

Корабль бѣжитъ, не оставляя ни слѣда, ни знака. Все минуется и прейдетъ, настанетъ день, и онъ возвратитъ заговорщиковъ изъ крѣпостей и равелиновъ, онъ вернетъ имъ честь и достоинство рыцарей Іоанновыхъ, покроетъ знаменами Имперіи. Кабы живъ былъ старый Суворовъ, славно-бы учинили они торжественный церемоніалъ со знаменами. Корабль бѣжитъ... Заутра потребовать вѣдомости изъ Адмиралтейства, смолятъ-ли фрегаты въ Кронштадтѣ, и о снарядахъ брандскугелей, и о снастяхъ.

Россійскіе фрегаты «Пантелеймонъ Цѣлитель», «Гекторъ», «Зачатіе Святыя Анны», «Три Святителя», «Благодать». Имя Анны — Благодать по-еврейски. Анино имя, отрадный свѣтъ, — Анна, Анна онъ не вспоминалъ о ней въ послѣдніе дни, а съ нимъ всегда Анна. И ея вензеля на самомъ большомъ кораблѣ россійскомъ, на гренадерскихъ шапкахъ, на корабельныхъ флагахъ. Анна и Іоаннъ, Роза и Крестъ, Благодатная Имперія Божьяго рыцаря Павла. Аминь.

Digitized by Google

VI.

Лѣтній садъ отворенъ съ Невы.

Вѣтеръ вертитъ ржавую петлю воротъ, свиститъ въ чугунныхъ пробояхъ, толпой тѣней качаетъ вѣтви деревъ. Ходитъ косая мгла снѣга, въ сугробахъ погребены Гераклы и Киприды.

Въ аллеѣ мигаетъ мѣдь на гренадерскихъ шапкахъ. Вѣтеръ когтями рветъ мокрыя солдатскія букли, онѣ свалялись какъ войлокъ. Скрежещетъ штыкъ о штыкъ.

Зашумѣлъ Лѣтній Садъ, пролетѣлъ долгій гулъ. Каркаетъ воронье, каркаетъ шумящая ночь. Гренадеры сгрудились, побѣлѣли отъ снѣга. Кто-то мокрой робой прикрываетъ лицо, глотаетъ вѣтеръ, командуетъ. Вѣтеръ глотаетъ команду:

— Сту-у-у-пай... Сукины... Пу-у-у-шекъ не боитесь, воронья испу-у-у... Маршъ.

У экзерцирсгауза качается на чугунной лапѣ фонарь, снѣгъ бьетъ въ стекло. Уже идутъ по крутому мосту, гуськомъ. Побѣлѣли спины, вздуваетъ плащи. Приказано огня изъ огнива не высѣкать, за громкое слово шпицрутены, — итти въ молчаніи, секретно. Дому Государя бѣда.

Огромная карета чернѣетъ въ воротахъ, верхъ заваленъ снѣгомъ. Въ караульнѣ погашенъ огонь. Донесло и пронесло бой курантовъ, полунощную четверть. Гренадеры уже строются во дворѣ. Не видать, кто строится противъ нихъ, бѣлѣетъ на треуголкахъ галунъ, бѣлѣютъ патронныя сумки, гренадеры-ли тамъ, или мушкетеры. Приклады глухо ударили о снѣгъ. Ногу не отдавать, въ молчаніи, секретно: Дому Государя бѣда.

Стряхивая снѣгъ съ треуголокъ, разматывая мокрые шарфы, офицеры пробѣжали въ подъѣздъ. Одни солдаты стоятъ во дворѣ, ружья къ ногѣ. Снѣгъ косо бьетъ въ лица.

Digitized by Google

— Ваше величество, ваше величество...

Адъютантъ Преображенскаго батальона Аргамаковъ стучитъ костяшками пальцевъ въ дверь императорской спальни.

— Ваше величество, ваше величество...

Собака залаяла пустынно и звонко. Платонъ Зубовъ попятился отъ дверей, затолкался локтями. Бенигсенъ сжалъ сзади его мягкіе плечи.

— Куда? Самъ привелъ. — Ты!

И ударилъ въ дверь сильно, ладонью.

— Отоприте!

Дверь задрожала, лай смолкъ.

— Отоприте, отоприте, — навалились, бьютъ кулаками, треснула створка, дверь распахнулась и рухнули всѣ въ темноту, руками впередъ.

На порогѣ уперлись, неуклюже разставивъ ноги въ ботфорахъ.

Ширма у постели подвинута, свѣча стоитъ на полу. Его черная шпага, его трость, его шарфъ надъ изголовьемъ. Изрыта постель. Бенигсенъ поднялъ свѣчу, водитъ по темнымъ угламъ, лицо ганноверца освѣщено снизу: крупный носъ, щеки въ темныхъ завалахъ.

Они въ парадныхъ мундирахъ, у всѣхъ шпаги сзади, по воинскому обряду. Они столпились на порогѣ, тяжело дышутъ. Мерцаютъ ихъ ордена и алмазныя звѣзды. Надъ толпой колышется паръ. Платонъ Зубовъ что-то сказалъ и присвистнулъ И потому, что онъ присвистнулъ эта огромная спальня и помятая, еще теплая, постель, эта ночь, заговоръ, отреченіе, императоръ, все торжественное и небывалое, для чего они взбили парики, надѣли ордена и парадные мундиры, внезапно стало инымъ и неотвратимымъ. Кто-то нагнулся и заглянулъ подъ столъ. Задвигали креслами.

Бенигсену свѣчей опалило рѣсницы. Онъ идетъ

Digitized by Google

къ камину. Тѣнь его свѣчи запрыгала на шпалерѣ. Бенигсенъ тычетъ шандаломъ въ темный экранъ, ставитъ свѣчу на паркетъ и неловко, лѣвой рукой, тянетъ изъ ноженъ шпагу.

Всѣ замерли. Платонъ Зубовъ быстро взбилъ букли, подвинулъ на шеѣ золотой знакъ и поклонился экрану. Николай Зубовъ, одернулъ ментикъ и надмѣнно сказалъ:

— Именемъ націи... Мы именемъ націи требуемъ отреченія вашего величества.

И, очень высоко поднявъ ногу, перешагнулъ свѣчу. За нимъ шагнули всѣ. Николай Зубовъ подвинулъ экранъ.

— Выходите, ваше величество.

Павелъ въ бѣлой простынѣ, накинутой на тощія плечи, — сѣрыя букли обвисли къ щекамъ, пальцы босыхъ ногъ шевелятся на паркетѣ, — Павелъ стоитъ за экраномъ, у чернаго жерла камина. Бѣлый шницъ прижался къ его босымъ ногамъ.

Бенигсенъ опустилъ шпагу.

— Конецъ, ваше величество. Императоромъ провозглашенъ Александръ, по его приказу мы васъ арестуемъ.

Павелъ сгребъ въ горсть простыню на груди. Поверхъ головъ, не мигая, смотрятъ во тьму его круглые глаза.

— Отреченіе! — зло крикнулъ Платонъ Зубовъ и махнулъ треуголкой.

Гулъ и топотъ многихъ ногъ докатился съ лѣстницы, Платонъ Зубовъ обернулъ свое мелкое, красивое лицо, обронилъ шляпу и бросился къ дверямъ, за нимъ другіе, толпой, тискаясь и храпя.

Одинъ Бенигсенъ остался передъ Павломъ. Бенигсенъ, какъ слѣпой, моргаетъ опаленными рѣсницами, онъ разставилъ ноги въ тяжелыхъ ботфортахъ, онъ прижимаетъ къ груди императора остріе шпаги.

Digitized by Google

— А-а-а-а, — Павелъ захлебнулся отъ глубокаго вопля.

Ворвалась толпа, чей топотъ былъ слышенъ съ лѣстницы, дунула туманомъ, загремѣла, ширма придавила свѣчу, толпу закрутило впотьмахъ. Бенигсенъ, пригибаясь, занырялъ къ дверямъ.

— А, сукинъ сынъ! — жадно и страстно крикнулъ кто-то. Метнулись вверхъ чьи-то острые локти, простыня пронеслась надъ головами, какъ сѣрое знамя.

Бенигсенъ одинъ, въ темной библіотечной залѣ, разсматриваетъ императорскіе портреты. Онъ высоко подымаетъ свѣчу къ желтымъ пятнамъ щекъ и носовъ. Кислымъ потомъ и тепломъ дохнула тьма изъ спальни. Выходятъ одинъ за другимъ, пошатываясь, невѣрными движеніями, какъ пьяные, оправляютъ букли, сбитые на лобъ, шарфы, сваленные горбомъ, застегиваютъ мундиры черезъ пуговицу и суютъ подъ камзолы черные гвардейскіе галстухи.

Тогда Бенигсенъ, вдоль портретовъ, по стѣнѣ, сталъ пробираться со свѣчей въ спальню. Черепки фарфора заскрипѣли подъ ботфортами генерала.

Павелъ лежитъ у камина, подкорчивъ руки подъ подбородокъ. Ужасно вытянулись его голыя жилистыя ноги, въ кровоподтекахъ. Мертвый Павелъ сталъ громаднымъ, какъ Петръ Первый. Вздулась темная голова, кончикъ языка прикушенъ и ощерены кривые зубы. У его рта, на паркетѣ, темная лужа крови.

Генералъ отступилъ, и тогда выкралась изъ камина бѣлая собака. Она омочила лапу въ крови и встряхнула. Повизгивая, она стала лизать темную щеку Павла и его темный лобъ.

Digitized by Google

VII.

Внизу, на дворцовомъ подъѣздѣ, со звономъ распахнулась дверь, мутно дунуло снѣгомъ. На порогѣ графъ Паленъ. Онъ откинулъ за плечи черный плащъ и обернулся къ адъютанту:

— Что, онъ уже холодный?

— Да, я докладывалъ вамъ.

— Тогда я подымусь.

Черезъ двѣ ступеньки графъ Паленъ побѣжалъ наверхъ. Въ библіотечной залѣ его нагналъ на своей деревяшкѣ Валеріанъ Зубовъ, полный, съ обрюзглымъ, бабьимъ лицомъ.

— Графъ, постойте, я съ вами... Мы опоздали, постой-же.

Въ спальнѣ, въ сыромъ туманѣ, всѣ стоятъ тѣсно. Измайловскаго полка капитанъ Болховской, приподнялъ за волосы съ паркета темную голову Павла, въ клочьяхъ буклей, въ сѣрой пудрѣ, пропитанной кровью. Отбросилъ: голова глухо стукнула о паркетъ.

Платонъ Зубовъ полулежитъ въ креслахъ, разматывая шелковый шарфъ съ очень нѣжной женственной шеи: Зубову душно. Костянымъ ножичкомъ онъ счищаетъ съ воротника пудру опрятными и легкими движеніями.

— Будетъ вамъ, — говоритъ онъ, капризно морщась. — Закиньте его чѣмъ-нибудь... Простыней.

Графъ Паленъ остановился на порогѣ, задыхаясь отъ бѣга.

— Но надобно запереть спальню: дворецъ полонъ солдатъ.

— И я говорю, пора, — Платонъ Зубовъ поморщился и протянулъ Палену тяжелую табакерку:

Digitized by Google

— Прошу васъ.

— Благодарствую, не нюхаю.

Зубовъ быстро утеръ съ табакерки кровь и защелкнулъ крышку.

— Я иду къ Александру, — сказалъ Паленъ. — Приберите, прошу васъ. Надобно провѣтрить.

Всѣ, не двигаясь, смотрятъ на темную груду, точно ждутъ чего-то. Вѣтеръ затрясъ стекло и пролетѣло сумрачное звенѣніе: крѣпостные куранты отбили первую четверть утра. Флота капитанъ-командоръ Клокачевъ закинулъ простыней тѣло Павла. Оно забѣлѣлось у камина, какъ сугробъ.

Въ узкомъ простѣнкѣ, у шкафа, стоитъ генералъ Бенигсенъ.

— Тише, тише... Собака.

Медленно оглянулись на Бенигсена.

— Собака?

— Тутъ. Бѣлая собака.

— Какая собака? Мерещится.

— Его собака. Тише.

У камина, подъ опрокинутымъ кресломъ, что-то бѣлѣется. Платонъ Зубовъ осторожнымъ кошачьимъ движеніемъ поставилъ на паркетъ свѣчу, присѣлъ, и свѣсился конецъ его размотаннаго шарфа. Упираясь ладонями о паркетъ, Зубовъ пошепталъ, вытягивая губы:

— Дурашная... Собакей... Поди, ну... Собачка, собачка.

Шпицъ прыгнулъ съ мертвеца, всѣ поднялись, Платонъ Зубовъ прижалъ къ стѣнѣ кресло.

— Тутъ, она, тутъ... Забилась... Я ее — тутъ.

И вдругъ отдернулъ руку, жалобно вскрикнулъ:

— А-ахъ, она укусила.

Дверь спальни распахнулась: на порогѣ графъ Паленъ.

— Ты, куда ты дѣзешь, чортъ!

Digitized by Google

— Не понимаю, о чемъ вы?
— Собака.
— Какая собака?
— Она въ коридорѣ.
— Ловите, ловите!

Бросились толпой въ коридоръ. Палепъ удержалъ Бенигсена за обшлагъ:

— Генералъ, стойте.
— Собака.
— Вздоръ, вы въ безпорядкѣ. Застегните камзолъ.

— Я понимаю, — Бенигсенъ крупными пальцами застегиваетъ пуговицы мундира. — Я понимаю... Собака.

— Вздоръ, говорятъ вамъ... Помогите поднять его, запереть спальню. Кругомъ солдаты.

Паленъ крѣпко держитъ генеральскій обшлагъ:

— Кончено. Архангелова труба, и та не вдругъ его разбудитъ. Кому-нибудь изъ насъ надобно было отправиться къ чорту: его чередъ... Онъ вызвалъ Аракчеева... Я его задержалъ на заставѣ.

— Я понимаю. Пустите обшлагъ.
— Вздоръ.
— Да пусти ты меня!

Бенигсенъ вырвалъ рукавъ и побѣжалъ въ коридоръ.

VIII.

У покоевъ цесаревича Александра, у круглой лѣстницы на Фонтанку, стоялъ въ ту ночь на караулѣ гренадерскій капралъ Родіонъ Кошевокъ. О полночь капралъ заслышалъ крадущіеся шаги. Ходитъ, стало-быть, безсонный государь Павелъ Петровичъ.

Digitized by Google

Но въ потемкахъ шелъ не государь, а неизвѣстный высокій офицеръ, бѣлокурый, въ семеновскомъ мундирѣ съ синимъ воротникомъ, вотъ неслышно прокрался подъ зеркальнымъ щиткомъ, вотъ притаился за колонной, у каждой двери, въ покои императрицы, тихо защелкиваетъ ключи.

Капралъ присмотрѣлся и узналъ цесаревича Алекасандра, откинулъ эспантонъ. Александръ метнулся въ темноту.

А за полночь многіе господа пробѣжали къ покоямъ государя Павла Петровича, обратно, снова къ покоямъ. Капралъ задрожалъ: Дому государя бѣда.

Потомъ стихло. Потомъ огни многихъ свѣчей закачались въ глубинѣ коридора. Бѣлой стрѣлой пронеслась собака, прыгнула на постаментъ статуи, подъ которой стоялъ капралъ, и прижалась къ его спинѣ. Скоро его обступили господа со свѣчами.

— Солдатъ, ты видѣлъ собаку? — крикнулъ одинъ изъ нихъ, придерживая руку, замотанную шелковымъ платкомъ.

Капралъ трясся, его жесткое лицо напружилось и потемнѣло.

— Бѣлая, сюда кинулась, видалъ?

— Отъ него не допытаться: ошалѣлъ.

Огни бѣгутъ по лѣстницамъ, внизъ, въ дворцовую прихожую. Николай Зубовъ толкнулъ обитую войлокомъ дверь, дунуло въ лицо снѣгомъ, тьмой, погасли свѣчи. Разгоряченный Зубовъ сбѣжалъ по ступенькамъ, прижимая къ шеѣ ладонь, — еще застудишься на морозѣ, — онъ уже набралъ студенаго воздуха въ грудь, чтобы крикнуть «братцы, собака, держи», но вдругъ отступилъ.

Въ темнотѣ, у крыльца, бѣлѣютъ лица солдатъ. Ледяной вѣтеръ хлынулъ въ ротъ Зубову, подхватилъ въ бокъ потные волосы.

Digitized by Google

— Радуйтесь, братцы, — крикнулъ Зубовъ. — Мучитель вашъ померъ, ура!

Крикъ сорвался, никто не отвѣтилъ. Обмерзлые гренадеры въ треуголкахъ, заваленныхъ снѣгомъ, надвинулись молча, вразъ ступили къ крыльцу.

Барабанщикъ гренадерскаго батальона, костлявый старикъ съ изсохшимъ лицомъ, скопецъ Антонъ Калавайненъ изъ чухонъ, злобно крикнулъ:

— Для насъ не мучитель, — отецъ.

Зубовъ, ослѣпшій отъ изморози, вбѣжалъ въ прихожую.

— Солдаты... Идутъ... Все... Открылось... Тамъ бунтъ.

По ступенямъ, ружья на перевѣсъ, какъ ходятъ въ атаку, тяжко и мѣрно поднимаются гренадеры. Окутаны паромъ жесткія лица. Барабанщикъ Антонъ Калевайненъ идетъ впереди, какъ ходитъ въ атаку, и черныя палки зажаты въ костлявый кулакъ, ударятъ громомъ тревогу.

По заламъ прокатилъ вѣтеръ, тьма, на сквознякѣ стукнули двери, въ спальнѣ, надъ мертвымъ императоромъ, холоднымъ дуновеніемъ колыхнуло простыню: гренадеры, ружья на перевѣсъ, вступили въ замокъ.

Паленъ высоко поднялъ руки, сверкнули алмазы на бѣломъ мундирѣ.

— Гренадеры назадъ. Караулъ, стой!

Барабанщикъ попятился.

Черный плащъ просвисталъ, какъ крыло, Паленъ стремительно шагнулъ къ гренадерамъ, еще попятились въ мерзлую тьму, откуда пришли, — нестройно и шумно.

— Его императорское величество государь Па-

Digitized by Google

велъ Петровичъ волею Божьей скончался. Императору Александру ура!

Паленъ сильно хлестнулъ барабанщика по плечу лосиной перчаткой.

— Пошто молчишь, по россійски не разумѣешь? Императору Александру — ура!

Пятясь, набирая воздуха въ груди, шало глядя на Палена, гренадеры закричали ура, раздулись шеи отъ крика, потемнѣли лица. Офицеры подняли зазвенѣвшіе шпаги. Сиплое ура загремѣло во дворѣ. Ура въ покояхъ императора Александра. Тамъ офицеры стоятъ толпой, въ холодномъ туманѣ, тамъ паркеты въ темныхъ лужахъ оттаявшаго снѣга. На яшмовомъ столѣ, свѣсивъ ноги, сидитъ Уваровъ, онъ чему-то смѣется. На Александра не смотрятъ, о немъ забыли.

Александръ уткнулся лицомъ въ кожаную подушку. Отъ рыданій дергаетъ его длинныя ноги въ бѣлыхъ чулкахъ. Такъ, одѣтымъ, онъ лежалъ на канапэ и въ первомъ часу ночи, когда надъ нимъ склонился Николай Зубовъ.

— Вставайте. Скорѣе. Идите къ солдатамъ.... Его болѣ нѣтъ.... Вы — государь, вставайте, ваше величество.

Отъ Зубова пахло потомъ и виномъ. Александръ вцѣпился тонкими пальцами въ кожаное сидѣнье.

— О чемъ вы говорите... Я не хочу... Какой государь? Я приказалъ для отца во дворѣ карету. Его отвезли въ крѣпость?

— Нѣтъ, все свершилось безъ кареты. Его болѣ нѣтъ.

Тогда Александръ, какъ подкошенный, припалъ головой къ кожаной подушкѣ. Теперь онъ не рыдаетъ, онъ тихо стонетъ отъ слезъ. Его влажные, бѣлокурые волосы прилипли къ щекамъ.

Digitized by Google

Паленъ подошелъ къ нему изъ табачнаго дыма. Онъ похлопалъ Александра перчаткой по плечу.

— Будетъ ребячиться, ступайте царствовать: васъ ждетъ гвардія, вы слышите ура? Помогите его поднять, господа...

Александра повели подъ руки. Уваровъ оправилъ ему измятый бѣлый камзолъ, намокшій отъ слезъ, и вытеръ на немъ платкомъ алмазныя пуговки. Онъ потянулъ изъ тонкихъ пальцевъ Александра сырой комокъ платка.

— Вашъ вовсе мокрый, ваше величество, — возьмите мой...

Отъ слезъ все шаталось и плыло въ глазахъ молодого императора.

IX.

Поручикъ гренадерскаго полка Кошелевъ былъ вызванъ съ полуротой къ замку уже къ самому свѣту, когда поднялся сырой вѣтеръ оттепели. Войска подходили вереницами тѣней. Гремящіе взрывы ура почему-то застрашили Кошелева. У рѣшетки Лѣтняго сада онъ увидѣлъ невысокаго гусарскаго офицера, похожаго со спины на мальчика. Кошелеву показалось, что гусара тошнитъ и потому онъ держится двумя руками за рѣшетку.

— Вамъ не можется, сударь, — заботливо сказалъ Кошелевъ, ступая къ гусару черезъ сугробъ. Тотъ обернулъ худое лицо. Было что-то трогательное въ томъ, какъ заметаетъ на впалую щеку гусара пряди заинѣвшихъ волосъ. Его зубы стучали.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я здоровъ... Я видѣлъ его. Онъ лежитъ. Я самъ видѣлъ... Его убили. Зачѣмъ его убили, Боже мой?

По тѣлу Кошелева пролетѣлъ внезапный холодъ.

Digitized by Google

Онъ понялъ, почему войска вызваны къ замку и почему тамъ гремитъ ура.

— Я самъ видѣлъ, лежитъ, — глядя на Кошелева и не понимая, что говоритъ, гусаръ повторялъ. — Боже мой, какъ ужасно... Зачѣмъ-же, зачѣмъ...

— Пойдемте, — сказалъ Кошелевъ и взялъ его подъ руку.

Въ отворенномъ Лѣтнему Саду, уже ходили сизые табуны тумана и сырой вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревъ. Мальчикъ не отпускалъ руки Кошелева. По дорогѣ, онъ назвалъ свое имя — Полторацкій. Онъ остался съ солдатами во дворѣ.

Въ темныхъ залахъ, куда вошелъ Кошелевъ, столы были сдвинуты, экраны и кресла нагромождены, какъ-будто во дворцѣ недавно потушили пожаръ и занялъ залы воинскій постой. Въ покояхъ было мутно отъ холоднаго пара. Толпой ходили офицеры, разсматривая мебель и шпалеры. Они говорили громко и нарочно громко смѣялись. Они такъ ходили по заламъ, точно не знали что еще дѣлать здѣсь.

Кошелева теперь также трясло и тошнило, какъ маленькаго Полторацкаго у рѣшетки Лѣсняго Сада. Онъ почти бѣжалъ по туманнымъ заламъ. У дворцовыхъ дверей выставляли караулы.

Скрестивъ штыки, караулъ сталъ у спальни императора. Босая, простоволосая женщина, въ ночномъ капотѣ, мелкими шажками бѣгаетъ вдоль штыковъ, хватается за острія, она не кричитъ, не плачетъ, она храпитъ:

— Пустите, пустите....

Солдаты смотрятъ дико, капитанъ салютуетъ шпагой, но въ спальню никого не приказано пускать, даже ея императорское величество.

Графиня Ливенъ, въ тяжеломъ чепцѣ, никакъ не можетъ нахлынуть на императрицу бѣлый сало-

Digitized by Google

пецъ. Государыня отступила отъ штыковъ, подобрала съ затылка сѣдыя косицы. Ливенъ накинула салопъ. Императрица выпрямилась, ступила къ солдатамъ —

— А, меня не пускать... А-а, тогда я скажю вся правда, не слюшай ихъ, солдатенъ они измѣнникъ, злодѣй, они убили мой бѣдній мужъ, вашъ добрый императоръ... А-а взять ихъ, солдатенъ. А, я ваша императрисъ, защищайте меня, — а-а-а.

Императрица вдругъ сѣла на паркетъ, съ тонкимъ, воющимъ звукомъ «а-а-а». Графиня Ливенъ сказала черезъ голову «воды». Капитанъ опустилъ шпагу.

Воду подносилъ императрицѣ гренадеръ Михайло Перекрестовъ, молодой черноглазый солдатъ. Близко нагнулся молодой солдатъ и сказалъ испуганно и кротко:

— Выкушай, матушка, не отравлена, скусная...

Кошелевъ вышелъ во дворъ, гдѣ его ждалъ Полторацкій.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ гусару и взялъ его подъ руку. — Тутъ обойдутся безъ насъ. Я буду сводить полуроту.

Они шли рядомъ, по крѣпкому снѣгу Царицына Луга, къ казармамъ. Кошелевъ провелъ Полторацкаго въ полковую кордегардію, чтобы согрѣть сбитнемъ и уложить на казенномъ ларѣ: мальчика трясла лихорадка.

Полторацкій послушно легъ на ларь и накрылся плащемъ. Свѣтлыя пряди волосъ раскидались по нечистой подушкѣ. Кошелевъ разстегнулъ свой отсырѣвшій мундиръ и задулъ свѣчу на табуретѣ.

За досчатой перегородкой кордегардіи гудѣли голоса и бухали приклады: солдаты уже вернулись изъ замка.

Digitized by Google

— Слышите, — прошепталъ Полторацкій.

— Слышу, тише...

Кошелевъ, сидя на табуретѣ, прислонился къ перегородкѣ. За нею глухо роились голоса.

— А она, братцы, вовсе босая, въ рубахѣ, я, стало-быть, воду ей подаю, а она...

— Померъ, знаемъ какъ померъ. Задушили.

— Нѣтъ, Господи сила Твоя.

— Задушили, баре, оны окоянные, оны задушили.

— Родивонъ Степанычъ, да что теперь будетъ съ нашими головами?

— Что будетъ, когда правду убили. Была одна правда, сверху свѣтъ, а и то придушили. Тьма заступитъ въ Рассею.

— Твари, барство, штыка имъ въ брюхѣ перевернуть.

— Молчи!

— Ампиратора забили, братцы, ампиратора. Рѣшилися наши головы.

— Молчи тебѣ говорятъ, палочьемъ забьютъ. Намъ таперь молчать до остатняго, а правду сыну откроемъ, какъ барство — сударство его батюшку жаловало, я ему собаку представлю, молчи...

Голоса отдалились. Кошелевъ медленно повернулъ къ Полторацкому голову. Теперь они оба дрожали.

X.

Было уже свѣтло, когда графъ Паленъ провелъ въ императорскую спальню хирурга лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Вилліе.

Въ спальнѣ медикъ медленно разстегнулъ неряшливый зеленый мундиръ, закиданный таба-

Digitized by Google

комъ, и, поверхъ очковъ въ оловянной оправѣ, надѣлъ еще однѣ, гдѣ стекла темными лунками. Онъ бросилъ мундиръ на ширму, на кровяныя простыни ,и сталъ засучивать рукава.

Сочится лѣвый високъ мертвеца, по которому князь Зубовъ ударилъ табакеркой, жалованной Екатериной Вторыя.

Сумрачно посапывая, Виллiе сталъ мазать лицо мертвеца желтой мастикой. Рану на вискѣ онъ покрылъ лакомъ тѣлеснаго цвѣта. Многими кисточками онъ румянилъ и охорашивалъ разбухшее лицо, какъ-будто покоилась передъ нимъ голова спящаго трагическаго актера, которому выйти заутра къ толпѣ, на великолѣпное зрѣлище.

Утромъ въ дворцовыхъ залахъ еще ходили, стояли и сидѣли многiя особы гвардiи и двора. Князь Зубовъ грѣлся у камина. Яшвиль стоялъ передъ нимъ и чему-то сухо смѣялся.

На порогѣ залы показался цесаревичъ Константинъ. Тусклые, рыжеватые волосы цесаревича были взбиты на вискахъ, онъ тоже не спалъ ночь, его лицо припухло и посѣрѣло. Онъ пошевелилъ густыми бровями и поднялъ къ глазамъ золотой лорнетъ.

— Я всѣхъ ихъ повѣсилъ бы, — сказалъ онъ довольно громко и скрылся, ударивъ дверью съ такой силой, что зазвенѣли Медузы. Многiе оглянулись, а Платонъ Зубовъ поднялъ отъ огня зарумяненное жаромъ лицо въ тончайшихъ морщинахъ.

Въ императорской спальнѣ пуки свѣчей весь день горѣли желтоватой мглой, а ввечеру была объявлена первая панихида.

Императоръ лежалъ въ высокомъ гробу, на черномъ бархатномъ катафалкѣ, въ голштинскомъ, синемъ мундирѣ, ногами къ окну. Его руки въ жел-

Digitized by Google

товатыхъ крагахъ были скрещены на груди, къ нимъ прислоненъ образокъ. Челюсть Павла была повязана бѣлымъ фуляромъ. За ночь у мертвеца отрасла щетина. Черная треуголка съ серебрянымъ галуномъ, слегка надвинутая съ изголовья на лѣвый високъ, затемняла его лицо.

Взрывы заупокойнаго пѣнія колебали огни свѣчей и по щетинистому подбородку Павла ходили тѣни. На всѣхъ лбахъ маслянистые отблески огня. Въ залѣ тяжелая духота, шелестъ и шуршаніе большой толпы.

На первой панихидѣ присутствуютъ особы двора его величества и высшіе чины императорской гвардіи: санктпетербургской военной губернаторъ его сіятельство графъ фонъ деръ Паленъ, шефъ перваго кадетскаго корпуса его свѣтлость князь Зубовъ и братья его, шефы второго кадетскаго корпуса и Сумскаго гусарскаго полка, а равно замка плацъ-адъютантъ Аргамаковъ, генералъ-майоръ Бенигсенъ, командиры и шефы лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Кегсгольмскаго полковъ, конной гвардіи, сенатскихъ батальоновъ, а также полковники, капитаны и поручики сихъ и прочихъ полковъ санктпетербургскаго гарнизона, Бибиковъ, Болховской, Скарятинъ, князь Яшвиль, Татариновъ, флота-капитанъ Клокачевъ и многіе иные особы, — съ блѣдными, разсѣянными лицами, у всѣхъ растрепаны букли, небрежно повязаны шарфы, и пудра не счищена съ воротниковъ.

Генералъ Бенитсенъ внезапно пошатнулся. Князь Зубовъ, граціозно и мелко крестившій грудь, поддержалъ генерала.

— Что съ тобой? — прошепталъ Зубовъ. — Тебѣ дурно?

Digitized by Google

— Тамъ собака... Сѣла на гробъ... У темнаго образка.

— Нѣтъ собаки, мерещится.

— Тебѣ мерещится, Бенигсенъ, — шепчетъ графъ Паленъ. — На гробу нѣтъ собаки.

— Я понимаю, — Бенигсенъ моргаетъ обгорѣлыми рѣсницами. — Мнѣ мерещится, мнѣ дурно, я понимаю.

XI.

Герольдъ въ золоченыхъ наручникахъ, тяжелый золотой рыцарь въ пернатомъ шлемѣ, высится на конѣ у Исаакіевскаго моста.

Герольды изъ конногвардейскихъ солдатъ — отъ крика напряглись темныя жилы — съ утра извѣщаютъ столицу о благополучномъ восшествіи на россійскій престолъ его величества императора Александра.

Желтоватое солнце рѣетъ надъ Санктпетербургомъ. У подворотенъ курятся рыжіе сугробы. На Невскомъ проспектѣ въ коричневое крошево разъѣзжена мостовая. Свѣтлы стекла фонарей. Свѣжій вѣтеръ качаетъ красную, какъ сурикъ, перчатку надъ лавкой гамбургскаго кушца.

На Невскомъ проспектѣ глухой стукъ колесъ. Каретныя стекла проносятъ солнце. Прокатываютъ новые выѣзды по набережной, съ форейторами на переднихъ лошадяхъ. Волоча шубы по мокрымъ плитамъ, знакомые снимаютъ другъ передъ другомъ мохнатыя сырыя треуголки: смѣшно и немного стыдно показывать всѣмъ стриженыя по новому головы, безъ пудры. Уже обрѣзаны старомодныя букли дней тирана.

Золотой всадникъ у Исаакіевскаго моста закачался подъ тяжестью золотыхъ доспѣховъ и палъ

Digitized by Google

въ дурнотѣ съ коня. Мастеровые въ пестрядевыхъ халатахъ, охтенскія торговки, сбитенщикъ отшатнулись, снова натиснулись. Гостиннодворскій мѣняла, съ изморщеннымъ, точно-бы выщипаннымъ лицомъ, попятился изъ толпы.

— Доорался. Не къ добру съ коня грянулъ...

Въ императорскомъ замкѣ открыты всѣ окна: въ покояхъ провѣтриваютъ мглу панихидъ и чадъ свѣчей.

Въ казармахъ гвардіи, въ гренадерской ротѣ, — солдатство и нынче, какъ во времена Матушки, зоветъ роты капральствами, — тоже открыты всѣ окна. Въ капральствѣ дощатыя койки тянутся вдоль стѣнъ, а надъ койками самодѣльныя полки. На полкахъ окованные солдатскіе сундуки, съ парадными мундирами, мелкой аммуниціей, чистыми смѣнами рубахъ, пуговицами, табакомъ, вощанымъ катышкомъ, куда натыканы иголки, обмылкомъ въ бумагѣ, да вишневымъ футляромъ, слежавшимся по всѣмъ складкамъ, который берутъ въ руки разъ въ годъ, на красную Пасху, подъ качели.

Всюду темные образки надъ гренадерскими ларцами, къ нимъ прилѣплены грошевыя свѣчи. Отъ копоти покороблены невидные лики святыхъ.

Вдоль полукруглыхъ оконъ деревянныя чушки, болванки для треуголокъ, точно стали фрунтомъ подъ окнами желтые карлы, покрытые шляпами, а у стѣны, напротивъ, ружейная стойка. Надъ штыками, на колышкахъ, вбитыхъ въ стѣну, связки солдатскихъ бѣлыхъ портупей и патронныя сумки.

Чанъ у печи съ чистой водой, помятый желѣзный ковшъ на чанѣ, и ночь и день топится широкая русская печь, вѣникомъ начисто выметенъ полъ и побрызганъ водицей: теплая хоромина лавровъ и побѣдъ, обитель войскъ россійскихъ. Ночью у

Digitized by Google

печи на скамьѣ сидятъ капралы. У одного еще не отстегнутъ суконный красный галстухъ съ рубахи, у другого ходитъ огонь по темномѣдной груди и рдѣетъ тамъ складень. Капралы молча выпаливаютъ въ устье печи табачный дымъ: сильная тяга.

Въ однѣхъ подштанникахъ, босой, спиной къ печи, стоитъ лысый капралъ Родіонъ Кошевокъ, другъ Африкана умалишеннаго: кость грѣетъ.

На скамьѣ, предъ огнемъ, сидитъ молодой гренадеръ, Михайло Перекрестовъ, черноглазый, блѣдный съ лица, и Акимъ Говорухинъ, съ молоду пусть и картежникъ, особливо въ хлюсты, а нынче слушатель Родіоновъ, и капралъ Илларіонъ Кремень, одинъ глазъ карій, другой голубой, — съ молоду былъ Ларька и зубоскальщикъ и бабникъ, а Кремнемъ отъ самаго батюшки Суворова нарѣченъ, и такія нынче пѣсни Ларя про солдатство играетъ, по всѣмъ россейскимъ полкамъ нѣтъ краше пѣвца, — всѣ ветераны Альпійскіе, Суворова молчальники.

Поджавъ ноги, какъ турка, сидитъ на койкѣ, въ потемкахъ, барабанщикъ Антонъ Калевайненъ и мѣрно жуетъ ржаную краюху, посыпанную солью.

—Давеча одинъ приходилъ, — шепчетъ Михайло Перекрестовъ, поводя на огонь темными глазами. — У-у какъ его, никакъ адъютантъ... Графъ эфтотъ... А слышу, она ворошится: шохъ-ворохъ. У меня ажно сердце упало: прослышитъ. Нѣтъ, не слыхалъ.

— За другимъ гранадеромъ присмотрѣть надобно, — задумчиво говоритъ пѣвецъ Ларя, тоже глядя въ огонь. — Который гранадеръ отъ пѣнника загуляетъ, о ту пору и хвастовать...

— Который гренадеръ хва-хвастаетъ? — слегка заикаясь, сказалъ Родіонъ.

Digitized by Google

— А вотъ и который: Климъ хвастаетъ, пелатонъ, съ праваго флангу.

Калевайненъ прожевалъ корку, ссыпалъ съ горсти въ беззубый ротъ ржаныя крошки, и проворчалъ:

— Когда хвастаетъ битъ будетъ до смерти. Климу такъ и скажи.

— Да я сказывалъ.

— А ну тише, — она.

Родіонъ поднялъ палецъ, всѣ повернули головы къ огню и прислушались. Михайло Перекрестовъ застѣнчиво и красиво улыбнулся:

— Она, родимцы, шур-шур... Она самая и есть потайная наша.

А было въ капральствѣ потайное дѣло, марта двѣнадцатаго дня, во вторникъ, о великій постъ, на шестой недѣли. Тогда капралъ Родіонъ Кошевокъ, придя по самому свѣту съ дворцоваго караула, отстегнулъ полу мундира и выпросталъ на койку бѣлую собаку, бѣлую собаку самого государя Павла Петровича. Свалялась отъ крови шерсть въ темныя клочья.

Пометалась на койкѣ бѣлая собака и прыгнула къ печи, на загнетку, зашатавъ шесты съ солдатскимъ тряпьемъ.

Много ночей шелестѣлъ капралъ Родіонъ страницами библіи и нѣчто царапая перомъ, вырвавъ изъ святой книги чистый листокъ. А въ самомъ концѣ марта, завернувъ въ красный фуляръ писанье свое, трое яицъ въ крутую, щепоть соли, два мѣдныхъ пятака и тертый калачъ, ходилъ Родіонъ въ безумный дольгаузъ къ умалишенному Африкану.

Въ желтомъ домѣ къ Африкану его не допустили, сказывали, что буенъ, но узелокъ приняли. Писарь, почесавъ за ухомъ гусинымъ перомъ, принялъ и писаніе капрала. А писаны были на свя-

Digitized by Google

томъ листкѣ литеры гражданскіе и церковные, нацарапана которая вверхъ, которая внизъ, неписьменной солдатской рукой:

«Дому Твоему подобаетъ. Святыня господня в долготу дней. Литеръ сотши сорокпятьсіе годы его житія. Стало отошла Святыня Господня отрасеиныне его съ нами нѣта она съ намии схоронена на досроку. Аминь».

— Экая эрмолафія,—сказалъ писарь.—Обратно прими, невразумительно написано. Ему не до каракуль твоихъ: онъ нынче въ Моисеи себя произвелъ и скрижали новыя пишетъ.

—Ск-скрижали, — сказалъ капралъ, заикаясь, и поклонился писарю. — Ужъ подай ты, сударь, и записку ему, ради Бога.

— Чудакъ ты, солдатъ. Мнѣ все одно: передамъ. Пятаки тутъ оставь. Моисею мѣдныхъ пятаковъ не надобно.

— Изволь, сударь, пятаки себѣ забери...

А за русской печью, въ капральствѣ, натаскано нынче, въ самую тѣнь, сѣнцо и сметена тамъ паутина: каждое утро ставятъ туда капралы хлѣбъ, щи въ манеркѣ и въ оловянной кружкѣ чистую воду.

До загнетки стала показываться бѣлая собака, подпуская къ себѣ капраловъ. Она скулила и тыкалась горячимъ носомъ въ солдатскія ладони.

XII.

Въ маѣ, о первыхъ дняхъ, когда были открыты всѣ окна казармъ и въ коридорахъ вѣялъ прохладный вѣтеръ, капралъ Акимъ Говорухинъ разбудилъ на разсвѣтѣ капрала Родіона:

— Родивонъ Степанычъ — бѣда, пробудитесь, сударь, Родивонъ Степанычъ, сущая бѣда.

Digitized by Google

Капралъ Кошевокъ скинулъ ноги съ койки и дрогнулъ отъ холода:

— Какая бѣда?

— Потайная наша... Сударь, батюшка, — пропала потайная.

Босые гренадеры въ холщевыхъ рубахахъ столпились у печи. Всплескиваетъ руками Акимъ Говорухинъ:

— Какъ я дневальной, братцы мои, ставилъ ей чистую воду, свѣжее сѣнцо, братцы вы мои, судари, милые други, ставлю ей водицу, шарю сѣнцомъ по запечью, до стѣнки съ сѣнцомъ дотолкнулся, шарю, а ее нѣтъ, други милые, нѣтъ.

Корку сухого хлѣба, огрызокъ ея, вынесли гренадеры на свѣтъ, глиняную миску со щами, уже подернутыми сальной радугой, и оловянную кружку, полную до краевъ чистой водой.

Осмотрѣли всѣ гренадеры и молча стоятъ у печи, опустивъ жесткіе, стриженные по новому головы. Родіонъ Кошевокъ сказалъ заикаясь:

— Ст-стало-быть и мы не достойны. Такого быть не должно. Ис-скать буду. Уйду въ бѣга потайную ис-скать...

Въ этотъ ранній часъ полковымъ дворомъ, по мосткамъ, проходилъ поручикъ Кошелевъ. Онъ дурно спалъ на дежурствѣ, или, можетъ-быть, не спалъ вовсе, но его лицо казалось очень усталымъ и онъ замѣтно дрожалъ отъ утренней свѣжести подъ эпанчей. Тяжелую усталость и еще тошное чувство разочарованія, темную досаду, поручикъ Кошелевъ чувствовалъ съ памятной ночи одиннадцатаго марта.

Когда онъ думалъ о той ночи, ему часто мерещилось лицо мертвеца со вздернутыми ноздрями, полными крови, и съ темными бляхами вмѣсто глазъ, какъ у слѣпца Эдипа. Все, что думалъ раньше Кошелевъ о россійской вольности и объ учине-

Digitized by Google

ніи въ Россіи древней республики, всѣ неуклюжія и странныя рѣчи за офицерскими ужинами при свѣчахъ и тосты новымъ Брутамъ, спасителямъ отечества, теперь вызывали въ немъ только тошное чувство.

Онъ думалъ, что своевольны и лукавы были люди мартовской ночи, чая убійствомъ одного человѣка свершить перемѣны въ отечествѣ, да и было ли у нихъ подобное чаяніе? Все то же осталось кругомъ, непремѣнное, развѣ вотъ остригли косы солдатамъ и выдали по полкамъ бѣлыя, на штрипкахъ, штаны.

Ни въ людяхъ, ни въ томъ, что дѣлалось кругомъ, онъ не видѣлъ перемѣны и онъ сталъ думать, что императора убили только для того, чтобы удобнѣе было проводить ночи за карточными играми, небречь службой, дебоширить у дѣвокъ и носить легкія сукна и штатскіе фраки. Именно объ этомъ говорили больше всего, такъ понимали кругомъ вольность.

Кошелевъ сталъ болѣть своимъ чувствомъ омерзѣнія и тошноты. Ему казалось, что совершилось что-то низкое и ненужное, въ чемъ виновенъ и онъ, но то, что свершилось было неотвратимымъ и теперь будетъ свершаться то, чего уже не остановить ни ему и никому другому.

Кошелевъ оставилъ многія привычки и знакомства и пересталъ бывать въ масонской ложѣ, гдѣ его тяготила и тщета пышныхъ словъ, и запахъ пыли отъ черныхъ завѣсъ въ невывѣтренной залѣ. Ему было стыдно, что братья-каменьщики зѣвали въ ладонь за скучными ритуалами, а за братской трапезой оживлялись, съ охотой говорили о новыхъ наградахъ, о приказахъ по полку и о томъ, кто получитъ кавалерію.

Такъ могло быть до марта, но такъ не могло быть теперь, или зачѣмъ убивали его?

Digitized by Google

Кошелевъ не зналъ, что должно стать инымъ, но вся жизнь и всѣ люди, вся Россія должна была стать иной послѣ марта, или никогда и ничѣмъ не будутъ оправданы мучительства несчастнаго императора Павла. Кошелевъ плакалъ о немъ по ночамъ и молился.

Въ эти дни онъ особенно часто вспоминалъ малолѣтняго брата Павлушу, оставленнаго въ Москвѣ, на руки гувернеровъ и нянекъ, и писалъ длинныя письма его воспитателю Жирару.

Въ кордегардіи, на деревянномъ ларѣ, прикрѣпивъ у изголовья свѣчу, Кошелевъ читалъ на ночныхъ дежурствахъ библію, которую узнавалъ впервые. Въ своихъ ночныхъ чтеніяхъ онъ началъ понимать нѣчто новое, щемящее и смиренное, чего не могъ бы пересказать никому, онъ сталъ понимать, что всѣ человѣческія слова объ украшеніи и перемѣнѣ человѣческой жизни не сбываются никогда, что жизнь не во власти людей, что жизнь не поддается хотѣнію человѣческихъ словъ и дѣлъ, а сбывается въ мірѣ и въ каждомъ человѣкѣ и во всемъ, что свершается на землѣ одна таинственная сила Божья. Тогда онъ думалъ съ волненіемъ о странныхъ словахъ апостола Павла, что Богъ не въ словѣ, а въ силѣ.

Только Полторацкій, маленькій гусаръ, со свѣтлыми прядями волосъ, падающими на худыя щеки, навѣщалъ его иногда и Кошелевъ сталъ уже привыкать къ своему молчаливому слушателю съ блестящими глазами, но Полторацкій скоро уѣхалъ къ отцу, подъ Калугу. Кошелевъ остался одинъ.

Черноволосый, съ бархатными искрами въ зеленоватыхъ внимательныхъ глазахъ, холодно-замкнутый и холодно вѣжливый со всѣми, Кошелевъ скоро сталъ почитаться въ полку гордецомъ и нелюдимомъ.

Digitized by Google

Послѣ марта, молодой офицеръ, которому едва минуло двадцать, замкнулся въ книги и полковыя занятія и вовсе отошелъ отъ товарищей. Онъ жилъ одинъ со своими новыми мыслями и тягостными чувствами тревоги и ожиданія.

Куранты отбили пятую четверть утра, когда поручикъ Кошелевъ, кутаясь въ синюю эпанчу, перешелъ казарменный дворъ.

Digitized by Google

ПОЖАРЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Въ сумеркахъ утра, 2 сентября 812 года, полицейскіе проводили тяжелую коляску Кутузова отъ Дорогомиловской заставы къ Яузскому мосту.

Полицейскіе бѣжали, пригибая головы, какъ гончія. Могло казаться, что бѣгутъ пустой улицей пѣшіе пожарные съ громоздкой колымагой. Дебелое тѣло Кутузова потряхивалось. Свѣтлѣйшій кутался въ синій плащъ.

Когда въ Филяхъ, въ тѣсной избѣ, пропахшей сукномъ мундировъ, грязью генеральскихъ сапогъ и мужицкой вонью, зло спорили генералы, фельдмаршалъ сидѣлъ молча въ потемкахъ. Былъ только слышенъ звукъ его старческаго дыханія. Онъ закончилъ военный совѣтъ, постучавъ по столу пухлой ладошей.

— Не потерять-бы арміи, — пришепетывая сказалъ Свѣтлѣйшій и задрожалъ его двойной подбородокъ, заплывшій на вороть мундира.

— А съ потерей Москвы еще не потеряна Россія.

Фельдмаршалъ, съ придыханіемъ, и тоже пришепетывая, выговаривалъ по простонародному это слово Рас-ссея.

Тяжелое движеніе тѣла поколыхало скамью, онъ всталъ: старыя ноги гатекли отъ долгаго сидѣнія.

— Самое уступленіе Москвы пріуготовитъ не-

Digitized by Google

пріятелю неизбѣжную гибель. Приказываю отступать...

Гончіе - полицейскіе осторожно покрикиваютъ «гей-гей». Свѣтлѣйшій будто дремлетъ въ колескѣ. Его морщинистыя вѣки зажаты, онъ не хочетъ видѣть Москвы: онъ всю ночь обильно и тихо проплакалъ на койкѣ, поджавъ ладонь подъ мокрую щеку.

Коляска, поднявъ низкую пыль, промчалась бульварами.

Рокочетъ Москва, словно прорвались близко воды: генералъ Милорадовичъ уже двинулъ войска на Коломенскую дорогу, съ войсками клади, пушки, телѣги, кареты, народъ.

Казаки тянутся гусемъ по мостовой. У чугунныхъ воротъ барскаго дома малорослый донецъ съ живыми глазами, въ синихъ шароварахъ, въ высокой, какъ черный улей, шапкѣ, кормитъ съ рукъ хлѣбомъ коня.

Таганку, Николоямскую, запрудило темное колыханіе киверовъ, линеекъ, штыковъ. Громадой, лязгая, скашливая, гремя, движутся войска. Офицерскія лошади, прижатыя къ заборамъ, корячатся, наморщивъ зады.

На Таганкѣ съ ночи сталъ высокій попъ въ трепаной рясѣ. Носитъ вѣтеръ его сивую гриву. Въ рукѣ попъ держитъ пудовую свѣчу да крестъ, въ другой кропило. Изъ помятой серебрянной кушели, съ самой ночи кропитъ попъ идущіе россійскіе полки, и его пѣніе, какъ сиплый горестный лай:

— Спаси, Господи, лю-у-у-ди Твоя...

Офицеръ, дворянскій мальчикъ, съ блѣднымъ, смѣшливымъ лицомъ, прыгнулъ съ коня. Киверъ палъ подъ тысячи ногъ, мигомъ растоптанъ. Разметало вѣтромъ рыжій кокъ офицера, онъ цѣлуетъ суровую руку попа, залитую воскомъ.

Солдаты подбѣгаютъ къ попу, подхвативъ полы шинелей, стукаютъ кожаными киверами о крестъ.

Digitized by Google

Шумитъ пламя пудовой свѣчи, кропило звенитъ о кушель.

На Яузскомъ мосту коляску Свѣтлѣйшаго сдавило движеніе войскъ. Затрещали коляскныя крылья. Поплыла надъ темнымъ мельканіемъ киверовъ бѣлая фуражка фельдмаршала.

Мостъ запрудило, въ толпѣ пробираются конные полицейскіе, размахиваютъ палашами. Коляску Кутузова нагоняетъ верхомъ Растопчинъ.

Онъ подскакалъ, скинулъ мохнатую треуголку. Онъ въ мундирномъ сюртукѣ, въ дрожащихъ, какъ желе, эполетахъ, съ ногайкой, закрученной, вокругъ краснаго обшлага. Блеститъ отъ пота лицо, грязь струйками стекаетъ по скуламъ.

— Михайло Илларіоновичъ, сказывали до послѣдней капли... Собственноручное ваше письмо...

Кутузовъ махнулъ полной рукой:

— Ступайте къ должности вашей. Вы разстраиваете движеніе на мосту.

— Я... Государю... Подобное... Государю... Неслыханно... Священная Москва, прахъ предковъ.

— Приказываю, вамъ, сударь, скорѣе очистить мостъ.

Кутузовъ сказалъ «скорѣ-я».

Морда коня, съ бѣлой проточиной, отдернулась отъ коляски. Скуластое лицо Растопчина занырялo въ киверахъ и штыкахъ.

Онъ осадилъ коня у артиллерійскихъ фуръ и сталъ кричать на обозныхъ солдатъ, размахивая ногайкой. Фурлейторы, трясясь и горбясь на своихъ повозкахъ, не оглядывались. Растопчинъ распоряжался движеніемъ, но его не слушалъ никто.

Зрѣлище топочущаго тѣснаго потока скоро увлекло Растопчина и потому, какъ онъ смотрѣлъ и потому, какъ моталась на его красномъ обшлагѣ нагайка, было видно, что онъ задумался. Верхняя губа приподнялась, показавъ рѣдко поставленные,

Digitized by Google

широкіе зубы. Онъ вспомнилъ свои сокровенныя намѣренія, отъ которыхъ захватывало духъ холодной щекоткой восторга, онъ вспомнилъ свои письма къ Балашову и Багратіону, ихъ отвѣты, которые онъ по многу разъ подчеркивалъ перомъ, провѣряя себя и находя подтвержденіе сокровенному замыслу, куда большему чѣмъ вся ихъ позорная и неуклюжая военная возня, всѣ ихъ ретирады, планы и диспозиціи, такому замыслу, который могъ явиться только ему, Растопчину.

Князь Багратіонъ, еще 14 августа, отвѣчалъ на его письмо съ простецкой прямотой:

«Истинно такъ и надо: лучше предать огню, нежели непріятелю. Ради Бога, надо разозлить чернь»...

«Предать огню», Растопчинъ подчеркнулъ эти слова. Тогда-же, 13 августа, онъ подалъ въ письмѣ намекъ Балашову, прикрывая намѣренія свои мнѣніями народа, которыхъ слышать ему не доводилось: «мнѣніе народа есть слѣдовать правилу «не доставайся злодѣю». И если Провидѣнію угодно будетъ, къ вѣчному посрамленію Россіи, чтобы злодѣй ея вступилъ въ Москву, то я почти увѣренъ, что народъ зажжетъ городъ».

Это было писано имъ тогда, когда поймали съ французскими плакардами чахоточнаго купчика Верещагина, врядъ-ли не масона, когда хитрый почтъ-директоръ Ключаревъ, отъявленный мартинистъ изъ мужиковъ, едва успѣлъ замести слѣды измѣннической переписки съ патріархомъ скрытаго русскаго бунта Новиковымъ, который притаился до времени въ подмосковной, когда вся ученая, университетская сволочь, господа московскій сенатъ, мартинисты, масоны, бунтовщики, потирали руки, ожидая вшествія Бонапарте въ Москву, а тотъ самый народъ, мнѣніе котораго онъ изъяснилъ министру, не только не желалъ жечь свой скарбъ и

Digitized by Google

дома, а ловилъ на улицахъ мнимыхъ поджигателей, будто-бы подосланныхъ французами.

Въ послѣднемъ письмѣ Балашову, 27 августа, онъ едва не открылъ своихъ намѣреній: «если по несчастью столицы спасти нельзя будетъ, то я оставшееся предамъ огню».

— Однако, я добавилъ «комиссаріатское и въ арсеналѣ», — пробормоталъ Растопчинъ. — Не то помѣшали-бы, сукины дѣти... Ужо, я предамъ.

Онъ съ раздраженнымъ удовольствіемъ бормоталъ вслухъ это слово «предамъ». И если бы спросили его, «на кого онъ такъ раздраженъ?», онъ сказалъ бы «на злодѣевъ французовъ», хотя злодѣями въ душѣ ихъ не почиталъ, а если-бы онъ самъ спросилъ себя, то отвѣтилъ, что на рыхлую груду жира, на чудо - фельдмаршала, который говоритъ «сюды-туды» и «скорѣя», носитъ по - утрамъ дамскіе чепчики съ шелковыми лентами и котораго возятъ въ коляскѣ по войскамъ, какъ одноглазую куклу, и на этого Балашова, похожаго на бабу въ прюнелевыхъ башмакахъ, и на льстиваго, неуловимаго и холоднаго Александра, на всю кучу дураковъ-командующихъ, которые ничего не понимаютъ и всего боятся, на всю придворную, армейскую и университетскую тварь, на вонючую барскую черь, на всю эту безтолочь, кривотолки, возню, развалъ, на все, что онъ, Растопчинъ, презираетъ.

— Я имъ, сукинымъ дѣтямъ, предамъ,—бормоталъ онъ. — Я ихъ научу...

И точно одергивая себя и желчную злобу, какую, въ самой глубинѣ, чувствовалъ всегда, ко всѣмъ и ко всему, что его окружало, Растопчинъ подумалъ, какъ-бы подбирая послѣднюю, круглую фразу въ письмѣ кому-то, кто будетъ судить его, Растопчина, и всѣхъ этихъ сукиныхъ дѣтей, какъ-бы они не назывались и кто-бы не были:

Digitized by Google

— Я ихъ научу, какъ надобно дѣйствовать истиннымъ сынамъ отечества...

Онъ далъ шпоры. Его скуластое лицо, съ прискаленными зубами, заныряло между мордъ драгунскихъ коней.

II.

Коляска Свѣтлѣйшаго пылитъ у старообрядческаго кладбища.

По высохшимъ канавамъ, положивъ ружья между ногъ, сидятъ на привалѣ пыльные пѣхотинцы. Свѣтлѣйшій посмотрѣлъ на мѣдные номера киверовъ «217» и слегка толкнулъ кучера въ запыленный синій задъ:

— Погоди тутъ маленько.

Коляска, накренясь, заскрипѣла. Пыльные пѣхотинцы, кто моталъ зажухлую портянку вокругъ ноги, кто безъ кивера лежалъ въ сѣрой травѣ, раскидавъ руки и ноги, и смотрѣлъ въ едва голубѣвшее во мглѣ небо, нехотя поднялись, завидѣвъ стараго тучнаго генерала.

Босой солдатъ прыснулъ отъ скамьи, прихвативъ въ охапку сапоги и ружье.

Свѣтлѣйшій обмахнулъ скамью плащемъ и грузно сѣлъ. Отстегнулась пуговка на бѣломъ жилетѣ и выплылъ на колѣни животъ. Свѣтлѣйшій дышитъ сипло и тяжело.

Здѣсь слышенъ отдаленнѣе рокотъ отходящей Москвы.

У ограды кладбища, на скамьѣ, Кутузовъ сталъ ждать генерала Милорадовича, которому наказывалъ быть на французскихъ аванпостахъ съ письмомъ.

Москва, въ сквозящихъ дымахъ, въ сыромъ дыханіи садовъ, уже разгоралась навстрѣчу солнцу широкими огнями оконницъ, рѣяніемъ крылатыхъ

Digitized by Google

куполовъ, на зарѣ, величественнымъ видѣніемъ, золотыми горами, разгоралась Москва.

Столбы свѣта сѣкли пустыя улицы и лепеталъ кудрявый калинникъ надъ заборами. У Василія Блаженнаго ворковали голуби ,ожидая зеренъ. Голуби низко метались надъ мостовой. Отъ Кремлевской стѣны тянулись на песокъ синія тѣни, свѣжая прохлада утра.

Дворовый человѣкъ въ нанковомъ казакинѣ, по виду барскій слуга, съ двумя пистолями подъ мышкой идетъ, шатаясь, къ Кремлю. Предъ дворовымъ тоже тянется тѣнь. Дворовый пьянъ. Намедни графъ Растопчинъ приказалъ разбирать аммуницію въ арсеналѣ и всѣмъ идти въ Кремль, защищать Престольную отъ француза.

Дворня и отсталые солдаты отъ Яузскаго моста до Коломенской заставы громятъ кабаки. Въ ясномъ воздухѣ разносится звонъ стеколъ и трескъ ставенъ, сбитыхъ съ петель.

Отсталый артиллерійскій солдатъ, злой отъ вина, въ прорванномъ киверѣ, срываетъ съ забора шершавую Растопчинскую афишу, у которой еще вчера толкалась толпа:

> выйдетъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Тверскую Божью Матерь, да сто пятьдесятъ пушекъ, кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ, у непріятеля же своихъ и сволочи сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, кормятъ пареной рожью и лошадинымъ мясомъ...

Генералъ Милорадовичъ съ конвоемъ лейбъ-гусаръ и казаковъ уже проскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ.

Рыжеватый и голубоглазый, въ красномъ ментикѣ съ золотымъ шитьемъ, Милорадовичъ разсѣянно и весело смотрѣлъ, какъ кишитъ у разбитыхъ кабаковъ чернь, какъ перебѣгаютъ улицу солдаты,

Digitized by Google

подхвативъ по-бабьи полы шинелей: обычное безчинство отсталыхъ, безначаліе города, отдаваемаго непріятелю.

— Ваше превосходительство, никакъ онъ? — заскакалъ сбоку молодой донецъ.

— Ахъ, дурень! — Милорадовичъ отнялъ отъ румяныхъ губъ трубку. Засмѣялся, показавъ бѣлые зубы:

— Наши цѣпи еще у Поклонной, дурень...

Протяжный тактъ марша колыхнулъ воздухъ. На пустой площади, у красной стѣны Кремля, строится полкъ. Милорадовичъ далъ шенкеля къ фронту.

— Кой чортъ приказалъ вамъ идти съ музыкой? — пылко крикнулъ Милорадовичъ.

Во фронтѣ, не по росту, какъ на нѣмецкой карикатурѣ, стоятъ старики въ распашныхъ зеленыхъ кафтанахъ Павловыхъ временъ, въ красныхъ камзолахъ и въ смѣшныхъ треуголкахъ съ бумазейными галунами, костлявые чучела съ жидкими косицами, торчащими на мѣдной проволокѣ, — гарнизонная команда, которую забыли въ Кремлѣ.

— Эва, мать честная, проворной енаралъ, — прошамкалъ солдатъ, пятясь отъ коня. — Мотри, солдатству ноги отдавишь.

— Музыка молчать! Гдѣ командиръ?

Старинный маршъ вздохнулъ и умолкъ. Маленькій старичекъ въ огромной треуголкѣ и въ черныхъ плисовыхъ гамашахъ на мѣдныхъ пуговкахъ, ветхій генералъ Бронзинъ отсалютовалъ шпажонкой и сухо сказалъ, съ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Въ регламентъ Петра Перьваго сказано, ежели гарнизонъ при сдача крѣпость имѣетъ дозволеніе выступать свободно и со знамена, то выходитъ съ музыкой.

Милорадовичъ задорно прокричалъ съ сѣдла въ лицо стараго нѣмца:

Digitized by Google

— Но развѣ въ регламентѣ есть что то о сдачѣ Москвы? Прикажите музыкѣ молчать, проворно ступайте на Коломенскую дорогу... Что вздумали, по регламенту, съ музыкой... Скорымъ шагомъ — а-аршъ.

У Поклонной горы въ лицо генерала хлынулъ просторъ. Онъ подозвалъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистра Акинфова. Письмо фельдмаршала должно вручить въ авангардѣ французовъ, Мюрату.

Акинфовъ, восторженно поблѣднѣвъ, подтянулъ чешую кивера и побѣжалъ къ коню.

Милорадовичъ зналъ долгія любезности фельдмаршальскаго письма: «ежели французы желаютъ занять Москву цѣлою, они должны, не наступая сильно, дать намъ спокойно выйти съ обозомъ и артиллеріей. Или же генералъ Милорадовичъ будетъ драться до послѣдняго человѣка».

Милорадовичъ сѣлъ крѣпче въ сѣдлѣ, высѣкъ огниво, затянулся, и выдохнулъ табачный дымъ.

Съ трубачами изъ конвоя Милорадовича, Акинфовъ проскакалъ въ передовую цѣпь французовъ. Письмо свѣтлѣйшаго принялъ командиръ непріятельскаго авангарда, маленькій и смуглый генералъ Себастіани.

Авангардъ французовъ медленно, точно не рѣшаясь, придерживая коней, потянулся къ Поклонной горѣ: условія Свѣтлѣйшаго приняты.

Жаркій, въ поту, Милорадовичъ подскакалъ съ трубачами къ скамьѣ у кладбища.

Свѣтлѣйшій сидитъ, пришептывая, морщинистыя вѣки закрыли глаза, можетъ быть, дремлетъ:

— Москва сдана. Непріятель двинулся на заставы. Казачьи пикеты отходятъ.

Въ два часа пополудни авангардъ французовъ вступилъ на Поклонную гору.

Солдаты императора, черные отъ загара, охрип-

Digitized by Google

лые, пыльные, едва движутся, затаивая шагъ, затаивая дыханіе. Прокатилъ тихій, радостный гулъ:

— Мос-с-с-ку-у-у...

Блистательный Мюратъ, въ бархатѣ и въ страусовыхъ перьяхъ, заскакалъ на Дорогомиловскую заставу. У полосатаго шлагбаума французскіе кирасиры смѣшались съ казаками. Бородатые московиты, озираясь, продираются между тяжелыхъ коней и кирасъ, влетѣли въ пыльную улицу унеслись синимъ клубкомъ.

На Поклонной горѣ, въ завѣсахъ пыли, маячитъ маленькій сѣрый всадникъ: императоръ на Поклонной горѣ, блеститъ его зрительная труба.

Къ Тверской заставѣ отъ Рузы и Звенигорода текутъ арміи вице-короля, Понятовскій ведетъ отъ Вереи польскихъ уланъ, за нимъ маршалъ Даву, къ Тверской и Коломенской, въ клубахъ пыли, движется конница. Въ золотистомъ маревѣ Москвы величественнымъ сіяніемъ плыветъ куполъ Воспитательнаго дома.

Наполеонъ рѣзко сорвалъ съ руки перчатку. Перчатка лопнула по шву. Онъ разостлалъ карту на горячемъ сѣдлѣ. Заметаетъ на щеку жесткіе черные волосы.

Ударила сигнальная пушка, какъ громъ, открывающій душную грозу.

Съ короткимъ лязгомъ, рванувъ стремена, прыгнули въ сѣдла, притиснули къ грудямъ тесаки, ружья, шпаги, конница, артиллерія, пѣхота, французы, баварцы, поляки, итальянцы, испанцы, — бѣгутъ.

Грохотъ колесъ, топотъ бѣга, взрывы дыханія слились въ быстрый гулъ, сверканія мѣди и серебра въ жаркомъ вѣтрѣ, чудовищными маками, наклонясь впередъ, летятъ красные султаны императорской гвардіи.

Померкло солнце отъ пыли. Гремитъ земля.

Digitized by Google

Волторнистъ италійскаго пѣхотнаго полка, черный отъ загара мальчишка, первый замѣтилъ на валу императора, крикнулъ жадно и яростно, оскаливъ бѣлые зубы:

— Вв-вивв-лемпрерр...

Свистящій ревъ обдалъ Наполеона. Пронзительно ударила музыка.

Сойдя съ коня, Наполеонъ шагаетъ по Камеръ-Коллежскому валу. Онъ скашливаетъ отъ пыли, горячо обдающей его смуглое лицо.

Въ Москвѣ, на Иванѣ Великомъ, соборный ключарь ударилъ къ вечернѣ, поплыла было мѣдная дрожь и тотчасъ утихла: въ Дорогомиловскую, Пресненскую, Тверскую, жмурясь отъ вечерняго солнца, въ блескѣ аммуниціи и мѣдныхъ орловъ, шумя перьями и султанами, катится армія императора.

Москва открывалась, огромная и пустая. Теплая заря свѣтилась на крутыхъ бокахъ куполовъ, на позолотахъ и колоннадахъ, рѣющихъ въ тишайшемъ воздухѣ вечера. Надъ московскими крышами и крестами, отмелали куда-то голуби въ млѣющемъ небѣ.

На Арбатѣ, сѣменя, бѣжитъ итальянская пѣхота, вдоль заборовъ скачутъ польскіе уланы. Съ Кремля нестройно и жидко защелкали выстрѣлы. Троицкія ворота въ Кремлѣ завалены бревнами. Противъ воротъ выкатили пушки.

На Арбатѣ загремѣла картечь.

Ворота разбили. Конница короля Неаполитанскаго съ музыкой потекла въ Кремль.

Польскіе уланы сгоняютъ къ красной стѣнѣ босыхъ мужиковъ въ домотканныхъ портканхъ, подростковъ, квартальныхъ солдатъ: ихъ захватили съ оружіемъ. У мужика опалена борода, щека почернѣла отъ пороха.

Тотъ самый нетрезвый барскій слуга, который

Digitized by Google

распугалъ по-утру голубей, сталъ теперь у Кремлевской стѣны, подъ наведенными ружьями, освѣщенный закатомъ, какъ пылающій снопъ.

III.

Несетъ пыльныя тучи, точно далеко машутъ дымныя крылья. Солнце летаетъ въ поднятыхъ пескахъ косыми блистаніями.

Гренадерскій нагрудникъ Кошелева отъ пыли сталъ бархатнымъ. Обсохшій, состарѣвшій отъ походовъ, темный отъ загара, Кошелевъ приподымается на стремянахъ. Его гнѣдой Тезей, храпя, грызетъ замыленный мундштукъ. Гудитъ и сотрясается мутная дорога, стада тѣней катятся во мглѣ, будто самъ Харонъ гонитъ полчища душъ въ мутныя воды Стикса и тысячи голосовъ тянутъ одинъ стенающій звукъ:

— А-а-а-а-а-а...

Снопы молній стряхиваютъ стекла каретъ, плывутъ возы, рыдваны, качаются пыльные слуги на высокихъ запяткахъ. Дворовые бѣгутъ у колесъ, у всѣхъ шапки въ рукахъ. Орутъ ошалѣлые возницы, гремятъ фуры съ казенной кладью, ныряютъ въ сѣрую мглу, у солдата фурлейтора точно-бы не одна голова въ киверѣ, а много дрожащихъ головъ. По блистающей покрышкѣ кареты бѣгаетъ, присѣдая, лягавый щенокъ.

Кошелевъ поскакалъ канавами, вдоль дороги. На него наплылъ пѣхотный строй.

— Братцы, — Кошелевъ осадилъ Тезея. — Братцы, не слыхалъ кто, Голицынскую гошпиталь погрузили?

Солдаты молча шарахаются подъ морду коню, Тезей стряхиваетъ шапки мыла на стоячіе воротники.

Digitized by Google

По канавамъ, опираясь на трости, прыгаютъ офицеры. Кошелевъ узналъ ихъ въ пыли по тѣнямъ высокихъ треуголокъ.

— Господа, не знаетъ-ли кто о Голицынской гошпитали?

Пыльный армеецъ въ зеленомъ мундирѣ замахнулся на него треуголкой:

— И-и, батюшка, куда прешь, — армеецъ краснымъ фуляромъ утеръ блестящую лысину и сѣдые височки. — Про Галицынскую не слыхалъ... Сказываютъ всѣ гофшпитали французу оставлены. Што творится, судырь ты мой, и-и Боже Праведный... Живъ будь Суворовъ, ужо, показалъ-бы сію ретираду... Мошенники, клейма имъ ставить.

Пѣхотнаго капитана снесло въ пыль.

Форейторы въ гороховыхъ шинеляхъ, трясутся на пристяжныхъ. У одного въ рукахъ фонарь на шестѣ, разбиты пыльныя стекла. На крутомъ возу торчмя стоятъ клавесины. Съ Балчуговъ или Сивцева Вражка плыветъ барскій дормезъ, окруженный босыми рабынями и плосконосыми калмычатами въ архалукахъ.

Кошелевъ зналъ, что братъ Павлуша лежитъ въ Голицынской больницѣ, о томъ сказывалъ гренадерскій лекарь, молодой нѣмчикъ, бывшій намедни въ Москвѣ съ лазаретными линейками.

Послѣдняя встрѣча съ братомъ была лѣтомъ, на Смоленской дорогѣ. Кошелевъ помнитъ, какъ гренадерамъ запрудили дорогу мужицкія телѣги, обозъ раненыхъ.

Мужики и солдаты галдѣли, раненые ругались или стонали, будто нарочно. Кошелевъ прыгнулъ съ коня, чтобы размять ноги. Пошелъ вдоль телѣгъ.

— Бр-а-а-тецъ, — позвалъ его съ телѣги Павлушинъ голосъ.

Братъ, блѣдный и похудавшій, морщась отъ боли, пытался сѣсть въ сѣнѣ. Съ плеча сползала

Digitized by Google

шинелъ. Былъ пропитанъ темными пятнами его голубой гусарскій ментикъ.

Кошелевъ нагнулся къ телѣгѣ и поблѣднѣлъ отъ запаха гноя и корпіи.

— Павелъ, Богъ Ты мой... Тяжело?

Мальчикъ поморщился и прошепталъ, отвертываясь:

— Въ животъ.

— Богъ мой, въ животъ... Сказывалъ не ходи въ армію, поспѣлъ-бы, такъ не послушалъ... Богъ мой... Гдѣ раненъ, когда?

— Подъ Смоленскомъ, сударикъ, оны тоисть уси подъ Смоленскомъ ранеты, — привѣтливо и охотно сказалъ за Павлушу русобородый плотный мужикъ.

Возчики безъ шапокъ столпились у телѣги, слушая какъ черноволосый баринъ пеняетъ барченку.

Костлявые солдаты, обмотанные тряпьемъ, точно Лазари въ пеленахъ, подымались въ телѣгахъ. Егерь, въ киверѣ, вбитомъ на обмотанную голову, сталъ во весь ростъ и погрозилъ кулакомъ:

— Тро-о-огай...

Изъ кожаной сумки Петръ вытряхнулъ брату въ сѣно кисетъ съ червонцами, комокъ полотенца, пистолетный пыжъ, тумпаковые часы, томикъ Вольтера въ пергаментѣ, надкусанную пшеничную булку съ изюмомъ, все, что было въ сумкѣ.

—Куда приказано ихъ везти? — зеленоватые, съ бархатными точками, глаза Кошелева стремительно окинули мужиковъ. Во всѣхъ глазахъ скользило сѣрое небо.

— Въ Москву, извѣстно куды, — недружно загудѣли возчики.

— Слушайте, вы, ежели мнѣ брата не убережете, ежели вы...

— Не надобно, братецъ... Мнѣ хорошо, — Пав-

Digitized by Google

луша поморщился и поднялъ къ лицу сквозящую кисть. Петръ прикрылъ его шинелью.

Послѣ свиданія на Смоленской дорогѣ, онъ больше не встрѣчалъ брата.

— Что творится и-и, Боже мой Праведный, — вспомнилъ Кошелевъ слова армейскаго капитана и подумалъ: «Быть не можетъ, чтобы Павлушу оставили въ Москвѣ».

Въ орѣшникахъ, съ обрыва, снова открылась московская дорога.

Внизу идутъ бородачи въ синихъ кафтанахъ, по виду купцы или сидѣльцы, бабы съ ребятами, попы въ бархатныхъ камилавкахъ, мастеровые, похожіе обритыми головами на каторжныхъ. Всѣ грудятся подъ многопудовымъ кіотомъ.

Пылаютъ кованыя ризы, душный вѣтеръ бьетъ ленты иконъ, кіотные шесты скрежещутъ на полотенцахъ, точно у мастеровыхъ и купцовъ желѣзныя плечи. Кошелевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на мѣдное шествіе.

Скоро копыта Тезея затопотали по бревенчатому настилу, и чѣмъ дальше въ пустой кварталъ ступалъ конь, тѣмъ согласнѣе и печальнѣе доносился рокотъ московскаго отхода.

Потянулись сумрачные пустыри, низкія строенія старообрядцевъ, бѣлые домы въ одинъ этажъ, подъ желѣзными кровлями. Ворота постоялаго двора отворены настежь. Пусто въ кварталѣ. Бухнулъ далекій шушечный выстрѣлъ. Кошелевъ придержалъ коня, покуда не смолкъ мягкій гулъ. Онъ заслушался согласнаго шума, похожаго на дальнюю музыку.

Изъ-за угла наскакали донцы. Казаки пригибались къ сѣдламъ, красныя пики прыгали у стремянъ. Одинъ казакъ, безбородый, съ одутловатымъ лицомъ, круто попятилъ коня:

— Ваше благородіе, куды? Ай не знаешь, — онъ въ Москву зашедши?

Digitized by Google

— Полно врать, борода.

— Ей-Богу, зашедши — казакъ прижалъ пальцемъ ноздрю, шумно высморкался на мостовую. — Повертай... Вся евонная сила по городу преть.

Вдругъ полоснуло огнемъ, шарахнулся Тезей, Кошелевъ потерялъ стремя. И когда Кошелевъ поймалъ стремя казаковъ не было, а съ конца пустой улицы, рѣдкой цѣпью, ружья на перевѣсъ, медленно подымались солдаты въ синихъ, мѣшковатыхъ мундирахъ съ красными нагрудниками.

Тезей заупрямился. Кошелевъ обрывалъ тугую пистолетную чушку, когда его окружали французы.

Смуглый сержантъ съ обвислыми усами приставилъ штыкъ къ потной груди Тезея. Конь успокоился. Сфыркивая и чихая, онъ замоталъ головой, точно здороваясь съ французами.

Другой солдатъ вырвалъ у Кошелева пистолетъ. Сержантъ сказалъ что-то повелительно и подалъ Кошелеву потную руку.

Кошелевъ самъ прыгнулъ на землю. Тяжело дыша, онъ стоялъ среди синихъ солдатъ, и вѣтеръ шевелилъ его влажные волосы. Французъ съ оборванной эполетой, сверкнувъ зубами, ударилъ Тезея прикладомъ по заду. Конь дрогнулъ и поскакалъ, звеня пустыми стремянами. Солдаты коротко разсмѣялись.

— Я потерялъ киверъ, — подумалъ Кошелевъ. — Я въ плѣну.

Солдаты шли кучкой за русскимъ офицеромъ, негромко переговариваясь.

На улицѣ вольнымъ строемъ стоялъ непріятельскій полкъ, ружья были сложены въ козла, а солдаты полулежали вдоль забора. Кошелеву приходилось прыгать черезъ пыльныя ноги.

Это былъ испанскій батальонъ, выдвинутый къ заставѣ. Сержантъ за рукавъ подвелъ Кошелева къ тучному полковнику въ зеленомъ мундирѣ. Сѣдой

Digitized by Google

испанецъ сидѣлъ посреди мостовой, на барабанѣ. По животу, на желтомъ жилетѣ, были отстегнуты мѣдныя пуговки. Испанецъ что-то жевалъ и его обрюзглыя щеки шевелились лѣниво.

Онъ кивнулъ Кошелеву и застегнулъ на брюхѣ мѣдную пуговку.

Уже была ночь, когда Кошелева вели по московскимъ улицамъ и когда онъ узналъ стѣну Кремля, отвѣсную громадную тѣнь въ зеленоватой пустынѣ неба. На площади горѣли костры, ходило зарево по низу стѣны. Французы, у многихъ мундиры въ накидку, подымались отъ костровъ и вглядывались въ идущихъ.

На Красной площади рокоталъ мягкій, успокоенный говоръ. Точно-бы площадь и небо сентябрьской ночи и озаренный, какъ въ Пасхальную ночь, Кремль, точно вся Москва рокотала въ сладостномъ опьянѣніи.

Въ Кремлѣ, у церковной стѣны, лошади шуршали сѣномъ. Одна покосилась на Кошелева.

Сержантъ подвелъ его къ гренадеру въ медвѣжьей шапкѣ съ бѣлыми кистями.

Гренадеръ перекинулъ на руку ружье, сказалъ что-то вѣжливо и негромко и толкнулъ въ стѣнѣ кованую дверь.

IV.

Къ утру небо заволоклось тихими тучами. Горѣла Биржа, надъ ней качался столбъ чернаго дыма.

Утромъ французы стали сгонять къ Спасскимъ воротамъ русскихъ плѣнныхъ.

Ихъ набралось въ Москвѣ сотенъ шесть или семь. Тутъ были бѣлобрысые рекруты съ ребяческими, шалыми глазами, отсталые солдаты, у которыхъ растертыя въ кровь ноги обмотаны тряпь-

Digitized by Google

емъ, ополченцы съ мѣдными крестами на поярках, квартальные съ бляхами на киверахъ. Въ толпѣ были и нетрезвые. Они особенно старательно шли къ Спасскимъ воротамъ.

Когда два гвардейскихъ эскадрона показались у Ѳедосѣевской усыпальницы, у каменной стѣны, надъ которой шумѣли пыльныя березы, тамъ повалилась на колѣни толпа бородатыхъ людей, похожихъ одеждами на языческихъ жрецовъ.

Четыре жреца стали посреди дороги, поднявъ надъ головами деревянное блюдо съ круглымъ хлѣбомъ. Эскадронный офицеръ схватилъ одного жреца за рукавъ и выпучивъ глаза закричалъ: «маршъ, маршъ».

Бородачи съ блюдомъ, подхвативъ полы кафтановъ, перебѣжали къ стѣнѣ, пали тамъ на колѣни и снова подняли блюдо.

За гвардейскими эскадронами, въ облакѣ пыли, на сребристомъ арабѣ, молодой кобылѣ, которая тревожно ржала, расширяя красноватыя ноздри, скакалъ, почти не трогая повода, императоръ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ послѣ неудобной ночи. За императоромъ, тѣсно шли кони маршаловъ, гарцуя по привычкѣ.

Пустымъ Арбатомъ къ Кремлю, тянулась артиллерія.

Между тяжкихъ колесъ ныряли на дулахъ гербы всѣхъ державъ и народовъ Европы, австрійскіе орлы съ поджатыми крыльями, польскіе крестъ и орелъ, гербы Людовика Шестнадцатаго, два пышныхъ икса въ узорѣ лилій, вензеля Фридриха Прусскаго, вензеля Наполеона въ побѣдномъ вѣнкѣ, гербы революціи на пушкахъ Конвента — мѣдныя стрѣлы надъ пламенѣющей звѣздой.

Артиллеристы, ныряя съ пушками въ пыль, срывали кивера и кричали.

Digitized by Google

Императоръ съ нетерпѣніемъ похлопывалъ коня по влажной шеѣ. Прогремѣла артиллерія, и пустой Арбатъ сталъ еще глуше, затаеннѣе, и копыта маршальскихъ коней зловѣще застучали на деревянныхъ мосткахъ.

У Богородицкихъ воротъ Наполеонъ прыгнулъ съ сѣдла, мгновенно показалась подъ сѣрой полой плотная ляжка въ синей рейтузѣ. Онъ стянулъ перчатку, пропотѣвшую къ концамъ пальцевъ, махнулъ ею и сказалъ что-то съ хрищой, бодро и весело. Въ блистательной толпѣ прошелъ одобрительный гулъ.

И когда Наполеонъ любовался на стѣны Кремля, на штабной стоянкѣ, въ деревнѣ, фельдмаршалъ Кутузовъ, покряхтывая и почесывая грудь, заросшую сѣдымъ волосомъ, наказывалъ деньщикамъ истопить себѣ баню, да поядренѣе, черную, съ выволокомъ, баньку въ даровыхъ пристойкахъ.

Вечеромъ деньщики подъ руки провели фельдмаршала по двору. На полкѣ, въ парильнѣ, мылилъ Свѣтлѣйшаго солдатъ шереножной команды Бабушкинъ, а въ подбаньщикахъ у него штабной роты нижній чинъ Агы-Кулаевъ, касимовскій татаринъ, что ходилъ у Свѣтлѣйшаго въ деньщикахъ.

Касимовецъ, подергивая мокрые подштанники, мылилъ отмѣнно, вздувалъ пѣну въ пушистый сводъ и крѣпко скребъ фельдмаршальскую голову, поцыкивая языкомъ.

Въ пару и въ банной мути было слышно шипѣніе, плескъ воды, и поухиваніе Кутузова, подъ шершавыми руками солдатъ, то сладкое старческое аханіе, то чмокающій звукъ, то мокрое хлопаніе ладоней объ обширную спину.

Солдатъ Бабушкинъ, лысый, съ мокрыми бакаами, обвислыми въ жидкія косицы, обливалъ спину Свѣтлѣйшаго теплой водой изъ шайки.

Digitized by Google

Копѣечная свѣча была прилѣплена къ обугленому бревну. Фельдмаршалъ обезсилѣвъ, охая и постанывая, смотрѣлъ на ея огонекъ. Побѣлѣлъ размытый шрамъ на его лбу. Мокрая спина фельдмаршала, рыхлая и бѣлая, въ мягкихъ складкахъ къ животу, уже растерта въ горячія полосы.

Настала ночь съ теплымъ вѣтромъ, шумно качавшимъ березы кругомъ баньки, когда Кутузова, разслабѣвшаго и горячаго, разстегнувшаго воротъ голландской рубахи, куда наплыла дебелая шея, Агы-Кулаевъ и Бабушкинъ вывели подъ руки въ темный садъ.

На гребнѣ, у дороги, стоятъ въ рядъ люди, какъ узкія тѣни. За ними дышетъ красное небо.

Фельдмаршала подъ руки повели на гребень. Онъ не узналъ офицеровъ и генераловъ, освѣщенныхъ заревомъ: страшныя, до-красна раскаленныя лица и впали глаза.

Далеко и низко въ черномъ небѣ волной восходитъ огонь.

Зашумѣлъ теплый вѣтеръ въ лицо. Отсвѣтъ пожара горитъ углемъ въ слѣпомъ окѣ фельдмаршала, а другое черно.

Кто-то посторонился и сказалъ, вдохнувъ вѣтеръ:

— Москва... Господи, Боже мой... Горитъ Москва.

V.

Въ Кремлевской церкви Спаса Преображенія на Бору, куда французскій гренадеръ толкнулъ Кошелева, въ верхнемъ углу Царскихъ Вратъ, мерцаетъ позолота.

На каменномъ столбѣ видны византійскіе башмаки святыхъ Гурія, Самона и Авива, а ихъ головы тонутъ во тьмѣ.

Digitized by Google

Кошелеву кажется, что люстра, дрожащая хрусталями, и свѣтящійся верхній уголъ Врать, и невидимые въ высокой тьмѣ святые, слушаютъ рокотъ Москвы, звонъ французскихъ сигналовъ. На церковномъ ларѣ, гдѣ сидитъ Кошелевъ, навалены французскіе плащи, грубаго сукна. Отъ плащей пахнетъ дымомъ и конской мочей.

Онъ брезгливо потянулъ къ себѣ одно изъ покрывалъ. Аксельбантъ оборвался, онъ бросилъ его подъ ларь: все равно.

Кошелевъ, до щепетильности любившій опрятность, тонкое бѣлье, растиранія жесткой щеткой по утрамъ, больше всего былъ оскорбленъ тѣмъ, что онъ неумытъ, что застыли ноги въ узкихъ сапогахъ, а мундиръ пропитался чужимъ запахомъ дыма и лошадей.

За рѣшеткой церковнаго окна все шире краснѣлъ кусокъ ночного неба, точно оно дышало.

Тѣни отъ рѣшетки пали на плиты, церковь заполнилъ красноватый туманъ. Высоко, въ потемкахъ, блеснулъ бокъ мѣднаго вѣнчика. Тогда Кошелевъ понялъ, что тягостный звонъ не сигналы, а шумъ пожара.

Онъ сталъ бродить по церкви.

За престоломъ была дверка въ ризницу. Она подалась, за ней былъ узкій душный проходецъ безъ оконъ и другая дверка, на лѣстницу. Кошелевъ, подымаясь, едва протискивался въ тѣснотѣ и упирался локтями о стѣны. Онъ дѣлалъ все какъ во снѣ.

По волосамъ дунуло прохладой. За поворотомъ стѣны было узкое окно: онъ увидѣлъ подъ окномъ полѣнницу дровъ въ отсвѣтахъ зарева.

Это была площадь Московскаго Сената, заваленная бумагами.

У Арсенала выкачены пушки. Тамъ ходятъ, тамъ сидятъ на пушкахъ французскіе артиллери-

Digitized by Google

сты. Кошелевъ высунулъ изъ окна ногу и сталъ шарить носкомъ по дровамъ, гдѣ бы ступить. Онъ безъ шума выбрался изъ окна, легъ ничкомъ. Береста пахла сыро и пріятно. Онъ послушалъ какъ отдаляются шаги часового и прыгнулъ съ полѣнницы въ тѣнь.

Пригибаясь, придерживая французскій плащъ, онъ побѣжалъ у зарядныхъ ящиковъ. Его тѣнь замелькала на красноватомъ пескѣ. Кошелевъ подумалъ: «сонъ, сонъ»...

Вдоль ящиковъ онъ добѣжалъ до воротъ. Тамъ стояли французскіе солдаты. Они смотрѣли на зарево, охватившее высокое небо, и тихо переговарились. Всѣ освѣщенныя лица казались необычайно красивыми. Никто не оглянулся на Кошелева. Изъ воротъ на площадь, онъ вышелъ наискось, къ Василію Блаженому. Побѣжалъ.

Въ небѣ темнѣетъ обширный пропилей барскаго дома. На другой сторонѣ стекла зіяютъ отблесками, точно всѣ ожили и повернулись къ зареву. У низкаго строенія, съ чернымъ орломъ надъ воротами, мѣрно ходитъ часовой.

А за поворотомъ въ лицо Кошелеву дохнулъ жаръ.

На тѣсной площади качало толпу, всѣ протяжно мычали, какъ глухонѣмые. Кошелева внесло въ темный проходецъ. Онъ видѣлъ, какъ куски суконъ, разматывая, перекидываютъ съ рукъ на руки. Онъ задыхался отъ гари, пытался выбиться изъ толпы. Съ гуломъ обвалилась дощатая стѣна, за ней открылся огненный омутъ. Кошелева понесло куда то съ толпой, на дымъ и блескъ выстрѣловъ. И все промчалось, какъ быстрое сновидѣніе.

Онъ бѣжалъ горбатымъ переулкомъ, онъ видѣлъ мерцающее небо надъ головой. Можетъ-быть, ему померещилась глухонѣмая площадь, но его руки обожжены и горятъ. Ему показалось, что руки въ

Digitized by Google

крови. «Я проѣхался на пожарѣ» подумалъ Кошелевъ и на-ходу сталъ слизывать ладонь. Она была сладкой и отдавала вишнями: какъ видно, онъ раздавилъ въ лавкѣ банку съ вареніемъ.

Послышались догоняющіе шаги, онъ оглянулся. Двое мужиковъ, одинъ, костистый бородачъ въ солдатской безкозыркѣ, тащилъ охапку суконъ, другой съ обритой головой въ пестрядевомъ халатѣ, бѣжалъ съ нимъ рядомъ, дыша сипло и коротко, по собачьи.

Кошелевъ сталъ. Костлявый скинулъ безкозырку и началъ пробираться бокомъ. Онъ склабился и бормоталъ:

— Мусью, мусью.

Другой, невысокій съ вдавленными щеками, — онъ былъ похожъ на обритаго сидѣльца сумасшедшаго дома, — толкнулъ костляваго въ спину:

— Да иди ты... Мотри, нехристь спалѣвши, не тронетъ.

— Ништо, какой нехристь. Я самъ русской, — сказалъ Кошелевъ, уступая дорогу.

— Статься не можетъ, — удивился костлявый, перекинулъ сукна съ руки на руку, и надѣлъ безкозырку. — Прямымъ французомъ смотришь.

— Чей будешь? — быстро спросилъ малый въ халатѣ.

— Я ничей. Я офицеръ.

— Охвиц-е-е-ръ — съ недовѣріемъ протянулъ бородачъ. — Чего-жъ тутъ шатаишься?.. Охвицеръ, какъ же... Бѣглый, чай, изъ полковъ

— Знамо офицеръ, не видишь. Баринъ, скряду видать, — перебилъ его обритый малый.

Кошелевъ замѣтилъ, что онъ въ туфляхъ на босу ногу.

— А, вашбродіе, да чего жъ вы въ Москвѣ остались?

Digitized by Google

— Меня въ плѣнъ забрали, я изъ плѣна бѣжалъ. Вотъ и остался. Не знаю, куда и дѣваться...

— Вовсе, стало, ничей, — осклабился костлявый. — А ты съ нами ступай. Москва намъ нынче препоручена, схоронимъ... Таперича въ Москвѣ какъ - есть всѣ ничьи: бары-то, начальство, сбѣжавши: пустѣло отъ нихъ. Вольность стала, можно сказать.

Оба засмѣялись. Ихъ сухой смѣхъ почему-то огорчилъ Кошелева.

— А вы кто такіе? — сказалъ онъ, идя между ними.

— Мы-то, — осклабился костлявый и не отвѣтилъ, а малый въ халатѣ заговорилъ охотно:

— Мы-то, вашбродіе, когда прямо сказать, изъ каторжного дому. Онъ Филька воръ, я за дѣланіе фальшивой монеты, какъ полагаца подъ плети. Спасибочко его сіятельству графу, какъ французъ подступилъ, давеча выпустили. Мы извѣстно кто.

Оба опять посмѣялись.

«Да нѣтъ, сонъ зрится», съ тоской и страхомъ подумалъ Кошелевъ.

Отрядъ французскихъ драгунъ проколыхалъ на высокихъ коняхъ. Всадники, завернутые въ плащи, вѣроятно, дремали.

— Сюды, вашблагородіе, въ подворотню.

Костлявый толкнулъ Кошелева въ спину. На пустомъ дворѣ, въ крапивникѣ, блестѣло битое стекло.

Кошелевъ ощупью сошелъ по крутой лѣсенкѣ, въ подвалъ, подалась дверь на кирпичномъ блокѣ, хлынули въ лицо гулъ говора и сивушная вонь.

Восковыя свѣчи прилѣплены къ бревнамъ, и этотъ громадный погребъ, а, можетъ-быть, баня, подобенъ душной усыпальницѣ, полной огней. На Кошелева надвинулась голова курчаваго мужика или

Digitized by Google

цыгана, лохматыя бороды, жесткая голова солдата.

— Барина привели, — крикнулъ костлявый въ безкозыркѣ. — Ей-Богу охвицеръ.

— Офицера привели...

— Какого, вашбродіе, полку?

— Сюды, пожалуйте.

Кошелевъ сѣлъ на мокрую солому. Солдатъ съ жесткой головой, — Кошелевъ замѣтилъ на его мундирѣ бляху квартальнаго, — мигая морщинистой щекой, заботливо сталъ подгребать ему подъ ноги солому:

— Туточки ножки, ваше благородіе, укладите, туточки соломку собьемъ.

«Народъ», подумалъ Кошелевъ съ брезгливой тошнотой и страхомъ. Онъ легъ въ солому лицомъ и вспомнилъ внезапно, какъ давно, гдѣ-то, кажется. въ Петербургѣ, слушалъ ночью невнятные и страшные голоса за досчатой перегородкой. Точно теперь проломило ту перегородку, и вотъ онъ въ подвалѣ, съ чернью, съ Филькой-каторжнымъ, на соломѣ. Онъ крѣпко сжалъ вѣки. Скоро говоръ смѣшался для него въ унылое заупокойное пѣніе .

Очнулся онъ уже въ холодныхъ потемкахъ, когда подвалъ полегъ въ тяжеломъ храпѣ и сонномъ стенаніи. Онъ очнулся потому, что кто-то шарилъ по груди и у шеи, отстегивая шнуръ его складня.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ на корточкахъ бѣлокурый человѣкъ въ синемъ фракѣ съ бѣлыми пуговицами. Глаза человѣка внимательно смотрѣли на него.

— Чего надобно, сударь, чего шарите?

Человѣкъ во фракѣ показался Кошелеву бариномъ.

— Пашпортъ, какой полковой документъ, — вкрадчиво пошепталъ бѣлокурый. — И мундирчикъ слѣдовать скинуть: французъ, онъ живо признаетъ,

Digitized by Google

— убѣглый... Извольте, сударь, полушубочекъ принять, рваная, правда, овчинка, дерьмо, а все скроетъ.

Человѣкъ въ синемъ фракѣ помогъ Кошелеву стянуть мундиръ. Были непріятны касанія его большихъ теплыхъ рукъ.

— Вы не знаете, куда меня вечоръ привели?

Кошелевъ поежился подъ жесткой овчиной.

— На заставу, въ ошару... Да меня выкать не къ чему. Я барской слуга, дворовый его свѣтлости князя Щербатова, подбуфетной, звать Ларькой. Какъ барство столицу покинуло, мы тутъ оставлены... Когда надобно что, такъ и покличьте: Ларька, да Ларька. Не сумлѣвайтесь, сударь, я завсегда.

— Благодарствую.

— Вотъ овчинка моя и понадобилась. Паспортъ вашъ, сударь, дозвольте.

— Да у меня нѣтъ.

— А, когда нѣтъ, такъ и нѣтъ...

Ларька принялъ въ охапку мундиръ и подвинулся.

Этотъ вѣжливый слуга съ бабьимъ голосомъ, сталъ непріятенъ Кошелеву. Было противно его дыханіе, отдающее виномъ, и его посапываніе, но особенно противно было Кошелеву, что онъ ошибся и почелъ Ларьку за барина.

VI.

Если бы въ Санктпетербургѣ, въ полдень, когда бьетъ гулкая пушка изъ крѣпости и надъ ясной Невой скорымъ облакомъ прокатываетъ румяный дымъ, или въ тѣ дни, когда онъ стоялъ надъ Невой, а вѣтеръ трепалъ флажки у дамбы и блисталъ мѣдный шлемъ Аѳины-Паллады на ку-

Digitized by Google

полѣ Академіи Художествъ, если бы тогда сказали ему, что онъ увидитъ такое небо Москвы, покраснѣвшее отъ пожара, и каторжную чернь, товарищей его московской ночи, что будетъ лежать съ ними на вонючей соломѣ, въ овчинѣ, — онъ не повѣрилъ-бы, отказался-бы повѣрить такой своей судьбѣ. Всѣ великолѣпныя и пышныя слова, которыя онъ привыкъ слышать, росы, сѣверные Ахиллесы, внуки Славянъ, идущіе въ брань за отечество, и то видѣніе мѣдной Паллады за Невой, здѣсь, въ ошарѣ, казались и ненастоящими и невѣрными.

А настоящимъ былъ этотъ квартальный солдатъ съ мигающей морщинистой щекой и нетрезвый слуга въ синемъ фракѣ, ошарившій его на разсвѣтѣ, и костлявый Филька-воръ, чернь, съ которой его свела нечаянная судьба.

Онъ всегда брезгалъ нечистымъ, воняющимъ сивухой, чеснокомъ и рыбой простонародіемъ. Правда, онъ любилъ солдатъ, но и съ ними былъ только холодно-вѣжливъ. А черный народъ, кишѣвшій гдѣ-то внизу, подъ колоннадой имперіи, дремучая тьма и дичь, находившая иногда въ самые глаза лохматыми бородами, противными поклонами о-земь, купцы, съ выбритыми подъ шайку затылками, идущіе въ перевалку, какъ пузатые синіе гуси, попы, съ сальными волосами, похожіе на брадатыхъ бабъ, кислая вонь и духота мѣщанскихъ домовъ, пыльная пустыня провинціи, вся та невыносимо-тусклая и невыносимо-унылая, невыносимо-пестрая и несуразная, буйная, тяжелая и некрасивая Россія, подымала въ немъ чувство вражды, брезгливости и страха. Но онъ жарко желалъ ей просвѣщенія, вольности, гражданства, онъ самъ не зналъ чего, но чтобы вся она стала свѣтлой, высокой и стройной, какъ золотогрудая и прекрасная богиня на высокомъ куполѣ за Невою.

Digitized by Google

Кошелевъ презрительно усмѣхнулся и тотчасъ покраснѣлъ: его оскорбило до тошноты, что подъ пальцами, на шеѣ, онъ раздавилъ вшу. Замшеваго мѣшочка съ бирюзовымъ складнемъ не было. Уже изловчился, видно, срѣзать складень тотъ Ахиллесъ въ синемъ фракѣ.

Въ ошарѣ было пусто. Только подъ окномъ, откуда падалъ пыльный столбъ солнца, сидѣлъ рослый солдатъ, оперевъ желтоватую руку на киверъ. «Отсталый, бѣглый» съ равнодушнымъ презрѣніемъ подумалъ Кошелевъ.

Солдатъ пошуршалъ соломой и сказалъ, слегка заикаясь:

— Зд-здравія желаю, ваше бла-ла-городіе.

— Здравствуй.

Жесткія, пыльныя баки солдата, его жидкіе волосы, зачесанные черезъ лысую голову, мягко-свѣтящіеся глаза, подъ которыми были морщинистые мѣшки, а особенно три продольныхъ морщины на лбу, какъ у античнаго философа, показались Кошелеву знакомыми.

— Да ты, постой братецъ, ты какого полка?

— Гренадерскаго, что и вы. Не признали меня, а я живо в-васъ призналъ: вто-второго батальена, роты шестый, а я перьваго, т-третьей, штрафной Родивонъ Кошевокъ.

— Какъ-же, помню тебя.

Точно, Кошелевъ вспомнилъ что-то смутное о старомъ солдатѣ, который былъ въ бѣгахъ и котораго наказывали передъ строемъ. Онъ вспомнилъ Бородино, когда гренадеры стояли сомкнутыми колоннами подъ огнемъ и было слышно въ рядахъ голготаніе раненыхъ. Отъ правой шеренги отгоняли бѣлую собаку. Она носилась по рядамъ, заложивъ уши, и взлетала, когда гремѣло ядро, она потерялась, какъ видно, и обнюхивала на бѣгу сапоги сол-

Digitized by Google

датъ. Одинъ гренадеръ, кажется этотъ старикъ, нагнулся, похлопоталъ ее по головѣ и собака прижалась къ его прикладу.

— Конечно, я знаю тебя... У тебя собака была.

— Такъ точно.

Солдатъ сунулъ руку въ солому.

Грузная бѣлая собака, съ шерстью, свалявшейся въ комья, поднялась, поволочивъ заднюю лапу, и ткнулась въ ладонь солдату головой. Лапа была перевязана тряпицей.

— Она с-самая, — сказалъ гренадеръ, заикаясь. — Пущай-бы у меня въ грудяхъ дюже недужило, силу я потерявши, а Москву и хворымъ бы в-въ строю миновалъ, а вить ей на мосту лапу колесомъ переѣхало. Тогда я выступилъ изъ фрунту. В-в-выходитъ я нынче бѣглый повторно...

Солдатъ вынулъ изъ-за пазухи деревянный поломанный гребень и сталъ вычесывать собакѣ блохъ. Она стояла тихо, уткнувъ голову въ его острыя колѣни. Солдатъ просматривалъ гребень на свѣтъ, выдергивая изъ зубцовъ мотки грязной шерсти.

— Вотъ какъ свидѣться довелось, — сказалъ Кошелевъ, слѣдя за руками гренадера. — Что теперь будетъ?

— А что будетъ: пропали, — спокойно отвѣтилъ гренадеръ, просматривая гребень. — Таперь онъ скорымъ маршемъ во вт-вторую столицу пойдетъ. Легла Россея.

— Полно тебѣ.

— Что полно, я знаю... Россея пропалая земля. Еще когда показано было, что пропадетъ.

— Да, что показано?

— А то... Да вить развѣ повѣрите, когда баринъ.

Собака заскулила.

Digitized by Google

— Ну, пусть показано, — усмѣхнулся Кошелевъ. — Ты мнѣ лучше скажи, куда ночлежники подѣвались?

— Тѣ-то. Тѣ сволочь и каторжные. Тѣ поджигать вышедши.

— Не понимаю, что поджигать?

— А все, какіе дома, строенія, магазейны, все до остатняго поджигать, Москву сказано спалить, чтобы пепелъ одинъ.

— Бредишь ты.

— Никакъ нѣтъ, не брешу, — солдатъ не дослышалъ. — Я знаю, что поджигать вышедши.

Онъ посмотрѣлъ изъ подъ бровей пристально и сурово:

— А я в-васъ вовсе призналъ: вт-второго батальена капитанъ Кошелевъ.

Собака, люшуршавъ соломой, встала.

— Куды, не лазь, — жестко прикрикнулъ солдатъ, отгоняя собаку отъ Кошелева.

— Зачѣмъ ты ее?

— А затѣмъ. Чего ей къ барину лѣзть... Когда, в-ваше благородіе, идти собрался и вѣрно, что уходи. Чего тебѣ съ каторжной сволочью... Вѣрное слово, иди.

VII.

На дворѣ, куда вышелъ Кошелевъ, шумѣли пыльныя березы. Тускло отблескивалъ и стлался у забора крапивникъ.

На улицѣ опромно открылось небо. По краю его росла косая туча, дышалъ въ лицо теплый вѣтеръ.

Кошелевъ подумалъ, что черная туча не гроза, а пожаръ, что Геростраты изъ арестныхъ домовъ и рабы съ факелами сжигаютъ Москву. Это показа-

Digitized by Google

лось ему такимъ невѣроятнымъ злодѣйствомъ, что онъ сказалъ вслухъ, съ раздраженіемъ:

— Гроза собирается, не пожаръ.

Онъ шелъ посреди мостовой. Туча въ концѣ улицы стала багрово отсвѣчивать, накаляясь изнутри, и Кошелевъ понялъ, что тамъ начинается то, чего никто не ждалъ, и чего не остановить теперь никому.

Судьба оставила его въ сжигаемой Москвѣ, онъ подчинится судьбѣ: онъ отыщетъ брата Павлушу, найдетъ московскій домъ. Теперь будь, что будетъ, а онъ ни въ чемъ больше не властенъ.

На улицѣ, у воротъ низкихъ домовъ, стали встрѣчаться пыльныя коляски.

Отпряженныя лошади жевали сѣно, натасканное къ колесамъ. На одной колескѣ, спиной къ лошадямъ, сидѣлъ французъ въ кожаномъ жилетѣ и въ красномъ колпакѣ на-бекрень. Онъ что-то ѣлъ съ бумаги, разложенной на колѣняхъ.

У воротъ двое солдатъ въ красныхъ колпакахъ рубили говяжью тушу.

Въ колескѣ, положивъ на сидѣніе ноги въ рыжеватыхъ сапогахъ со шпорами, спалъ непріятельскій офицеръ. Лицо спящаго было накрыто платкомъ.

Были отворены желѣзныя двери церкви, и Кошелевъ замѣтилъ, что въ притворѣ, задами къ улицѣ, стоятъ гнѣдые кони, отмахивая хвостами. У коней, въ сѣнѣ, спали на полосатыхъ одѣялахъ французы.

Въ потемнѣвшемъ воздухѣ замелькалъ желтоватый блескъ. Было видно, какъ въ концѣ улицы суетятся уланы въ лакированныхъ шапкахъ съ желтыми шнурами, какъ выводятъ изъ воротъ лошадей, накидывая сѣдла.

Digitized by Google

Одинъ уланъ подбѣжалъ къ мужику, который шелъ впереди Кошелева. Мужикъ, испитой мастеровой въ халатѣ, обернулся. Его волосы были подобраны бичевкой. Уланъ ударилъ его саблей плашмя по лицу, мастеровой замахалъ руками. Кошелевъ слышалъ вой мастерового и глухіе удары, онъ побѣжалъ, не оглядываясь.

Открылась площадь съ пригорка и черная толпа.

Кошелевъ подымался на носки, заглядывая поверхъ головъ, онъ опирался на чьи-то спины и плечи. Также опирались на него.

Толпа подавленно гудѣла, тѣснясь къ цѣпи солдатъ. За головами подымались и опускались штыки.

Французскій генералъ скачетъ на высокомъ конѣ вдоль солдатской цѣпи, вытираетъ перчаткой темнобагровое лицо, что-то хрипло командуетъ.

— Пошло рвать — мужикъ злобно стряхнулъ съ плеча руку Кошелева. — Сполосну Голицынску — усю, съ людьми, какъ есть всѣ живьемъ.

Пламя кинуло черезъ площадь, огонь погнался за лошадьми, за солдатами, за генераломъ, всѣ побѣжали.

На той улицѣ, гдѣ только-что шелъ Кошелевъ, уланы толкаютъ коляски. Накинувъ на конскую голову мѣшокъ, солдатъ оглядывается на огонь.

Проскакалъ генералъ со свитой. Надъ всадниками носится пепелъ.

Кошелевъ вбѣжалъ въ безлюдный переулокъ съ пыльными колеями, заросшими травой. Всѣ стекла низкихъ домовъ мутны и красноваты. По косогору, вверхъ, навстрѣчу, подымался быстрымъ шагомъ, взводъ солдатъ, неаполитанскіе велиты.

Неаполитанцы, какъ по командѣ, повернули

Digitized by Google

смуглыя лица къ молодому московскому крестьянину въ варварской одеждѣ, волчьимъ мѣхомъ наружу.

Кошелевъ сѣлъ въ пыльную канаву. Надъ заборомъ, выдыхая жаръ, торжественно шумѣли клены.

— Постой, Петръ, постой, — сказалъ Кошелевъ вслухъ. — Пошто мыслится, что Павлуша въ той гошпитали? Онъ въ домѣ лежитъ, ежели не увезенъ. Надобно отыскать домъ, итти, къ приходу Евпла.

Шумъ кленовъ и его голосъ, особенно это имя «Евплъ» успокоили Кошелева.

Онъ поднялся, крестясь:

— Боже мой, Сильный. Правый, укрѣпи меня. Господи Силъ, вѣрую въ Тебя, исповѣдаю.

Невѣдомая улица вывела его къ обрыву. Открылось темное небо пожара надъ смутнымъ амфитеатромъ Москвы. Столбы дыма росли, накаляясь, и купола мерцали кусками красной мѣди.

Надъ обрывомъ, заложивъ руки за спину, стоялъ босой человѣкъ въ холщевыхъ подштанникахъ. Кошелевъ посмотрѣлъ на его тяжелыя руки, въ набрякшихъ жилахъ, на крупные ногти, покрытые чернымъ лакомъ. У человѣка была костлявая спина. Вѣтеръ надувалъ рубаху и кидалъ вбокъ рыжіе волосы, стриженые подъ шайку. Выбритый затылокъ былъ изрѣзанъ косыми морщинами.

— Пятьдесятъ два, пятьдесятъ три... Шестьдесятъ, — считалъ человѣкъ и шевелилъ пальцами за спиной.

— Семьдесятъ, — сказалъ съ раздраженіемъ Кошелевъ. Онъ понялъ, что человѣкъ считаетъ столбы пожаровъ.

— Анъ, сбилъ, — человѣкъ обернулъ къ Кошелеву скуластое лицо, голову льва, съ плоскимъ перебитымъ носомъ. Прищурилъ зеленоватые глаза. Вѣтеръ завилъ на лицо бороду:

Digitized by Google

— Ошибся, баринъ... За сто считай.

— Пошто думаешь, что я баринъ?

— А видать, выступка у тебя и лице.

Кошелевъ вдохнулъ съ вѣтромъ запахъ рыжаго мужика, пота и точно-бы ладона, сказалъ непривѣтливо:

— Вотъ отгадчикъ нашелся. А ты кто-же, дворовый?

— Сызнова, баринъ, ошибся, — человѣкъ улыбнулся, показавъ стертые зубы. — Вольной мастеръ цеховой, каретникъ Евстигней.

— Не слыхалъ... Я питерской, не московской.

— То-то и видать, — каретникъ мотнулъ головой. — Дымки-то, баринъ... Смотри, затопилась банька... Съ каретныхъ рядовъ занялось. Они, офицеры ихніе, генералитетъ иностранной, уже мѣтили каретки на Петровкѣ, кто мѣлкомъ, кто крестомъ, шуры-шуры, сидѣнія пробуютъ, хорошо-ль прилажены зеркала, дверцы лаковы...

Львиныя ноздри раздулись, Евстигней втянулъ воздуха и глянулъ на Кошелева яростно и темно:

— Анъ каретки всѣ живва — до остатней, въ пекло, ни гвоздика.

Внезапно-ласково разсмѣялся.

— Кто, ты что-ли и поджигалъ? Кошелевъ смотрѣлъ съ ненавистью на зажмуренное львиное лицо:

— Ты, можетъ статся, и Голицынскую гошпиталь съ нашими ранеными пожегъ. Звѣри вы, душегубы...

— Эва, баринъ, — каретникъ съ укоризной покачалъ головой. — Я огня не подкладывалъ, а когда и подкладывалъ кто, развѣ огромадину эфту спалишь... Сама Москва занимается. Отъ Бога.

— Богъ — Кошелевъ стиснулъ кулаки. — Въ гошпитали мой братъ, можетъ статься, живымъ въ огнѣ задохся, а ты — Богъ... Ты о Богѣ молчи.

Digitized by Google

— И Богъ, — каретникъ повернулъ къ Кошелеву львиное лицо. — Вѣстимо Богъ, ты молчи, не я... Ему что братецъ твой, ты, я, вся живая и вся, генералы эфти, державы, ампираторы, что ему вся Москва во-о, бѣлокаменна дебелиха, — во-о!

Рѣзко махнулъ рукой въ воздухѣ, точно отсѣкъ.

— Всю попалитъ, до тла, насъ всѣхъ живьемъ, всю Рассею спалитъ, когда попустили, чтобы самый мучитель ступилъ, антихристъ, Бонапартій.

Утеръ рукавомъ разомъ вспотѣвшій лобъ и сказалъ внезапно-кротко:

— А ты, баринъ, рощещь.

Этотъ сильный человѣкъ вдругъ до жалости сталъ милъ Кошелеву.

— Я не рощу...

Ударилъ вѣтеръ, отнесъ слова.

— Я не р-о-о-щу, — прокричалъ Кошелевъ сквозь вѣтеръ. — Но у меня братъ... Изъ-за брата въ Москвѣ... Такого Богъ не попуститъ, чтобы въ гошпитали сгорѣлъ

— Искать братца бу-удешь? — сквозь жаркіе порывы прокричалъ каретникъ.

— Бу-у-ду.

— Вмѣстяхъ пойдемъ... Какъ я въ однѣхъ подштанникахъ изъ огня выпрыгнулъ, мнѣ все одно, нынче какъ птица надъ Москвою летаю...

VIII.

Императоръ проснулся, какъ всегда, словно отъ толчка.

Онъ сбросилъ ноги съ походной кровати, сѣлъ и быстро потеръ руками подъ мышками. Императоръ былъ въ желтоватыхъ кальсонахъ, плотно облегав-

Digitized by Google

шихъ его полныя ляжки, и въ шелковой, тоже желтоватой и очень длинной ночной рубашкѣ.

Въ кремлевскомъ покоѣ былъ сумракъ. Еще съ вечера императору сталъ непріятенъ запахъ затхлой сырости отъ бархата мебелей. У окна, на паркетѣ, зыбко свѣтились красноватые квадраты. Чудовищное солнце Москвы.

Мамелюкъ Рустанъ, приложивъ ко лбу ладонь, ступилъ изъ сумрака съ зеленымъ мундиромъ, перекинутымъ черезъ руку, и съ англійскими сапожками. Докторъ Метивье стоитъ у окна. Императорѣ узналъ его по сутулой спинѣ.

— Что новаго? — бодро позвалъ императоръ. Рустанъ сталъ на одно колѣно, чтобы обуть его, и Наполеонъ съ удовольствіемъ почувствовалъ на ступнѣ горячую, узкую ладонь мамелюка, точно увѣренное пожатіе.

— Пожаръ, — необычайно тихо сказалъ докторъ, косясь на окно.

— Пожаръ, — повторилъ Метивье и развелъ руками.

Этотъ непонимающій грустный жестъ заволновалъ императора. Онъ слышно задышалъ, и мамелюкъ, почуявъ его волненіе, какъ лошадь чуетъ всадника, сталъ въ спѣшкѣ надѣвать лѣвый сапогъ на правую ногу. Наполеонъ толкнулъ его, Рустанъ исправилъ ошибку.

Одергивая сзади, подъ мундиромъ, бѣлый жилетъ, императоръ пошелъ къ окну.

Тяжелое лицо императора, оливковое, отъ сна погрузнѣвшее, съ нечесанными волосами, которые стоятъ у висковъ черными копьями, озарилось у окна двойнымъ свѣтомъ дня и пожара.

Пламенными тучами, красноватымъ туманомъ, восходитъ Москва. Изъ оконъ Кремлевскаго дворца видно огненное море Замоскворѣчья.

Digitized by Google

Императоръ идетъ, устремясь головой впередъ. Мелькаетъ его лицо, точно отлитое изъ мѣди.

Онъ ерошитъ волосы, опирается маленькой ладонью о стекла, морщась отдергиваетъ руку: стекла уже накаляются.

— Скифы, скифы, скифы, — бормочетъ императоръ.

Онъ суетъ руку подъ бѣлый жилетъ, идетъ назадъ, онъ почти бѣжитъ.

Только вчера, въ этой залѣ, полной краснаго тумана, онъ спѣшно писалъ Александру. Письмо отвезъ плѣнный русскій штабъ-офицеръ. Онъ писалъ Александру о мирѣ. Александръ отвѣтилъ пожаромъ.

— Невѣроятное рѣшеніе... Скифы, — императоръ сопитъ, стискиваетъ зубы. За нимъ, освѣщаемая заревомъ, идетъ толпа королей, принцевъ, маршаловъ, за нимъ принцъ Невшательскій, король Неаполитанскій, принцъ Евгеній. Точно онъ ведетъ за собой хвостъ чудовищнаго котильона.

На оливковомъ лбу императора маслянистое пятно: сегодня онъ не принялъ обычной ванны Онъ суетъ платокъ въ карманъ жилета, роняетъ золотой лорнетъ. Принцъ Невшательскій наступилъ на выпуклое стекло, раздавилъ.

Порывы огненной бури пронизываютъ императора, вздрагиваютъ его полныя плечи. Онъ идетъ въ спальню, за нимъ король, принцы. У тяжелыхъ дверей ждетъ толпа. Отъ зарева точно шевелятся лица.

Король и принцы умоляютъ императора на нѣсколько часовъ оставить Москву, варвары бросаютъ огонь на Кремль: имъ помогаетъ ураганъ; мосты въ огнѣ, перерѣзано отступленіе; въ арсеналѣ склады пороха, дворъ заваленъ паклей, въ Кремлѣ фуры, зарядные ящики, головни бросаетъ на кры-

Digitized by Google

шу Арсенала; саперы выбились изъ силъ, — нѣтъ воды, — Растопчинъ вывезъ пожарныя трубы, бросилъ въ Москвѣ запасы водокъ, спирта, — нѣтъ воды, — въ подвалахъ зажигательные снаряды, въ погребахъ груды мѣдной монеты, подъ Кремлемъ заложены мины.

Наполеонъ вытеръ лицо и на мгновеніе, подъ платкомъ, косо дрогнула отъ усмѣшки его тяжелая щека. Эту быструю и виноватую, эту надменную и презрительную усмѣшку, онъ внезапно чувствовалъ на своемъ лицѣ въ самыя величественныя и грозныя мгновенія.

Что-то неудержимо-презрительное усмѣхалось въ немъ, когда никакъ и нечему было смѣяться, проносилась полуулыбка, какъ мгновенная молчія, и онъ самъ страшился этой внезапно-встающей въ немъ темной насмѣшки надъ всѣмъ, надъ всѣми, и надъ самимъ собой.

— Попались, — пробормоталъ онъ, или только послышалось его бормотаніе, но король Неаполитанскій, выкативъ горячіе глаза, хлопнулъ обѣими руками по груди и вмѣсто пышныхъ словъ, которыя всѣ они говорили нарочно, какъ актеры, любуясь своими ролями, сталъ что-то кричать, вульгарно и страстно, мѣшая итальянскія и французскія слова, а оба принца базарной бранью стали проклинать подлыхъ русскихъ рабовъ, калмыцкую Москву, татарскаго Александра, пожаръ, дикій походъ.

И вдругъ смолкли.

Императоръ сидѣлъ въ креслахъ, у походной койки, подсунувъ руку подъ жилетъ. Другая рука, сжатая въ кулакъ, лежала на колѣнѣ. Они смолкли, увидѣвъ лицо императора.

Лицо Кесаря изъ желтоватаго мрамора и его лучисто-сѣрые, устремленные, ослѣпляющіе глаза, лицо вѣчности, которое проносилось надъ ними въ

Digitized by Google

сраженіяхъ, надъ знаменами, надъ орлицами, знамя безсмертія, прекраснѣе чѣмъ жизнь, чѣмъ смерть, лицо Кесаря, при видѣ котораго застывали маршалы, короли, гвардія, арміи, ожидая одного слова, — перваго человѣческаго слова, — всегда чуть насмѣшливаго и простого, ожидая мгновенія, чтобы броситься на смерть, содрогаясь отъ восторга.

Только теперь принцъ Евгеній толчками, какъ неловкій солдатъ, поднялъ руку къ шляпѣ и не донесъ.

Смуглые пальцы императора шарятъ по полной ляжкѣ, какъ-бы нехотя онъ выталкиваетъ палецъ за пальцемъ. Глядя передъ собой, онъ ищетъ маленькую треуголку съ триколеромъ. Нашелъ, крѣпко сжалъ. И тогда дрогнули вѣки: онъ точно вернулся издалека и вновь узналъ принцевъ.

— Океанъ пламени, — послышался насмѣшливый голосъ. — Хорошо, мы выйдемъ изъ Кремля...

Императоръ поискалъ табакерку въ карманѣ жилета, двумя пальцами выбралъ понюшку. Надѣлъ треуголку, она стукнула у виска.

Въ залахъ, у зеркальныхъ простѣнковъ, въ красноватомъ туманѣ, стремится тѣнь императора.

На крышѣ Арсенала гренадерская цѣпь передаетъ ведра, безъ команды, безъ крика, откидываясь и пригибаясь къ огню, то отступая, то шагая впередъ, какъ въ разгарѣ сраженія.

У Красныхъ Крылецъ часовые конные егеря уставили въ колѣна сигнальныя трубы, жаркіе порывы бьютъ по кистямъ, рвутъ кутасы и бѣлыя лопасти шапокъ. Гренадеры съ гортаннымъ голготаніемъ волочатъ кого-то съ крыши Арсенала. Въ темномъ чуланцѣ, въ переходѣ дворцовыхъ залъ, гренадеры въ тлѣющихъ шапкахъ, смѣшались съ толпой, идущей изъ дворца.

Толпу закружило. У окна стоитъ императоръ,

Digitized by Google

десятки рукъ толкнули къ нему солдата русской полиціи. Гренадеры его захватили на крышѣ, онъ вылѣзъ изъ сухового окна, онъ поджигатель.

Поджигатель вздрагиваетъ и жмурится, какъ мышь, которую вытащили изъ тьмы на ослѣпительный свѣтъ. Онъ босой, его руки шевелятся у впалаго живота, онъ подергиваетъ подштанники.

— Его велишество хошетъ спрашивайть зашэмъ поджигайль, — позвалъ изъ толпы протяжный голосъ.

— Отвѣшай, сольда, зашэмъ поджигайль? А-а, ты долженъ отвѣшать...

Солдатъ потопался, потянулъ обгорѣвшіе подштанники къ животу. Это былъ тотъ самый квартальный, чухна, который ночью, въ опарѣ, уминалъ подъ Кошелева гнилую солому.

— Приказано было, — сипло выдохнулъ чухна и высморкался въ ладонь.

Императоръ брезгливо отвернулся.

Гренадеры сначала вели солдата подъ руки, потомъ поволокли по паркетамъ, онъ метался подъ десятками рукъ, какъ опростанный мѣшокъ.

Черный мѣшокъ сбросили во дворъ, на штыки.

IX.

Гремитъ жаркій вѣтеръ и, притаясь, изъ послѣднихъ силъ, сопротивляются ему дома, заборы, подъѣзды.

Ставни отпахнулись сами собой, сорвало съ крыльецъ желѣзную полосу. Визжащій кусокъ желѣза устремился впередъ, толкаясь о стѣны, о столбы фонарей.

Стѣны ослѣпительно озарило, поднялась изъ-за крышъ вздутая гора огня, покачалась влѣво, вправо, рухнула...

Digitized by Google

Пожаръ занялся еще въ ночь на понедѣльникѣ, 2 сентября, гдѣ-то на Солянкѣ, у Воспитательнаго дома, погасъ. Поднялся у Биржи. Огонь кинуло на Торговые Ряды. 3 сентября аріергардный пикетъ казаковъ, подъ выстрѣлами егерей Мюрата, подпалилъ мостъ у Москворѣчья.

Синеватое пламя затрепетало надъ Виннымъ дворомъ. Полицейскій офицеръ Вороненко поджегъ Мытный дворъ, казенныя и частныя барки у Краснаго холма и Симонова монастыря. Тогда же огонь погнало на Солянку и на Покровку. Задышало зарево надъ Арбатомъ, гдѣ полицейскій унтеръ-офицеръ Мельниковъ поджегъ театръ. Огонь покатилъ съ гуломъ къ Смоленской заставѣ, къ Балчугу, на Зарядье.

Въ ночь на 4 сентября вѣтеръ равноденствія зашумѣлъ надъ Москвой, поднялъ пламя громадной завѣсой и обрушилъ на Пречистенку, Тверскую, Никитскую, погналъ по Арбату, вдоль вала, къ Краснымъ воротамъ, во всѣ московскіе концы. Заклокоталъ огненный Китай-Городъ.

Вѣтеръ равноденствія гремѣлъ съ востока на сѣверъ и съ сѣвера на востокъ. Грохочущіе порывы били на пустую Красную площадь, надъ которой Василій Блаженный отблескивалъ чудовищами куполами.

Въ день Купины Неопалимыя, 4 сентября, вѣтеръ погналъ пожаръ по всѣмъ кварталамъ. Огонь втекалъ въ улицы, перелеталъ перекрестки, смыкался, шелъ, и нельзя было понять, гдѣ начинаются и откуда катятъ потоки огня. Груды строеній, дома, брошеные другъ на друга, площадки, горбы переулковъ, тупики, смѣшалось все.

Сдвинулась огненная Москва.

Свѣтлые столбы пламени взлетаютъ вдоль Мо-

Digitized by Google

сква-рѣки: тамъ горятъ хлѣбные магазины. Загрохоталъ взрывъ артиллерійскаго парка.

Ночь или день — это былъ второй часъ дня — въ свѣтѣ краснаго полудня, какъ-будто летѣла Москва, бросало черезъ улицу бревна, покоробленное желѣзо. Перекатами пальбы гремѣли взрывы водочныхъ складовъ, выкидывая огромное зеленоватое зарево.

Въ четвертомъ часу дня, когда ураганъ перебросилъ огонь за Яузу и Москва-рѣку, запылало все небо кругомъ.

Большой театръ и штабели дровъ на площади сіяютъ въ огнѣ. Надъ куполомъ Московскаго сената засквозила золотая корона съ золотыми литерами «Законъ», сгинула въ пламени.

Въ пылающихъ залахъ Дворянскаго собранія, мѣдная Екатерина простираетъ руки въ пожаръ, уже расплавило край мѣдной порфиры, блистающая слѣпая императрица съ улыбкой погружается въ огненные валы, простирая руки.

Бѣгутъ женщины съ дѣтьми на плечахъ, пьяные солдаты, офицеры, грабители, каторжники, сумасшедшіе. Ломятся въ ворота, сбиваютъ тесаками забои, выбрасываютъ изъ оконъ книги, кресла, тащутъ изъ огня мѣшки съ сахаромъ, треснувшія зеркала, и тутъ же бросаютъ, чтобы кинуться снова въ огонь. Дерутся въ дыму. Глохнутъ въ грохотѣ выстрѣлы, мольбы и проклятія.

Пьяные драгуны врѣзаются верхами въ толпу, — огонь перекинуло сводомъ, — и пробивая дорогу, рубятъ лошадей, бабъ, солдатъ, полковыя линейки.

Цѣпныя собаки скрежещутъ цѣпями, рвутся, и задыхаются стоймя, вытянувъ переднія лапы.

На Тверскомъ бульварѣ, на сгорѣвшихъ деревьяхъ, качаются обугленные трупы поджигателей.

Digitized by Google

Семинаристовъ, чиновниковъ, причетниковъ, которые спасаются отъ пожара на колокольняхъ, разстрѣливаютъ съ улицы бѣглымъ огнемъ. Въ горящихъ садахъ, по бревнамъ и раскаленнымъ мостовымъ, волочатъ женщинъ.

Въ огнѣ, посреди улицы стѣснились простоволосыя дѣвки. Ихъ заслоняетъ высокая старуха въ бѣлой рубахѣ, раздуваемой вѣтромъ. Старуха подняла надъ головой икону. Дѣвки сбились за нею, повернувъ лица къ огню, и зовутъ:

— Тя-я-тинька, выди...

Взводъ императорской гвардіи, ружья къ локтю, быстро идетъ въ горящій кварталъ.

Въ дыму, солдаты наискось перебѣгаютъ улицу съ кусками бархата и серебряннымъ подсвѣчниками, точно въ фантастической похоронной процессіи: въ кварталѣ грабежъ и тамъ скоро смѣшается гвардейскій взводъ и также, въ разсыпную, перебѣжитъ улицу въ дымъ.

Почернѣвшіе, въ тлѣющихъ мундирахъ, гвардейцы будутъ отбивать отъ польскихъ уланъ дѣвокъ, потоптанныя иконы, сундуки съ салопами и тафтой. А тотъ свѣтлоусый гвардейскій сержантъ, который идетъ въ кварталъ такъ красиво и крѣпко, распоретъ старухѣ тощую грудь тесакомъ, вырветъ икону и будетъ выламывать кованыя наризья.

Скоро пьяные гвардейцы, съ лицами въ копоти и крови, приволокутъ на стоянку въ Кремлевскія палаты ящики съ виномъ, золотыя блюда, кучерскіе кафтаны, тусклый жемчугъ въ обломкахъ оправъ. Они вернутся съ улицъ, какъ съ маскарада, кто въ русскомъ киверѣ, кто въ персидской барашковой шапкѣ, въ юбкахъ и шаляхъ, обмотанныхъ вокругъ шеи. И старые сержанты, пробираясь въ пьяномъ гоготѣ и давкѣ, будутъ зловѣще ворчать:

— Такъ было при революціи....

Digitized by Google

Первыми начали грабежъ польскіе уланы.

У Кремля французскій офицеръ остановилъ грабителя, кривоногаго поляка, но тотъ замахнулся саблей и сталъ кричать, что никто не смѣетъ мѣшать полякамъ мстить за Прагу.

Гвардія, посланная на охрану въ горящіе кварталы, смѣшалась съ грабителями. Молодую гвардію уже генералы выслали на грабежъ. За молодой гвардіей вошла за добычей въ огонь дивизія Даву, за ними двинулись, корпусъ за корпусомъ, солдаты всѣхъ шестнадцати націй.

Въ огонь входили сухіе и поджарые солдаты Кесаря, побѣдители міра, а выходили толпы грабителей всѣхъ шестнадцати націй въ воняющихъ гарью мундирахъ, придавленные добычей. со слитками серебра, накрытые бабьими салопами и тлѣющей церковной парчей.

Великая армія стала сгорать въ московскомъ пожарѣ.

На Кузнецкомъ мосту пьяные солдаты уже дрались съ офицерами изъ-за французскихъ модистокъ, найденныхъ въ пустыхъ барскихъ домахъ. Каторжники въ овчинныхъ тулупахъ, колодники Растопчина, русскіе дезертиры, дворовые водили солдатъ по барскимъ домамъ, и яростнѣе и ненасытнѣе всѣхъ въ грабежѣ были армейскія маркитантки всѣхъ шестнадцати націй и московскія гуляющія дѣвки. Ватагами, съ визгомъ, онѣ кидались въ огонь.

А у латинской церкви Святого Людовика, на томъ же Кузнецкомъ мосту, французскіе саперы, бородачи въ кожаныхъ фартукахъ, съ топорами, и батальонъ гвардейскихъ стрѣлковъ защищалъ отъ огня Кремль.

У почты, у банка, громоздится артиллерія, на Маросейкѣ, ружья къ ногѣ, стоитъ баварская пѣ-

Digitized by Google

хота. Зарево волнами ходитъ по жесткимъ лицамъ. Данъ приказъ не пускать огня къ Кремлю, на Чистые Пруды, къ Маросейкѣ.

Вдоль строя, волоча ящики и мѣшки, проходятъ толпы и строй рѣдѣетъ, многіе перебѣгаютъ къ грабителямъ. Брошенные артиллерійскіе кони, путаясь въ упряжи, тянутся другъ къ другу, кусаются и ржутъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ сіяютъ раскаленные иконостасы, кипитъ отъ жара Слывущее Око и Благодатное Небо, Сынъ Во Славѣ Отчей паритъ въ озаряемой мглѣ Успенскаго собора, колеблетъ огнемъ Всемилостиваго Спаса Золотую Рясу. Разбита рака царевича Дмитрія, унесена грабителями отроческая рубаха, опятненная кровью, разбиты серебряныя раки Черниговскихъ чудотворцевъ: князя Михаила Всеволодовича и боярина его Ѳеодора.

Въ Успенскомъ соборѣ раскачивается отъ вѣтра пожара шестиярусное паникадило, многопудовая громада серебра. Подъ темными схимами шевелятся въ заревѣ святители русской земли, митрополиты Іона и Петръ, Фотій и Кипріанъ.

Сотрясаются отъ жара дубовыя стропила колоколовъ Ивана Великаго, зычитъ тысячепудовая мѣдь Семисотеннаго, Ясычнаго, расплавило мѣдныя уши Реута, загремѣла громада съ треснувшихъ балокъ.

Мѣдь зычитъ въ Китай-Городѣ, у Краснаго Звона, въ Плѣнницахъ, у Спаса на Копьѣ, у Спасъ Чигасы на Яузой. Пылаетъ заревомъ Руно Орошенное въ Зачатіевскомъ.

Рушатся зеркальные потолки, карріатиды, плафоны, божницы въ палатахъ графа Воронцова, князей Голицыныхъ, Долгорукихъ, Гагаринскій дворъ на Тверской, хоромы генерала-аншефа Прозоровскаго, Нарышкиныхъ, Шереметьева, Сперан-

Digitized by Google

ского. Близъ Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ, сгинулъ въ огнѣ родительскій домъ фельдмаршала Суворова, въ домѣ вольныхъ каменьщиковъ московскихъ, у Мясницкихъ воротъ, ежатся по шпалерамъ скелеты въ черныхъ порфирахъ съ египетскими жезлами.

Въ Новоспасскомъ монастырѣ обвалилась въ огонь колокольня.

Въ ризницѣ Успенскаго брошены жемчуговыя покрышки Евангелій, золотыя блюда, кипарисовые кресты, пелены, единороги, леопарды, троили и аспиды царя Алексія.

По горамъ огня, надъ Москвой, точно идутъ вереницы царей и царицъ въ діадимахъ и бармахъ, съ огненными державами. Точно сталъ надъ Москвой раскаленный архангелъ и подымаетъ и опускаетъ огненный мечъ.

X.

Гдѣ-то, на днѣ пламенной бездны, пробирается изъ Кремля императоръ со свитой.

Съ нимъ Бертье и Мюратъ, они выше его, между ними онъ кажется карликомъ.

Его ведутъ подъ руки въ дымъ, на пѣсни пьяныхъ солдатъ. Онъ шагаетъ черезъ горящія балки, цѣпляется за доски его мундиръ. Мюратъ, скашливая отъ гари, беретъ его подъ локоть. Мюратъ не знаетъ куда итти. Огонь летитъ по обѣимъ сторонамъ невѣдомой улицы.

Въ Лебяжьемъ переулкѣ, гуськомъ, одинъ за другимъ, бѣжали люди босые и въ туфляхъ, въ бѣлыхъ колпакахъ на-бекрень и безъ колпаковъ, въ суконныхъ халатахъ, въ холщевыхъ рубахахъ и голые.

Они кривлялись, приплясывали, размахивали

Digitized by Google

руками, визжали. Это была толпа сумасшедшихъ, выпущенныхъ по приказу Растопчина изъ желтыхъ домовъ. Тамъ были и женщины.

Впереди припрыгивалъ полный человѣкъ, съ лысой головой, съ прижмуреннымъ скуластымъ лицомъ, сумасшедшій учитель математики изъ университетскаго пансіона. Онъ подобралъ на улицѣ чугунное ядро, накаленное жаромъ, перекидывалъ его изъ ладони въ ладонь и кричалъ:

— Жжетъ, жжетъ!

Тѣ, кто бѣжалъ за нимъ, съ визгомъ и хохотомъ, повторяли на разные голоса его восторженный вопль.

Императоръ снялъ треуголку, вѣтеръ вздулъ дыбомъ жесткіе волосы. Онъ повернулъ къ Мюрату лицо, какъ-бы отлитое изъ сіяющей мѣди.

Сверкающее мѣдное лицо повернулось къ солдатамъ. Императора узнали, бросились вдоль улицы, прижались къ чугунной рѣшеткѣ, трясущимися руками застегиваютъ мундиры.

Императоръ что-то сказалъ и отъ рѣшетки отдѣлилось двое егерей. Они нетрезвые, они дрались только что съ итальянцами въ барскомъ погребѣ. Императоръ приказалъ вывести его изъ огня.

Переулками, у Старой Конюшенной, егеря ведутъ его подъ руки.

Солдаты протрезвѣли, шагаютъ сильно и ровно ихъ лица горбоносые и усатые, стали красивыми. Они обдаютъ его запахомъ вина и тлѣющихъ мундировъ.

Арбатъ заваленъ горящими обломками, кострами креселъ, шкафовъ, дверей, какъ длинная, пылающая баррикада. За императоромъ, прикрываясь плащами, обвязавъ платками шляпы, тѣснится случайная свита.

Digitized by Google

Шествіе остановилъ обозъ, полковыя фуры. Пальцы солдата дрогнули на рукавѣ императора. Черезъ его голову, егерь сказалъ товарищу, моргая усомъ:

— Старикъ, обозъ съ порохомъ.

—Молчи, — черезъ голову отвѣтилъ другой.

Императоръ снялъ треуголку. Искры ожгли лобъ и затылокъ, онъ сгребалъ съ воротника жалящихъ огненныхъ осъ, отмахивалъ отъ лица.

Императоръ ждалъ, когда пройдутъ пороховыя фуры и съ нимъ стало время: жизнь и смерть.

Желѣзныя колеса прогрохотали. Хлынулъ пышнымъ гуломъ пожаръ. Снова двинулось время, жизнь и смерть.

Въ концѣ улицы ракетная батарея, словно нарочно, безъ толку, прокатывается взадъ и впередъ. Тамъ кричатъ люди и ржутъ лошади.

Когда императора, въ темнотѣ, по отблескивающей грязи, вывели изъ огня за Дорогомиловскую заставу, въ гулѣ пожара загремѣлъ взрывъ. Взлетѣла ракетная батарея.

Императору сказали, что онъ въ Петровскомъ дворцѣ. Онъ не сталъ ждать свѣчей и одинъ пошелъ въ темныя залы. Его лицо и руки были въ ссадинахъ, онъ чувствовалъ паленый запахъ мундира.

Онъ стремительно шагалъ въ темной безднѣ по заламъ и вдругъ содрогнулся. Также содрогнулся маленькій черный человѣкъ въ громадномъ зеркалѣ, которое императору показалось окномъ.

Его заставила содрогнуться пылающая зеркальная глубина. Только теперь онъ почувствовалъ, что его полныя плечи и лѣвая икра дрожатъ, что онъ дрожитъ отъ страха.

Онъ далъ страху волю, онъ прижался къ зеркалу лицомъ и увидѣлъ другое лицо, оттуда, изъ

Digitized by Google

пылающей тьмы, осунувшееся и мертвенно-блѣдное.

Мгновенная мысль, какъ узкое копье, пробила его, все отворилось внезапно, онъ прозрѣлъ на мгновеніе. Отступилъ отъ зеркала и тамъ, въ пылающей мглѣ, сталъ уменьшаться маленькій человѣкъ.

Пожаръ, иной пожаръ, нечеловѣческій, самыя стихіи противъ него. Стихіи, вотъ истинные враги мірового перерожденія, которое долженъ онъ совершить.

— Боже мой, — протяжно вскричалъ императоръ. И очнулся отъ крика. Его тяжелое лицо затряслось, онъ зарыдалъ порывами, съ силой, какъ женщина.

XI.

Въ чуланцѣ прихожей, Кошелевъ тотчасъ узналъ кожаный плоскій диванъ у дверей и голландскую печь съ синими изразцами, львами, амурами, карлами и Петровскими литерами: «Купидо обуздываетъ льва или его же льва, онъ же Купидо сочиняетъ агнцемъ».

Въ угрюмомъ московскомъ домѣ его охватило то чувство непріязни и одиночества, которое онъ всегда испытывалъ здѣсь.

Здѣсь росъ братъ Павлуша на рукахъ чужихъ бабъ и гувернеровъ, здѣсь росъ и онъ. Рябой нѣмецъ билъ его линейкой по рукамъ и ставилъ на колѣни, лицомъ къ Купидо.

Въ этомъ домѣ онъ не зналъ отца и никогда не видѣлъ матери. Московскій патрицій, угрюмый нелюдимъ, извѣстный своими чудачествами, усыновилъ по старческой прихоти сиротъ, старшаго Петра и младенца Павла, далъ имъ свое имя, а позже домъ и наслѣдство.

Digitized by Google

Кошелевъ изъ прихожей вошелъ въ круглое зальце. Рыжій каретникъ остался на дворѣ.

Пожаръ шелъ въ сосѣднемъ саду, за заборомъ, тамъ шумѣли горящія липы.

Кошелевъ узналъ по верху синихъ шпалеръ тимпаны, флейты и маски Терпсихоры. Хромоногій танцовщикъ въ черномъ фракѣ, водя смычкомъ по крошечной скрипкѣ, училъ здѣсь, у колоннъ, брата Павлушу первому контрадансу. Блѣдный мальчикъ въ бархатномъ сюртучкѣ послушно подымалъ то одну, то другую ногу, и ошибался.

Зеркало въ простѣнкѣ отразило Кошелева. Вотъ онъ, наслѣдникъ Кошелевскаго дома, офицеръ гвардіи россійской, въ тулупѣ, вывороченномъ мѣхомъ наружу, оборванный и почернѣвшій отъ копоти.

— Па-а-а-велъ, — глухо позвалъ онъ, понимая, что никто не отзовется.

Онъ толкнулъ двери въ обширный покой. Въ щеляхъ запертыхъ ставень кипѣли узкія дорожки огня, а на креслахъ горѣла свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

Ему стало страшно, что горитъ свѣча на креслахъ. Онъ шагнулъ впередъ и увидѣлъ, что идетъ на тусклое зеркало, и оттуда, изъ темной глубины, навстрѣчу ему выходитъ кто-то, не онъ, а иной, съ блѣднымъ ужаснымъ лицомъ.

— А-ахъ, — вскрикнулъ Кошелевъ.

— Петръ Григорьевичъ, да Господь съ вами...

Старикъ въ шинелькѣ осторожно поставилъ на кресла свѣчу, прутяную клѣтку и сапожокъ съ голенищемъ, который прижималъ къ груди вмѣстѣ съ книгами и флейтой. Книги съ глухимъ стукомъ попадали на паркетъ.

— Не признали меня, Петръ Григорьевичъ, — сказалъ старикъ, нагибаясь надъ книгами.

Digitized by Google

— Наумъ Степанычъ, какъ напугали...

Наумъ Степанычъ, управитель Кошелевскаго дома, былъ мартинистомъ, братомъ-привратникомъ московской ложи «Свѣтящійся Треугольникъ», и Кошелевъ, зная старика, писалъ ему съ оказіей, съ похода, чтобы поберегъ домъ и не оставилъ Павлушу, когда сыщетъ его въ Москвѣ.

— Я чаялъ, сударь Петръ Григорьевичъ, вы въ полкахъ пребываете, — сказалъ старикъ, собирая книги. — Пошто вы, батюшка, въ сей ужасной Москвѣ?

— Я за Павломъ... Гдѣ Павелъ?

— Братецъ вашъ въ Голицынской, у Калужскихъ воротъ. Въ послѣднее посѣщеніе медики сказывали, что тяжелъ и не допустили.

— Въ Голицынской? Такъ, стало-быть... Наумъ Степанычъ, такъ Павелъ сгорѣлъ? Вѣдь сгорѣла госпиталь со всѣми людьми.

Старикъ покачалъ головой:

— Можетъ статься и сгорѣлъ. Все горитъ, кругомъ. Исчезла Москва... Пойдемъ, сударь: во флигелѣ, занимается.

Наумъ Степанычъ пристально посмотрѣлъ на него и вдругъ топнулъ необутой ногой въ шерстяномъ чулкѣ.

— Погубили Москву! — тонкимъ фальцетомъ вскричалъ старикъ — Сами сжигаете! Отечества погубители!

— Погубители, лжеспасители, и главный ѳедька Растопчинъ, хитрая рысь, сей россійскій злодѣй, истинный бунтовщикъ, предатель отечества...

— Вы обезумѣли.

— Не безумной, а истину говорю. Я весь замыселъ ѳедькинъ вижу. Врешь, не истинную Россію, а рабовладѣльчество, тьму, ложь нашу защищаетъ... Похотѣлъ пропастью огненной отдѣлить такую Рос-

Digitized by Google

сію отъ Кесаря, остановить пожаромъ свершеніе временъ... Истинно говорю, кто явленъ отечеству? Кесарь невиданный, побѣдительный, устроитель народовъ. Великій мастеръ въ Москвѣ...

— Наумъ Степанычъ, да вы... Вы прямой измѣнникъ, иллюминатъ.

— Не измѣнникъ, Ѳедька прямой измѣнникъ, онъ предалъ отечество огню, отбросилъ Россію отъ Кесаря за черту пожара, онъ толкнулъ отечество подъ ноги черни. Нѣтъ, сударь, я не измѣнникъ, а полагаю, лучше законъ Кесаря, чѣмъ беззаконіе пожара, чернь и бунтъ.

— Какой бунтъ, чего врешь?

— Ложь не во мнѣ... Ложь въ семъ сожженіи Москвы, отъ сей лжи возстанетъ горшій пожаръ. Не отечеству Ѳедька слуга, а похоти черни... Вѣдомо тебѣ, какъ расправился съ младымъ Верещагинымъ, какъ студента Урусова отправилъ въ сумасшедшій домъ, господина Сандунова, актера, подъ конвой, господина Реута, господина Ключарева, старца Новикова...

— Пустое, вздоръ мелешь!

— Анъ не пустое! — вскричалъ старикъ и тотчасъ успокоился. — Ужо, сіи Ѳедьки Растопчины всю Россію сожгутъ.

— Ѳедька, Ѳедька. Думаешь легко твоему Ѳедькѣ сжигать Россію? А когда она и точно рабовладѣльчество, тьма, ложь, когда...

Кошелевъ, мелко дрожа, потянулъ отъ старика книгу, съ трескомъ отодралъ переплетъ, скрутилъ жгутъ.

— Обомлѣвши вы, Петръ Григорьевичъ.

Кошелевъ раскачалъ пылающій жгутъ и швырнулъ вверхъ, къ люстрѣ, затянутой кисейнымъ чехломъ. Кисея свѣтло вспыхнула.

— Богъ съ вами, сударь.

Digitized by Google

Старикъ покойно посмотрѣлъ на языкъ огня, который перепархнулъ на сосѣднюю люстру.

— Пусть вся Россія сгоритъ, когда такъ!

Кошелевъ разсмѣялся, побѣжалъ со свѣчей въ покои.

Залу освѣтило. Старикъ, поднявъ къ люстрѣ лицо, тоже вдругъ разсмѣялся, точно просыпалъ погремушки.

Во дворѣ, надъ флигелемъ, поднялось пламя. Тогда въ сѣни барскаго дома, въ чуланецъ полный дыма, вошелъ каретникъ. Тамъ стоялъ старичекъ въ черной шинели, прижимая къ груди флейту, книги, клѣтку съ верещащей птицей и сапожокъ.

— Кто таковъ? — отшатнулся каретникъ. — Баринъ гдѣ, молодый?

Наумъ Степанычъ покойно посмотрѣлъ на рыжаго мужика.

—Сшалѣлъ баринъ, домъ поджигаетъ...

Каретникъ поддернулъ подштанники, перекрестился. Онъ обмоталъ голову рубахой и вышибъ дверь въ залу плечомъ.

Громадный, разставивъ руки, точно желая поймать что-то крошечное, онъ шагалъ въ дыму, столкнулся съ Кошелевымъ, на-отмашь ударилъ его, поднялъ на плечи и бѣгомъ бросился назадъ.

На крыльцахъ каретникъ встряхнулъ Кошелева за воротъ полушубка.

— Даромъ мнѣ съ тобой пропадать, аль точно сшалѣвши? За мной отседа ступай къ Смоленскимъ воротамъ, Плющихой, на Дѣвичье поле... А то баринъ, живва....

NICHOLAS V. ONOPRIENKO
239 QUINNIPIAC ST.
WALLINGFORD, CONN.

XII.

Они бѣжали посреди улицы.

Первымъ сталъ отставать Наумъ Степанычъ.

Digitized by Google

Кошелевъ позвалъ задыхаясь «Евстигней, Евстигней», но каретникъ не обернулся.

На углу съ тяжелымъ свистомъ обрушился фронтонъ, Кошелевъ видѣлъ, какъ, наклонясь впередъ, рухнули въ огонь статуи.

Рыжій каретникъ летѣлъ въ пожарѣ, точно громадный Архангелъ, и вся сила жизни, все напряженіе тѣла, сосредоточились для Кошелева на томъ, чтобы бѣжать не отставая за его спиной, надъ которой рветъ рубаху, какъ огненное знамя.

Вдоль домовъ бѣжали солдаты, Кошелевъ не могъ понять куда они бѣгутъ, съ ними или къ нимъ навстрѣчу.

Улица стала шире, въ дыму, между нагроможденныхъ на мостовой мебелей и опрокинутыхъ экипажей, метались тѣни людей и лошадей.

Кошелевъ съ разбѣга упалъ на старуху, которая сидѣла у груды бауловъ. На острыхъ колѣняхъ старухи лежалъ мальчикъ, было прикрыто темной шапкой его лицо. Его голова была въ крови.

— По-о-о-моги — тяжело звалъ чей-то голосъ изъ толпы солдатъ, кипѣвшихъ у опрокинутаго дормеза. Старуха такъ крѣпко ухватилась за овчину Кошелева, что тотъ подался къ ней всѣмъ тѣломъ.

— Милостивецъ, милостивецъ, — бормотала старуха. — Убиваютъ....

— По-о-о-моги — тяжело звалъ чей-то голосъ

Кошелевъ вырвалъ овчину изъ цѣпкихъ рукъ, сѣлъ предъ старухой на корточки.

— Кто такіе, чей мальчикъ?

— Милостивецъ, Захарьевски, барченка забили, Софьюшку, барышню, убиваютъ...

Мелькаетъ надъ толпой тонкая рука, дѣвичье лицо въ заревѣ. Выблеснула сабля. Поволочили кого-то.

Digitized by Google

Старикъ съ темнымъ лицомъ стоитъ посреди улицы. Его руки быстро ходятъ по груди, точно онъ ощупываетъ себя.

— По-о-о-моги, — старикъ побѣжалъ за толпой.

— Господи, Господи, — Кошелевъ сотрясался ств страха.

— А-а, ты видѣлъ? — костлявая женщина въ салопѣ подползла къ нему. — А-а, окаянной.... Доченьку мою... Окаянной.

Кошелевъ бросился за старикомъ.

И тогда кто-то громадный набѣжалъ на него изъ дыма, ударилъ въ грудь какъ балкой.

— Искать мнѣ, вожжаться! — злобно крикнулъ человѣкъ. Кошелевъ узналъ львиное лицо съ перебитымъ носомъ

— Пусти! — Кошелевъ вырывался, но каретникъ за руку волокъ его за собой.

Въ огонь обрушилась крыша, пробѣжали въ разсыпную солдаты. Изъ огненной улицы сильно и быстро шагаетъ старикъ. Его лицо въ крови, онъ улыбается Онъ несетъ кого-то на рукахъ. Кошелевъ узналъ тонкую дѣвичью руку темную косу, и отвернулся. Онъ не погибъ за эту дѣвушку, онъ подлецъ, и онъ еще живъ, еще будетъ жить. На бѣгу, онъ зарыдалъ гулко и злобно, безъ слезъ, точно залаялъ.

А мартинистъ Наумъ Степанычъ обронилъ клѣтку съ ученымъ скворцомъ и сталъ отдышаться. Пошелъ обратно. Клѣтка уже дымилась, скворецъ бился о прутья и яростно верещалъ.

— Зарр-ря, зарр-ря...

Наумъ Степанычъ отперъ прутяную дверку и уронилъ флейту. Птица вылетѣла, закружилась въ огнѣ, стремительно пала на плечо, разсерженно заколотила его по затылку жесткимъ крыломъ.

Digitized by Google

Наумъ Степанычъ шелъ теперь не спѣша, со скворцомъ на плечѣ. О флейтѣ онъ забылъ, книги придерживалъ у груди, а въ свободной рукѣ несъ за ушко такъ и необутый сапожокъ.

Гдѣ-то пустырями каретникъ тащилъ за собой Кошелева. Вдругъ выпустилъ рукавъ его овчины, испуганно сказалъ:

— Не вопи, погоди... Никакъ дите слышу.

Подъ заборомъ, у корзины съ вываленнымъ бѣльемъ, сидѣлъ мальчикъ въ короткой ночной рубашкѣ. Онъ замахивался на зарево деревянной ложкой, которая была у него въ кулачкѣ, и обиженно вскрикивалъ:

— Бяка огонь, бяка огонь...

— Обронилъ кто ни есть ребятенка, — сказалъ каретникъ, осматриваясь.

— Софьюшка, Захарьина, Софьюшка, Захарьина, — злобно глядя на ребенка и не видя его, повторялъ Кошелевъ. Все въ немъ терзалось, точно проносился въ немъ горячій вѣтеръ, все выжигая.

— Дите, баринъ, не видишь? — толкнулъ его каретникъ.

— Дите, дите — Кошелевъ увидалъ мальчика. — Слушай, взять надобно, слушай.

— А то нѣтъ?

Каретникъ склонился надъ ребенкомъ. Тотъ захлебнулся крикомъ.

— Вопи, дурень, вопи, — сказалъ каретникъ, испуганно улыбаясь. — Съѣдять тебя что-ли, не волки...

Каретникъ понесъ ребенка подъ мышкой. Мальчику стало, вѣроятно, удобно и онъ затихъ, не выпуская изъ кулачка деревянной ложки.

А Наумъ Степанычъ смѣшался съ толпой на Полянкѣ.

Digitized by Google

Онъ сѣлъ на горячую мостовую, у стѣны, и началъ обувать свой сапожокъ. Лохматый скворецъ прыгалъ взадъ и впередъ на его плечѣ.

Тогда въ толпу врѣзались пьяные уланы. Съ тяжелымъ воемъ всѣ пали на колѣни. Уланы рубили по поднятымъ рукамъ.

Старый мартинистъ тоже поднялъ руки, заслоняясь отъ сабель, и попадали его книги, «Хризомандеръ», «Діоптра», «Киропедія», уланъ приподнялся въ сѣдлѣ и ударилъ саблей по его морщинистымъ рукамъ, по озаренному лицу.

XIII.

Камердинеръ подошелъ неслышно и поклонился плотной спинѣ:

— Перемѣнить мундиръ, государь...

Императоръ не обернулся. Онъ былъ въ томъ же зеленомъ егерьскомъ мундирѣ, въ которомъ вышелъ изъ пожара, мельчайшими точками было прожжено сукно, золото на воротникѣ почернѣло.

Камердинеръ смахнулъ съ его спины гарь и отступилъ съ поклономъ.

Императоръ стоитъ у окна Петровскаго дворца, онъ точно прикованъ къ окну. Двигается на скулахъ желтоватая кожа, онъ тяжело дышетъ.

Тамъ, въ грохотѣ огня, когда его какъ слѣпца вели подъ руки, онъ понялъ, какъ овладѣть пожаромъ, побѣдить огненную Москву, пылающую Россію. Тамъ открылась ему побѣда, ужаснѣе и величественнѣе всѣхъ его побѣдъ. Пожаръ нарушилъ мѣры его рѣшеній, тотъ прекрасный свѣтъ, совершенную ясность, которую онъ умѣлъ находить всегда и во всемъ. Пожаръ требовалъ отъ него рѣшеній, нарушающихъ его покойную гармонію, полное солнцестояніе, которое, какъ онъ чувствовалъ, уже уста-

Digitized by Google

новилось и въ немъ и во всемъ томъ, что онъ дѣлалъ и думалъ. Онъ зналъ эти рѣшенія въ шумѣ огня. Но теперь, въ тишинѣ залы, его мысли смѣшались, погасли. Пожаръ былъ какъ сонъ, когда все открылось ему, а теперь онъ проснулся, и зыбь чудовищныхъ видѣній только озлобляетъ бодрствующаго.

Онъ уперъ въ стекло голову, какъ быкъ, онъ хочетъ собрать въ одинъ ясный образъ то, что стало предъ нимъ въ пожарѣ.

Онъ ошибся въ первый-же день: не надо было посылать письма къ Александру. Онъ вспомнилъ съ презрѣніемъ убѣгающіе, влажно-синіе глаза Александра и то, какъ въ Тильзитѣ Александръ называлъ его съ невѣрной и вкрадчивой восторженностью «братъ мой, ваше величество».

Нѣтъ, братъ мой ваше величество, не миръ. Не миръ открылся въ пожарѣ, а видѣніе небывалой побѣды: Московская имперія Наполеона, Наполеонъ и Москва, соитіе Наполеона съ Россіей.

И напрягаясь и выговаривая съ трудомъ эти странные, шипящіе и толкающіе другъ друга слоги чуждаго и дикаго слова, онъ выговорилъ раздѣльно и твердо:

— Пугат-шовъ...

Пронзительное дуновеніе коснулось его затылка, какъ въ Лебяжьемъ переулкѣ, ощетинились жесткіе волосы. Онъ крѣпко провелъ маленькой ладонью отъ виска къ затылку.

Пугачовъ, это имя открылось ему въ огнѣ.

Онъ самъ, императоръ, кентавръ, и ноги его революція. Революція въ Россіи вдохнетъ въ него силу, несдвигаемую вовѣки.

Его побѣда не миръ въ Москвѣ, а завоеваніе восточной имперіи, всѣхъ ея дикихъ пространствъ. Онъ уничтожитъ маленькую бодрую армію, недоби-

Digitized by Google

тую подъ Бородино. Съ грубоватой ласкою онъ думаетъ о ней, тамъ есть хорошіе солдаты и бодрые генералы, онъ знаетъ ихъ по именамъ, тамъ у него есть свои любимцы, Баграціонъ, Ермоловъ, Дохтуровъ, онъ знаетъ ея дивизіи, корпуса, имена Суворовскихъ полковъ. Онъ уничтожитъ ихъ армію и займетъ Петербургъ, Уралъ, станетъ вдоль границъ Индіи, его драгуны будутъ ѣздить на оленяхъ въ снѣгахъ Сибири. Онъ займетъ океанъ земель и народовъ, Россію, чтобы отомкнуть въ ней революцію. Онъ освободитъ мужика и татарина. Такая революція будетъ трепетать его желѣзныхъ полковъ, обтекать ихъ, послушно и благодарно будетъ лизать его шпоры, а весь ея огонь онъ броситъ на холеное русское барство, чувственное, вѣроломное, хитрое, на эту знать варварской имперіи, которая отъ Петра до Александра присягала своимъ императорамъ, чтобы убивать ихъ и присягать тѣмъ, кого убивала позже. Самонадѣянную и самодовольную барскую націю восточныхъ рабовладѣльцевъ, эту смѣсь московита съ авантюристами всей Европы, онъ сильно пригнетъ къ своей шпорѣ, и въ Россіи это будетъ легче, чѣмъ было во Франціи со всѣми Сегюрами.

Скифы съ пышными дворянскими гербами поразили его воображеніе пожаромъ Москвы. Хорошо, онъ поразитъ ихъ пожаромъ Россіи, онъ на нихъ подыметъ ихъ дикаго раба. Хорошо, пожаръ, такъ пожаръ. Они сожгли Москву, онъ сожжетъ ихъ невѣрную, лукавую власть, отнемъ революціи онъ пройдетъ по Россіи, чтобы взорвать всю эту варварскую фантасмагорію, фантастическую и нелѣпую имперію Александра.

Онъ потрясетъ человѣчество нечеловѣческой жестокостью и нечеловѣческими благодѣяніями. Робеспьеры покажутся предъ нимъ щенками. Онъ

Digitized by Google

позволитъ рабу утолить жажду, позволитъ захлебнуться въ крови, и тогда эта толпа нотаблей въ фантастическихъ мундирахъ бросится къ нему на колѣняхъ. Онъ ихъ спасетъ. Онъ пошлетъ ихъ въ Испанію, они будутъ, можетъ-быть, въ авангардѣ его лондонскаго дессанта. Награды, аренды, титлы, самая честь службы въ великой арміи, расцвѣтъ отечества подъ его правленіемъ примирятъ ихъ съ новой судьбой. Наполеонъ станетъ зарей Россіи, онъ утвердитъ въ ней истинную справедливость, истинный законъ. Онъ освободитъ въ Россіи раба и воспитаетъ своимъ гражданиномъ. Уже черезъ одно поколѣніе въ его великую имперію вольется молодая и бодрая величайшая нація, милліоны гражданъ новой Наполеоновой Россіи. Его орелъ зарѣетъ изъ русскаго огня. Тогда человѣчество и онъ самъ повѣрятъ, что онъ не только человѣкъ и герой, что онъ выше чѣмъ человѣкъ. Тогда снова Боточеловѣкъ сойдетъ на землю. Наполеонъ и Москва, въ этомъ его истинная и первая побѣда. Побѣда сдѣлала его тѣмъ, что онъ есть, но только истинная побѣда, Наполеонова Россія, дастъ человѣчеству божественную вѣчную имперію. Первымъ императоромъ человѣчества, намѣстникомъ могущества Божьяго, будетъ онъ и вторымъ его сынъ, римскій король.

Глубокое содроганіе нѣжности прошло по тяжелому, желтоватому лицу. Съ полунасмѣшливой и полуласковой улыбкой, такая улыбка всегда сквозила на его лицѣ, когда онъ думалъ о сынѣ, императоръ, устремясь головой впередъ, шагнулъ отъ окна.

Командиръ гвардіи, маршалъ Бессьеръ, уже давно ждалъ его, слегка сгибая и разгибая за спиной портфель зеленаго сафьяна.

— А, Бессьеръ, — бодро, съ хрипцой, позвалъ

Digitized by Google

императоръ. Его лучисто-сѣрые глаза ослѣпили маршала на мгновеніе.

— Мы завтра выступаемъ. Я взорву Москву, этотъ красный Кремлевскій комодъ, и скорымъ маршемъ на Петербургъ.

—Да, государь...

Бессьеръ слышалъ его сильное и радостное дыханіе. Маршалу стало не по себѣ: онъ замѣтилъ подъ глазомъ императора темное пятно, полоску гари на небритой щекѣ. Въ этомъ было что-то неловкое, даже смѣшное.

— Но я опасаюсь, можемъ-ли мы выступить завтра, — сказалъ Бассьеръ. — Я даже увѣренъ, что завтра нельзя.

— А, почему вы понимаете буквально, я не говорю завтра... Послѣзавтра, черезъ два дня.. Сегодня четвергъ?

— Да, государь

— Хорошо. Въ субботу.

— Да, государь.

Маршалъ наточеннымъ ногтемъ поковырялъ въ ухѣ, что онъ всегда дѣлалъ передъ тѣмъ, какъ возражать императору.

— Очень дурныя дороги, государь, а мы безъ сапогъ, и провіантъ...

— Это мое дѣло, да?

Императора начали раздражать слова Бессьера, онъ почувствовалъ, что маршалу хватитъ надолго вѣжливыхъ жалобъ о хлѣбѣ, сапогахъ, интендантствѣ, и вѣжливой прочистки уха мизинцемъ.

— Наконецъ, Бессьеръ, я еще не рѣшаю.... Я соберу маршаловъ... И простите, я буду умываться, я въ копоти.

Маршалъ, прочищая ухо мизинцемъ, смотритъ на острые носки ботфортъ.

— Армія съ радостью пойдетъ къ новымъ по-

Digitized by Google

бѣдамъ, — сказалъ онъ. — Хотя и подорвана усталостью. Москва для арміи была концомъ. Къ тому же этотъ пожаръ, грабежъ...

— А, Бессьеръ, вы злите меня

— Государь?

— Да, вы злите меня.

Императоръ повернулъ взъерошенную мокрую голову. Его полная смуглая грудь блеститъ отъ воды. Заерошенный, голый по-поясъ Кентавръ въ егерьскихъ рейтузахъ, смотритъ на маршала, сжимая въ комокъ сырое полотенце. Растертое лицо императора посвѣжѣло.

— Вы могли бы не разсказывать объ этомъ... Немедленно прекратить грабежъ. Грабителей разстрѣливать.

— Да, государь.

— Я васъ не задерживаю... Я прошу, чтобы мнѣ собрали всѣ свѣдѣнія о бунтовщикѣ Пугачовѣ и еще прислать ко мнѣ русскаго, хорошо говорящаго по французски, или француза, долго жившаго въ Москвѣ. Мнѣ необходимо и то и другое...

Паркетъ, бѣлыя съ золотомъ кресла, зеркало въ простѣнкѣ, все стало сѣрымъ, погасшимъ, точно помутнѣлъ за окнами свѣтъ. Императоръ стремительно подошелъ къ окну походкой крѣпкаго человѣка, немного вразвалку. Онъ перемѣнилъ мундиръ. Ему былъ пріятенъ запахъ малонадеваннаго сукна и свѣжесть бѣлаго жилета.

Онъ толкнулъ бѣлую раму. На смуглыя руки, на острый кончикъ носа, на лысый лобъ пали крупныя, холодныя капли: шумно гналъ вѣтеръ стриженныя акаціи подъ окномъ.

Digitized by Google

XIV

Первый ливень ударилъ по Москвѣ въ четвергъ, 5 сентября, въ три часа дня. Пламя обрывалось громадными языками въ изсѣра-красномъ туманѣ, но точно выпирая изъ дождя, набухая въ немъ, снова подымалось, свѣтлѣя все шире и суше.

Носило гарь у темнокрасныхъ строеній Петровскаго дворца. Въ Петровской рощѣ солдаты копали землянки и рубили деревья. Землянки обкладывали выломанными дверями и разбитыми зеркалами. Почернѣвшіе отъ копоти офицеры, въ сырыхъ мундирахъ, сидѣли подъ дождемъ въ креслахъ, весело болтали, и что-то ѣли съ фарфоровыхъ черепковъ и помятыхъ серебряныхъ блюдъ, натасканныхъ съ пожара солдатами.

Было много вина изъ московскихъ погребовъ. Артиллерійскіе лошади, бродившія по рощѣ, продавливали копытами пустые винные ящики въ мокрой травѣ.

Тусклыя пятна костровъ, бивуаки корпуса Короля Италійскаго, тянулись къ Ходынскому полю. Въ рощѣ и по полю шумными таборами толпились солдаты, лошади, всюду стояли отпряженные экипажи, были свалены пирамидами казенные сундуки.

За дворцомъ, на плацу, солдаты трясли и передавали съ рукъ на руки мѣдные самовары, ящики съ кофе, розовые салопы московскихъ нянекъ, куски мокрой парчи и тонкія персидскія шали, которыя, развѣваясь по вѣтру, то приникали прозрачно и красиво къ лицамъ, то влажно облѣпляли спины.

Digitized by Google

Все это было похоже на смѣшную арлекинаду: солдаты торговались, какъ турки, выпучивая глаза, присѣдая и хлопая горстями о колѣни.

У самаго дворца, подъ сырыми колоннами, поджавъ скрученные подолы между колѣнъ и натянувъ на лица платки, сидѣли московскія бабы, жены купцовъ. Купцы кланялись о-земь, когда проходилъ французскій офицеръ или солдатъ. Эти московскіе граждане, бѣглецы изъ огня, пришли искать защиты у его величества. Императоръ приказалъ напоить ихъ горячимъ кофе, но кофе не нашлось, или забыли о приказаніи.

На разсвѣтѣ въ рощу кинулся вѣтеръ, задралъ хвосты лошадямъ, погналъ огни бивуаковъ, сбросилъ прислоненныя къ землянкамъ двери и зеркала, которыя попадали со звономъ на фуры. Зарево носилось желтоватыми клиньями по вѣтвямъ, оглоблямъ, головамъ лошадей. Вѣтеръ ударилъ по зарядному ящику, лязгнули подъ колесами цѣпи, рухнулъ ливень.

6 сентября небо точно разсѣялось надъ Москвой и хлынуло изъ чревъ своихъ потопомъ. Красный дымъ потемнѣлъ, громада пожарища потянулась косыми столбами, которые, все возростая, стали легчать и рѣдѣть. Ливень на мгновеніе прерывался, точно передыхалъ, чтобы съ новой силой сбросить столбы водъ.

Въ Петровскомъ погасли китайскіе павильоны, бесѣдки; у дворца, накинувъ на головы шинели, прыгали черезъ ручьи часовые, на размытомъ плацу въ водороинахъ гнало съ водой песокъ и кипѣли на лужахъ пузыри.

Къ дворцовому подъѣзду, кренясь и выбивая вѣера брызгъ, подкатили московскія дрожки, похожія на комъ мокрой глины.

Digitized by Google

Тощая дама въ синемъ чепцѣ, съ лентами, прилипшими къ щекамъ, опустила съ головы синюю юбку, съ которой стекала вода, встряхнулась, и, въ обходъ лужъ запрыгала по двору.

На крыльцахъ ее встрѣтилъ маршалъ Мортье. Онъ вышелъ подъ дождь безъ шляпы и, стоя въ лужѣ, подалъ дамѣ руку. Съ маршаломъ дама вошла въ подъѣздъ.

Тамъ она подняла синюю юбку. Подъ нею была другая, лиловая, дама приподняла и ее, забѣлѣлась третья, вѣроятно, нижняя, въ измазанныхъ мокрой глиной воланахъ.

Дама отвернулась отъ маршала и проворно провела воланами по лицу.

— Это Ноевъ потопъ, — сказала она. — Мой чепецъ, мои фонтанжи... Но теперь, кажется, я могла-бы итти къ его величеству.

Мокрая дама въ синемъ чепцѣ, которая явилась въ Петровское, какъ чучело, набитое водой, была магазинщицей съ Кузнецкаго моста, госпожей Оберъ-Шальме.

У нея были очень быстрые, блестящіе глаза, лѣвый слезился. Тощая, даже костлявая, со сдавленнымъ шафраннымъ лицомъ, съ коричневой бородавкой на остромъ подбородкѣ, съ золотыми браслетами на худыхъ запястьяхъ, она больше походила на старую цыганку, чѣмъ на француженку.

Ожидая у бѣлыхъ дверей, дама приподняла синюю юбку и, придерживая ее на впаломъ животѣ, вытянула изъ бокового карманчика нижней, лиловой, черепаховую табакерку. Съ удовольствіемъ набрала полную понюшку.

Она чихнула еще въ дверяхъ. Когда она поклонилась императору, она чихнула снова, точно мокро хрустнула, и зажала носъ тощей горстью.

Digitized by Google

Императоръ слегка улыбнулся.

— Вы озябли, не правда-ли?

— Нѣтъ, ваше величество, я не озябла, но этотъ табакъ... Мнѣ подарилъ его неаполитанскій капитанъ. Простите, но я...

Оберъ-Шальме очень быстро приподняла синюю юбку, за ней лиловую, что-то забѣлѣлось, кажется, панталоны. Императоръ отвернулся къ окну. Оберъ-Шальме высморкалась шумно и съ удовольствіемъ.

— Ахъ, ваше величество, какія событія, — она прокашлялась. — Я разорилась въ два дня...

Императоръ, заложивъ руки за спину и склонивъ голову слегка на-бокъ, съ пріятной и вѣжливой улыбкой не слушалъ ея жалобъ.

Смѣлымъ голосомъ, звякая браслетами, госпожа Оберъ-Шальме, воодушевляясь, разсказала, что ея домъ, ея мастерицъ, отстояли неаполитанскіе офицеры, но ихъ ограбили, не офицеры, нѣтъ, но у нихъ вынесли отрѣзы бархата, даже кровать, триста тысячъ изъ шифоньера, нѣтъ, пятьсотъ, страусовыя перья солдаты вставляли въ кивера, это смѣшно дамскія перья на киверахъ, но это возмутительно, ее разорили, она никому не позволитъ.

Сдавленное лицо вдругъ заморщилось, дама звонко чихнула, отдернувъ головой какъ лошадь.

— Вотъ, ваше величество, я чихаю, прошу простить, — сказала она изумленно.

— Возьмите моего табаку. Я думаю онъ мягче, чѣмъ у неаполитанскаго капитана. Ваша жалоба будетъ удовлетворена, я надѣюсь.

Императоръ постучалъ по табакеркѣ ногтемъ и подалъ ее Оберъ-Шальме.

— Я не сомнѣваюсь въ справедливости вашего

Digitized by Google

величества, — сказала дама, присѣдая съ табакеркой въ рукѣ.

Эта смѣшная старуха, обверченная мокрыми юбками, уже сердила императора. Онъ просилъ вызвать дѣльнаго человѣка, хорошо знающаго русскихъ, а ему прислали чихающую торговку. Но онъ упрямо встряхнулъ головой. Его глаза облили Оберъ-Шальме сильнымъ сѣрымъ свѣтомъ.

— Все же, я желалъ-бы спросить васъ, — сказалъ онъ съ досадой. — Мнѣ доложили, что вы достаточно долго жили въ Москвѣ?

— Долго-ли, кажется, всегда... Это былъ очень недурной городъ, ваше величество.

— Не сомнѣваюсь. Постойте. Подумайте и отвѣтьте мнѣ точно и прямо. Прошу васъ.

— Да, ваше величество.

— Хорошо. Что вы думаете о предложеніи освободить русскихъ крѣпостныхъ, милліоны рабовъ?

— Освободить милліоны рабовъ...

Госпожа Оберъ-Шальме широко и пристально взглянула на императора.

Въ мокромъ чепцѣ, съ сѣдыми акрошкерами, обвисшими жидкими косицами у щекъ, госпожа Оберъ-Шальме задумалась, пригнувъ голову на бокъ. Она стала похожа на стараго еврея, съ жидкими пейсами и слезящимся глазомъ.

Медленно, думая, она заправила понюшку въ одну ноздрю, потомъ въ другую. Глазъ сверкнулъ умно и печально. Зазвенѣли браслеты. Она подала императору табакерку:

— Государь, развѣ женщинѣ думать о такихъ вещахъ... Однако, я скажу вамъ со всей откровенностью: одна треть пойметъ ваше благодѣяніе, двѣ другія даже не поймутъ о чемъ имъ говорятъ. Я знаю русскихъ рабовъ.

— Но примѣръ первыхъ можетъ увлечь осталь-

Digitized by Google

ныхъ, — быстро сказалъ императоръ, повертѣвъ пальцами табакерку.

— Нѣтъ, государь. Я старуха и прошу простить, что смѣю судить объ этомъ, но я знаю о чемъ говорю. Россія не то, что полуденная Европа. Русскій рабъ недовѣрчивъ и подозрителенъ. Его трудно расшевелить. Дворяне не замедлятъ повернуть въ свою пользу лѣнивое колебаніе рабскихъ умовъ, и я говорю вамъ, государь, что эта славная революція, эта величественная идея, освобожденіе крестьянъ, будетъ успѣшно изображено ихъ владѣльцами, какъ идея нечестивая и безбожная... Увлечь этимъ мужиковъ будетъ чрезвычайно трудно. Смѣю сказать, даже невозможно, государь.

Императоръ понюхалъ табаку, что онъ дѣлалъ всегда, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, кивнулъ головой и отвернулся къ окну

XV

На Ходынкѣ трещатъ сырые костры. Озябшіе подъ моросивомъ солдаты нехотя подымаются съ соломенныхъ подстилокъ и тюфяковъ, равнодушно глядя на тѣни всадниковъ въ туманѣ.

Многіе спятъ у заглохшихъ костровъ. Подъ дощатыми навѣсами люди лежатъ вповалку, какъ дымящее стадо.

Офицеры ставятъ въ грязь тарелки и чашки съ черной похлебкой или мучной кашей, пригорѣлой на кострахъ, встряхиваются, и встаютъ также нехотя, какъ и солдаты.

Это было мутное утро 7 сентября, когда императоръ возвращался изъ Петровскаго въ Кремль.

Молчаніе арміи въ то утро было, можетъ-быть, тяжелымъ и равнодушнымъ утомленіемъ послѣ пожара и грабежа.

Digitized by Google

Тысячи людей торговали теперь на ярмаркахъ пожарища своей добычей, кусками золота, серебромъ, горстями жемчужинъ, всѣмъ, что было легко забить въ ранцы. Изъ кладовыхъ Монетнаго двора на ярмарки вынесли свѣтлыя пластинки. Онѣ цѣнились дороже всего: этотъ сплавъ цинка и олова приняли за сибирскую платину.

Тысячи людей сидѣли въ топкой грязи, у костровъ, варили въ котелкахъ конину, выбирали куски руками, пили вино изъ бутылокъ, и говорили и думали,что Москва завоевана и наказана,хотя сами не знали, за что было наказывать ее, а теперь будетъ миръ, теперь ихъ двинутъ домой: не самъ-ли императоръ, указавъ перчаткой на Москву, сказалъ «здѣсь конецъ кампаніи».

И тысячи людей, угрюмо озираясь на разрушенія, чистили ружья, подшивали грубыми нитками суконки подъ патронныя сумки, вымѣнивали у грабителей обрывки мѣха, чтобы обернуть избитыя за походъ ноги, и говорили и думали, что кругомъ сошли съ ума, что ихъ погубитъ вся эта сволочь, которую императоръ притащилъ въ Москву, эти отребья, грабители, мародеры, вонючки поляки въ мишурѣ, скоты баварцы, итальянскіе воришки, что подъ Москвой рыщутъ казаки, что русскіе не разбиты. Тысячи людей говорили, что если не дадутъ имъ приказа разстрѣливать мародерскую сволочь, они пойдутъ сами, безъ приказа, чтобы бить ихъ прикладами.

Приказъ былъ данъ и тысячи людей, ругаясь на всѣхъ языкахъ Европы, стали сгонять къ закоптѣлымъ стѣнамъ грабителей, стягивать съ нихъ мундиры и выгребать изъ сумокъ серебрянный ломъ, патронныя картуши, кольца, солдатскія пуговицы и размякшія въ кашу куски хлѣба, съ приставшей соломой.

Digitized by Google

Императоръ шагомъ подвигался въ Москву.

Въ переулкѣ, близъ Охотнаго ряда, толпа купцовъ и мужиковъ съ глухимъ шумомъ пала на колѣни предъ его конемъ. Императоръ посмотрѣлъ на спутанныя дымныя головы и молча тронулъ поводъ.

Онъ былъ раздраженъ въ этотъ день и у него было такое чувство, будто онъ не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать, отказался отъ чего-то и это теперь подавляло и тѣснило его. Онъ возвращался въ Кремль, но онъ не зналъ, что ему дѣлать сегодня или завтра. Къ тому же онъ озябъ подъ дождемъ.

Онъ не смотрѣлъ на солдатъ, онъ понималъ лучше всѣхъ Бессьеровъ, что у него нѣтъ больше арміи въ Москвѣ и пожарище только обнажаетъ ея смердящія ребра.

На пустыряхъ валялась конская падаль и бородатые трупы, похожіе на сѣрые мѣшки. На чугунныхъ фонаряхъ Тверского бульвара висѣли поджигатели. На нѣкоторыхъ бѣлѣлись приколотыя записки «Зажигатель Москвы». Тамъ были трупы семинаристовъ, квартальныхъ, купеческихъ приказчиковъ, писцовъ изъ московскихъ комиссаріатовъ. Висѣлъ тамъ и Филька-воръ и его товарищъ фальшивомонетчикъ, обритый на-голо малый въ арестантскомъ халатѣ.

Надъ Москвой сѣялась погасшая гарь. Низкій и сырой дымъ, точно крадучись, ползъ по сгорѣвшимъ улицамъ.

Саперы и гвардейскіе стрѣлки отстояли Кремль, Кузнецкій мостъ, Рождественку, обѣ Лубянки, Чистые Пруды, Маросейку, но тянутся и тамъ разбитые грабежомъ дома безъ оконъ и въ копоти, съ выломанными воротами.

Ночь, кропящая пепломъ, налегла на Москву. Грабежъ откатился на дальніе концы.

Digitized by Google

Рано утромъ императоръ поднялся по широкимъ ступенькамъ Воспитательнаго дома.

У колоннъ, на верхней площадкѣ, его ждали смотрители, врачи и директоръ Воспитательнаго дома, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Акинфіевичъ Тутумлинъ: императоръ пожелалъ освѣдомиться о состояніи тысячи несчастныхъ дѣтей, брошенныхъ огню графомъ Растопчинымъ.

Маленькій старичекъ, Иванъ Акинфіевичъ мигалъ нависшими бровями, слушая императора, который, сипло дыша, что-то говорилъ съ досадой.

Его слова или смыслъ его словъ поймутъ въ Петербургѣ, туда напишетъ этотъ старикъ въ сбитой лентѣ ордена.

Внезапная пустота открылась вокругъ него въ Москвѣ и ему приходится говорить предъ глупыми торговками, предъ смѣшными стариками. Но Москва сожжена, и онъ въ Москвѣ. Побѣжденные будутъ просить мира, онъ вспомнилъ ночью это слово «миръ», полное и покойное, какъ солнечный день.

— Должно прекратить разрушенія, — онъ едва не сказалъ «эту войну», но услышалъ свой голосъ и сталъ слѣдить за собой.

— Я никогда не воевалъ подобнымъ образомъ. Я не хочу такой войны. Мои войска сражаются, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я встрѣчаю только пепелъ... Я повторяю, должно прекратить разрушенія... Вы можете написать ея величеству, что ея учрежденіе избѣгло общей участи, что я принялъ его подъ мой надзоръ...

Иванъ Акинфіевичъ, дурно понимая чужой языкъ, переступалъ съ ноги на ногу, изумленно выстрѣливая бровями на императора.

Digitized by Google

XVI

Кошелеву снилось, что кругомъ поля пляшутъ цыганки въ красныхъ и желтыхъ кофтахъ, вздуваетъ шали, гдѣ сверкаютъ павлиньи глаза, а онъ, маленькій, мечется подъ громадными ступнями и зоветъ брата, а цыганки ищутъ его и кричатъ «Софьюшка, Софьюшка».

Онъ проснулся, и все, что было съ нимъ въ пожарѣ, показалось ему сномъ. Онъ пошарилъ въ темнотѣ. Его ладони нащупали мокрый щекочущій бархатъ. Тогда онъ понялъ, что его руки на спинѣ каретника. Онъ подумалъ, не умеръ-ли каретникъ, потянулъ его за рукавъ и почувствовалъ живое тепло.

— Вставай, вставай, — зашепталъ Кошелевъ. — Да вставай же!

Каретникъ сѣлъ, обдавъ холодомъ, отряхнулся.

— Ты, ну?

— Темень какая. Ночь. Все погасло.

— Извѣстно погасло. Дождь пролетѣлъ.

— А гдѣ мы?

— Што ты баринъ, ровно потерянный: у Хамовниковъ, на Дѣвичьемъ полѣ, у Крымскаго броду... А, Господи, сбило огонь.

Каретникъ сыро чихнулъ и съ осторожностью подвинулъ въ темноту ноги.

— Эва, никакъ тамъ душа человѣческа.

— Душа, душа, душа, — горячо забормоталъ голосъ во тьмѣ.

Кошелевъ могъ теперь разглядѣть, что по всему полю помываютъ безшумныя тѣни. Онъ слышалъ шорохъ дождя . Капли четко и рѣдко стучали о доску.

Овчинный тулупецъ Кошелева намокъ и вязкія клочья шерсти прилипали къ рукамъ. Онъ провелъ

Digitized by Google

ладонью по лицу и по мокрымъ колѣнямъ, точно ощупывая и снова узнавая себя. Содрогнулся.

— Холодно какъ.

Каретникъ молчалъ. Очень близко было слышно чье-то дыханіе, оно обрывалось, сипѣло, и по его звуку Кошелевъ понялъ, что дышетъ тотъ самый человѣкъ, который побормоталъ такъ внезапно «душа, душа».

И это дыханіе, и тьма, и сырой вѣтеръ, вѣющій иногда жаромъ, успокоили его. Онъ встряхнулся, какъ каретникъ, и прислонился къ его теплой спинѣ.

— А вѣдаешь, вѣдь я четверо сутокъ не ѣлъ.

— Ништо. Перетерпится... Ты, баринъ, слушай: ты отседова не вставай, я по полю поброжу. Народъ послушать пойду. А ты, баринъ, сиди. Тьма то, страсть...

— Но я съ тобой, — приподнялся Кошелевъ.

— А нѣтъ, баринъ, сиди, — властно сказалъ каретникъ, опустивъ на плечо Кошелева руку. — Дите подъ тулупецъ возьми: спитъ малой.

Кошелевъ сѣлъ. Почему-то съ легкой охотой и жалостью подчинился онъ каретному мастеру, который несся передъ нимъ, во снѣ-ли, въ огнѣ. Онъ прикрылъ мальца полой. Его согрѣло маленькое теплое тѣло.

Шаги каретника затихли.

И тогда въ спину и плечи Кошелева толкнулись чьи-то легкіе пальцы. Едва касаясь, они ошаривали его. Чья-то прохладная ладонь коснулась волосъ, провела вдоль щеки, и голосъ чистый, грудной, дѣвичій голосъ усышалъ онъ надъ собой:

— Баринъ, вы тутъ али нѣтъ?

— Тутъ

— Хлѣбца, баринъ, прими.

Digitized by Google

Кошелевъ пожалъ въ темнотѣ чью-то продолговатую руку.

— Полно, благодарствую, вовсе не надобно.

— Прими, баринъ, пожалуй.

Кошелевъ держалъ хлѣбъ въ рукахъ осторожно, какъ просфору, и долго слушалъ со страннымъ волненіемъ, не позоветъ ли снова дѣвичій голосъ, замолкшій во тьмѣ. Уже плавалъ предутренній туманъ, когда въ клочьяхъ мглы показалось блѣдное лицо каретнаго мастера.

Каретникъ сѣлъ и грубо, съ силой, оттолкнулъ колѣни Кошелева.

— Грабятъ, — выдохнулъ онъ. — Дѣвокъ мучаютъ, бабъ. Москву грабятъ, кругомъ. Мучитель. Вся сила евонная...

Теперь Кошелевъ замѣтилъ въ туманѣ постель: она высилась, какъ тѣнь торжественнаго ложа. Со спинки свисалъ коверъ.

У постели стояла невысокая монашка. Кошелевъ отдалъ ребенка каретнику и поднялся, глядя на нее. Она была ниже его, въ черномъ послушническомъ сарафанѣ и въ черной шапочкѣ, которая давала ей сходство съ отрокомъ.

— Стало быть, то вы подали мнѣ давеча хлѣба?

Дѣвушка молча отвела отъ брови мокрую прядь.

— Благодарствую, — Кошелевъ внимательно посмотрѣлъ на монастырку и добавилъ съ ласковой усмѣшкой:

— Блародарствую, матушка...

Между ними, подъ сырымъ ковромъ, лежалъ на постели человѣкъ. Свѣтъ тускнѣлъ на его лысомъ лбу, заострившій носъ былъ въ капляхъ дождя.

Каретникъ наклонился и послушалъ его короткое, прерывистое дыханіе:

— Никакъ купецъ Коробеевъ?

Digitized by Google

Монастырка такъ оправила свой колпачекъ, точно угнеталъ онъ ей голову и отвѣтила тихо:

— Батюшка мой.

— Какъ же, призналъ: Савва Андроньевичъ, москательщикъ... Вотъ и купецъ, вотъ и дочь ихняя Параскева.... Да пошто же ты съ батюшкой въ полѣ?

Свѣтлые, горячіе глаза монашенки на мгновеніе остановились и на Кошелевѣ.

— Да когда пожаръ. Нынче помочи подать некому. Наша улица занялась, молодцы понесли батюшку въ Новодѣвичій. А тутъ народъ по полю побѣжалъ, заметался. Вотъ и бросили постелю.

— Бѣда, а приказчики куда подѣвались?

— Стало на поле жаромъ кидать, налъ кожевенникъ мнѣ говоритъ, ты, Параша, мнѣ говоритъ, тутъ погоди, а когда затопили Москву и мы огонька подкинемъ.

Кошелевъ въ жалостномъ восторгѣ смотрѣлъ на эту невысокую черничку, похожую на отрока.

— Но вы инокиня, — сказалъ онъ, наконецъ.

— Я бѣлица, не инокиня: на послухѣ, по обѣту, за болящаго батюшку.

— Хорошо. Но тогда мы вѣдь можемъ понести вашего батюшку въ Новодѣвичій: тамъ должны его подъ крышу принять.

— Думаю, баринъ, все полно и не примутъ. Больныхъ-то и старыхъ изъ огня сколько вынесли. Вотъ кабы были вы, баринъ, такъ хороши, дошлибы до матушки Ифигеніи дозволенія испросить.

— Можно, конечно.

Подумалъ: «Ифигенія, трагедія древнихъ, Эдипъ ослѣпленный, такого имени быть не должно. Полагаю, Евгенія».

— Пойдемъ, Эдипъ Ослѣпленный... Тебѣ гово-

Digitized by Google

рю, Евстигней... Пойдемъ къ Ифигеніи: я дороги не знаю.

Каретникъ мотнулъ головой и бережно опустилъ черничкѣ на руки спящаго ребенка.

XVII.

Въ сумракѣ утра Дѣвичье поле открывалось, низкое и дымяще, какъ болото.

Люди лежали и сидѣли вповалку. Люди тѣнями бродили въ туманѣ, искали чего-то, пригибаясь къ землѣ. Въ грязи сѣрѣла мокрая подушка, стоялъ на корзинѣ самоваръ красной мѣди. Выпростанное бѣлье уже было въ мокрыхъ отпечаткахъ ногъ.

У мѣшка съ сахаромъ дворовые выгребали горстями желтоватую жижу, надо думать, дѣлились. Мѣшокъ подтаивалъ и сочился

Мужикъ въ бѣломъ армякѣ лежалъ въ лужу лицомъ, не то пѣлъ тоненько «и-и-и», не то плакалъ.

Потерянная борзая изъ барской своры съ оборваннымъ кожанымъ ошейникомъ въ бляшахъ, сфыркивая и поджавъ хвостъ, на трехъ ногахъ, заковыляла отъ нихъ въ туманъ.

Въ лужѣ стоятъ образа, прислоненные другъ къ другу, лики мокрые, темные, течетъ струями паръ по тусклому золоту ризъ.

Бабы, накинувъ салопы на головы, сидятъ на сундукахъ, кущы, высоко подторкнувъ полы кафтановъ, бродятъ между корзинъ, стоятъ въ грязи, и горестно шепчутся, приблизивъ другъ къ другу брадатыя, черныя отъ копоти лица.

Небритый человѣкъ въ нанковой шинели, съ головой, обмотанной краснымъ фуляромъ, привязываетъ къ двумъ жердямъ обгорѣлое одѣяло. Подъ одѣяломъ сидитъ женщина въ чепцѣ, на ея

Digitized by Google

плечахъ солдатская шинель съ мѣдными пуговицами. Женщина кормитъ грудью младенца. Вышлыла ея иззябшая, бѣловатая грудь, озябшій младенецъ тычется головенкой у коричневаго сосца.

У ногъ женщины, онѣ въ сырыхъ чулкахъ, дымитъ заглохшій самоваръ, тамъ горка книгъ въ кожаныхъ переплетахъ и футляръ отъ скрипки. Небритый человѣкъ въ красномъ платкѣ сѣлъ на корточки и сталъ раздувать самоваръ сапогомъ.

Кошелевъ провелъ ладонью по сырымъ волосамъ:

— Все, до тла... Вотъ какъ она... Россія легла.

Каретникъ не отвѣтилъ. И это ли слово Россія, которое сказалъ онъ такъ внезапно, а можетъ быть книги и скрипка у дыряваго одѣяла, хлопающаго подъ вѣтромъ, но Кошелевъ вспомнилъ сѣдого Наума Степаныча, прижимающаго книги къ груди, и оглядѣлся, словно старый мартинистъ могъ быть тутъ, близко.

— Вотъ и Наумъ Степанычъ и вольные каменщики... Діоптра... Жаль... Россію.

Нестерпимая жалость, сіяющая, двинулась отъ сердца.

— Россія, — повторилъ онъ изумленно.

У канавы сидѣли солдаты. По чернымъ воротникамъ онъ узналъ русскихъ артиллеристовъ. Солдаты были босые, одинъ, выставивъ ногу, моталъ портянку, точно пеленалъ медленно.

Головой въ мѣдный тазъ, тамъ лежалъ рослый цыганъ. Отъ дыханія криво и часто подымало надъ впалымъ животомъ безрукавку, съ литыми серебряными пуговками. Старыя цыганки сидѣли вокругъ, повернувъ птичьи носы къ его задраной бородѣ.

Непріятельскіе солдаты сидѣли на ящикахъ, обитыхъ желѣзными полосами, на мѣшкахъ и на

Digitized by Google

бѣлыхъ, съ золочеными поручнями, креслахъ, вросшихъ въ грязь до самыхъ сидѣній. Они сторожили мѣшки и ящики, положивъ между колѣнъ ружья съ привинченными штыками. На Дѣвичьемъ полѣ стояла бивуакомъ дивизія маршала Даву.

Плясала въ толпѣ аспидно-смуглая плосконосая дѣвчонка, съ прыгающей красной тряпицей на головѣ, била въ обертый бубенъ, стучала монистами, тряслись ея покатыя плечи кофейнаго цвѣта, шумѣли красныя юбки, а сзади, на плоской спинѣ, выбивались грязныя клочья цыганской сорочки. Дѣвчонка трясла жестяной кружкой и вскрикивала:

— Мусью, мусью, дай монетку, мусью...

Солдатъ обнялъ цыганку, она вырвалась, помятой кружкой оттолкнула солдата, вѣеромъ блеснули монетки. Кругомъ засмѣялись.

Вокругъ молодого попа въ сѣромъ подрясникѣ, толпятся безъ шапокъ. Русые волосы кидаетъ попу на худое лицо, онъ подымаетъ руку, грозится, видна до костляваго локтя его рука нѣжная, въ свѣтлыхъ волоскахъ, съ выпирающей косточкой у запястья:

— Небо станетъ желѣзнымъ, земля какъ мѣдь, отроковицъ застигну въ горахъ, пробью копьемъ юношей, предамъ огню, взалкаете по Мнѣ...

Простоволосая молодая баба стоитъ за попомъ. Сухо и страшно блещутъ ея глаза. На рукахъ разметалось дите, свивальникъ повисъ до земли, дите сучитъ темными ножками.

— Не слушайте, не слушайте — надрывается попадья. — Родимцы, хорошіе... Въ умѣ помутился... Не слушайте...

Точно стая галокъ поволоклась по полю. Впереди идетъ человѣкъ въ однихъ подштанникахъ, на плечи накинута рогожа. Онъ выступаетъ немного по пѣтушиному, надменно и гордо.

Digitized by Google

За старикомъ въ рогожѣ, тянутся медленной тучей мальчишки, сидѣльцы, дворовые. Всѣ испуганно и насмѣшливо слѣдятъ за его движеніями.

Гордая и смѣшная походка сухощаваго старика, его орлиное, изрытое морщинами лицо, все показалось Кошелеву нерусскимъ, чужимъ. Каретникъ сказалъ:

— Эва, чудо.

Это бродилъ по Дѣвичьему полю въ рогожѣ, поданной кѣмъ-то, погорѣвшій органистъ латинской церкви Святого Людовика, французскій эмигрантъ.

— Я ему сказалъ, штобъ не шолъ, — заговорилъ онъ, глядя на Кошелева:

— Но онъ пошолъ, и я. Онъ надѣлъ на свой лучшій шляпа бѣлый бантъ короля, онъ былъ роялистъ и эмигрантъ, Шевалье де ля Пайеръ. Сольда Бонапартъ увидаль насъ... Я французъ, да, но они не французъ, они жакобенъ, разбойникъ, они убиваль нашъ король, убиваль Франсъ, они прогналь всѣхъ хорошихъ шеловѣкъ... О, вы не знайтъ кто они, они бунтовшикъ, у нихъ нѣтъ ни одна свяшеникъ въ этой арме, ни одна обѣдня... Они сказаль Шевалье де ля Пайеръ «пошему нѣтъ триколеръ на твоя шляпа, ты не французъ». Онъ сказалъ «я французъ и слуга мой убитый король». «Проклятый роялистъ, эмигрантъ», сказалъ они и стали ударяйтъ насъ приклады. Шевалье де ля Пайеръ обнажилъ шпага. Они убили Шевалье де ля Пайеръ...

А подъ стѣной монастыря, по канавѣ, сидѣли дѣвки въ измятыхъ платьяхъ, съ высоко подобранными грудями. Волосы, завитые въ аркошкеры, сбились въ войлочный колтунъ, у одной задралась юбка выше колѣнъ и бѣлѣлась ляжка, забрызганная грязью.

Насурмленныя тяжелыя дѣвки, барскія-ли ак-

Digitized by Google

терки, аттическія богини и музы, отданныя въ Москвѣ непріятелю, или погорѣвшій зазорный домъ, дружно и многоголосо ревѣли, сморкаясь въ подолы, размазывая по щекамъ румяна и грязь. Вокругъ стояли солдаты.

Въ монастырскихъ воротахъ, Кошелевъ посмотрѣлъ на застекленный образъ, подъ которымъ пылалъ костеръ свѣчей. Слѣпцы и нищіе подъ воротами выпячивали, словно нарочно, изъ сѣрой ветоши ноги и высохшія руки. Уродецъ въ ящикѣ гремѣлъ костями.

Евстигней протолкался въ толпѣ. Ни матушки Ифигеніи, ни матушки Евгеніи не могъ указать никто.

Горбатая монахиня въ черной мантіи и въ черномъ шлыкѣ вдругъ обернула къ нимъ смуглое лицо. Блеснули очки:

— Я мать Евгенія, ну?

Поставила на земь глиняную миску съ тряпьемъ и водой, покраснѣвшей отъ крови, и стала опускать съ жилистой руки засученый рукавъ:

— Чего надобно?

Кошелевъ назвалъ себя.

— Ахъ, сударь, не до чиновъ. Видишь, спѣшу, баба рожаетъ, попроворнѣе будь.

Тогда Кошелевъ сказалъ о кущѣ Коробеевѣ, умирающемъ въ полѣ, и о дочери его Параскевѣ.

— Ладно. Несите. А Параскевѣ скажи, Богъ ее не оставитъ.

XVIII.

Кошелевъ шелъ обратно и ему часто казалось, что вотъ тутъ они проходили и тамъ стоитъ постель. Это были во всемъ схожіе, но иные люди, узлы и корзины. Онъ не находилъ монашки, и странная

Digitized by Google

боль тронула сердце, когда онъ подумалъ, что не найдетъ вовсе.

Черничка, подобная отроку въ бархатномъ колпачкѣ, этотъ маленькій уголекъ со свѣтлыми глазами, внезапно найденный въ московскомъ пожарищѣ, тоже тронулъ его, какъ все, сіяющимъ и жалостнымъ восторгомъ.

Монашка сидѣла на постели, къ нимъ спиной. Они подошли тихо. Монашка выпрямилась, но не тронулись руки съ колѣнъ, гдѣ раскидалось спящее дитя.

Человѣкъ на постели былъ закрытъ ковромъ съ головою. Каретникъ нагнулся и перекрестился двуперстіемъ:

— Отошелъ... Уже и ноги застывши.

Покоилось на мокрой подушкѣ бѣлое лицо въ сребристой щетинѣ, подбородокъ повязанъ чистымъ платкомъ.

— Все одно, въ монастырь нести надобно, — прошепталъ Евстигней. — Помоги, што-ли, баринъ.

— Встаньте, прошу васъ, — сказалъ Кошелевъ, подавая руку черничкѣ. — Васъ Богъ не оставитъ...

Они подняли постель. Мертвецъ былъ не тяжелъ. Сначала Кошелевъ не попадалъ въ ногу съ каретникомъ, потомъ они пошли ровно. Они несли мертвеца ногами впередъ. Когда пальцы Кошелева затекали и начинали дрожать, онъ говорилъ «стой» и мертвецъ опускался къ землѣ, голова ниже, ноги выше. И вотъ плылъ снова.

Черничка шла рядомъ, съ ребенкомъ на рукахъ. Ея глаза сухо свѣтились. Скрипѣла и качалась постель. Рука мертвеца откинулась и поволоклась по землѣ. Черница на ходу приподняла руку и сложила съ другой крестъ на крестъ.

Всѣ сторонились, убирали ноги съ дороги, кре-

Digitized by Google

стились. Бабы встали и молча пошли рядомъ, заглядывая покойнику въ лицо.

Они встрѣтили французскаго эмигранта въ рогожѣ. Старикъ сталъ благословлять издали монашку, постель и воздухъ, ненужными чужими жестами.

У монастырской стѣны, тѣ дѣвки въ тяжелыхъ акрошкерахъ, что ревѣли давеча въ голосъ, теперь топтались среди солдатъ въ грузной пляскѣ, тряся высоко подобранными грудями. Солдаты кружили ихъ, мелко, по кошачьи, попрыгивали, и дѣвка, придерживая на затылкѣ размотанный узелъ волосъ, шумя раздутыми юбками, уже визжала, мотала головой и кого-то звала:

— Ма-а-аанька....

Маршалъ Даву и капитанъ полевыхъ стрѣлковъ Сенъ-Клеръ, занимавшій съ караулами Новодѣвичій, ѣхали вдоль стѣны верхами.

Маршалъ былъ простуженъ и кутался въ черный плащъ. Онъ обмоталъ себѣ шею шелковымъ шарфомъ, отъ котораго свѣтилось его усталое, продолговатое лицо. Даву стоялъ съ дивизіей у Новодѣвичьяго, но ночлегъ ему отвели въ Кремлѣ, въ тепломъ покоѣ, за алтаремъ главнаго храма въ Чудовѣ. Капитанъ Сенъ-Клеръ провожалъ молчаливаго маршала въ Чудовъ.

Сенъ-Клеръ указалъ на постель, которую вносили въ монастырскія ворота:

— Вотъ группа, достойная рѣзца мастера. Они несутъ мертвеца. Какъ-будто они сошли съ древней омафоры. И эта московская монахиня съ ребенкомъ на рукахъ, похожа на богиню въ черной туникѣ...

Евстигней, опуская постель, повернулъ къ нимъ голову и проворчалъ матерное ругательство.

А Кошелевъ вспомнилъ первый свѣтлый взглядъ монашки отъ ложа покойника. Ея первый

Digitized by Google

взглядъ и еще уголки ея тонкихъ бровей напомнили ему брата Павла.

Надъ черничкой, заблистали очки горбатой Ифигеніи. Горбунья похлопывала дѣвушку по вздрагивающей спинѣ.

— Чего стали, вы — рѣзко прикрикнула Ифигенія черезъ голову дѣвушки. — Ступайте могилу копать... Мать Олимпіаду, могильницу, сыщите... Мальченка съ нами побудетъ.

Надъ монастырскимъ дворомъ, въ небѣ, пояснѣвшемъ къ ночи, уже свѣтилась московская комета.

XIX.

Кошелева удивляло, что многіе называютъ его бариномъ, хотя онъ никому не говорилъ о себѣ. Онъ безъ толку, будто не вовсе трезвый, ходилъ между мѣшковъ и корзинъ и такъ одергивалъ овчину на груди, точно желалъ что-то сказать, но ему трудно найти слова.

Чувство страннаго ожиданія охватило его послѣ пожара, и когда онъ говорилъ каретнику, что «Россія легла», и когда думалъ, что «все погибло», въ самой глубинѣ онъ чувствовалъ, что Россія не легла, не погибла, а теперь-то и начинается такое, что будетъ прекраснѣе всѣхъ его ожиданій.

Приблизивъ лица другъ къ другу, въ толпѣ говорили въ полголоса, не вынимая озябшихъ рукъ изъ-за пазухъ, и примолкали, когда мимо проходилъ непріятельскій солдатъ.

«Свѣтлѣйшій обходомъ беретъ, самъ государь ведетъ несмѣтну силу», слышалъ кругомъ Кошелевъ, «Они колѣлую конину жрутъ. Казакъ сказывалъ до четвертка токмо терпѣть, въ четвертокъ наши будутъ».

А за полночь Кошелевъ слышалъ сквозь сонъ бормотанія и вздохи каретника:

Digitized by Google

— Спасла тайная звѣзда, помоги Господи...

Каретникъ казался Кошелеву раскольщикомъ. Въ народѣ говорили, что старая вѣра ходитъ по ночамъ, втайную, и воруетъ изъ церквей древнія иконы святоотческаго письма, что унесли изъ Срѣтенскаго тамошній иконостасъ, изъ Успенскаго Іерусалимскую Божью Матерь.

— Куда? — шепталъ Кошелевъ, приподымаясь на локтѣ, — Куда одинъ бродишь, вмѣстѣ пойдемъ...

— Съ тобой не пойду — хмуро отвѣчалъ изъ тьмы голосъ Евстигнея. — Не барское дѣло по ночамъ шляться. Спать не могу, вотъ и хожу по народу. А ты, баринъ, спи.

И только къ самому свѣту, крупно дрожа, подлѣзалъ каретникъ подъ овчину Кошелева.

— И чего ты шатаешься, не спишь, весь продрогъ... Что слышно въ народѣ?

— А то... Мучитель ходитъ. За кажиннымъ угломъ стоитъ... При мнѣ дѣвчонку поволокли, дяденька, кличетъ, одинъ въ меня стрѣлилъ, я побѣгъ... Я и побѣгъ, говорю...

— Тише — шепталъ Кошелевъ. — Уходить надобно изъ Москвы.... Я въ войско уйду, пойдемъ со мной въ войско.

— Э, баринъ, какое войско...

— Развѣ было, что слышно?

— Слышно не было, разное сказываютъ.

— Я въ войско уйду. Ты узнай, какъ изъ Москвы выбраться.

— Есть, сказываютъ, переходъ за Яузскимъ мостомъ. Узнать можно.

Кошелевъ рѣшилъ уйти изъ Москвы и теперь, поджидая каретника, бродилъ по монастырскимъ дворамъ, словно этыскивая кого-то.

Digitized by Google

Однажды онъ подумалъ, что ищетъ черничку въ бархатномъ колпачкѣ, и самъ себѣ улыбнулся.

Такъ стоялъ онъ ночью у трапезной. Постукивала обитая войлокомъ дверь, выкидывая теплую волну гнили и тлѣнія: въ трапезной лежали раненые французы.

Высокая монахиня проплыла мимо.

— Чего, душа, стоишь, чего ждешь — тихо позвала монахиня.— Аль не можется? И рада-бы, душа, въ трапезную пустить, да мѣстовъ у меня нѣту: ворогъ все занялъ, и скамьи и столы. Ворогъ, а страждетъ, все одинъ человѣкъ.

— Нѣтъ, мнѣ въ трапезную не надобно. Я такъ... Мнѣ-бы черничку одну повидать. Я, матушка, попрощаться желаю. Кущца Коробеева дочь, а имя Параша.

— Параша, какъ же знаю Парашу, сиротку, она бѣличка, не черница. Ты тутъ побудь, ежели найду, спошлю.

Онъ долго ждалъ у трапезной, но къ нему не вышелъ никто. «Да къ чему мнѣ видѣть ее?», подумалъ онъ, «прихоть одна», и стряхнулъ головой, какъ-бы сбрасывая оцѣпенѣніе.

Въ полную ночь, вошелъ Кошелевъ въ монастырскій храмъ. Тамъ горѣла одна свѣча.

Усыпальницы царицъ и царевенъ, гробницы, подобныя возкамъ, снятымъ съ колесъ, тянулись рядомъ тѣней и мерцала за ними далекая свѣча Одигитріи. На каменныхъ плитахъ, между гробницъ, подъ шинелями, на соломѣ, лежали люди. У каждаго стояла въ головахъ жестяная кружка.

Безшумно вышла изъ тьмы, точно подкралась, монахиня. Бѣлое лицо, бѣлыя губы, слѣпое лицо старухи выступило изъ тьмы. Монахиня заслоняла свѣчу дрожащей горстью, между узловатыхъ пальцевъ сквозилъ алый огонь.

Digitized by Google

— Ты чаво, батюшко, ищешь? — пошамкала старуха. — Трудно, батюшко, сыскать. Вповалку солдатство лежитъ, Богъ знае каки ихніе, каки наши. Мнѣ тяжелые препоручены. Дюже, бытюшко, помираютъ.

— Я никого не ищу, простите, — сказалъ Кошелевъ, отступая.

И тогда его позвалъ голосъ тихій и трудный:

— Ваше благородіе, вы будете, али нѣтъ?

— Я, — дрогнулъ Кошелевъ.

— Споклонись, ваше благородіе....

Монахиня прилѣпила къ полу свѣчу:

— Вотъ и сыскался, родимецъ, — шептала она, отходя во тьму.

Въ невѣрномъ и боязливомъ свѣтѣ, Кошелевъ узналъ голову штрафного солдата Родіона, съ которымъ встрѣтился въ ошарѣ.

Сѣдые волосы разметались на свернутой шинели. Кошелевъ узналъ это обтянутое лицо и три тонкихъ морщины философа на лысомъ лбу, надъ запавшими глазами.

— Гренадеръ, такъ-ли? — сказалъ онъ, наклоняясь къ солдату.

Тотъ дышалъ сухо и горячо. Онъ лежалъ, какъ костлявый мертвецъ въ темномъ мундирѣ съ поломанными мѣдными пуговицами. У изголовья высился гренадерскій киверъ, обтертый и промятый, козырекъ былъ обломанъ и мѣдный орелъ, по которому бродилъ невѣрный свѣтъ, повисъ на одномъ крылѣ. На киверѣ стояла жестяная кружка.

— Боже мой, какъ свидѣлись, Родіонъ... Давно-ли лежишь?

— Не знаю, дав-давно — заикаясь, отвѣтилъ солдатъ. — Кабакъ огнемъ занялся, я вылѣзъ... Сюды съ собакой добрался.

— А, и собака...

Digitized by Google

— Собаку, спасибо, одна монашка взяла. Обѣщалася поб-поберечь... Выше благородіе, я вижу ты вошелъ, я и позвалъ... Я тебя согналъ тогда изъ ошары, ваше благородіе, прости. Я думалъ, пошто согналъ офицерика.

— Полно, Родіонъ.

— Нѣтъ, когда можешь, прости.

— Господь съ тобой, да я и не помню, — Кошелевъ пожалъ плоскую руку гренадера.

— Какъ ты горишь. Воды тебѣ дать?

— Воды не надо, спасибо.

Солдатъ примолкъ, но скоро послышались Кошелеву влажные вздохи и шелесть. Старикъ плакалъ. Кошелевъ сталъ гладить его горячіе волосы.

— Полно, ну, полно, стыдись, гренадеръ.

Родіонъ приподнялся на локтѣ, онъ больше не заикался:

— Мнѣ помереть, а тутъ никого... Други мои въ полку, подъ ружьемъ... Помереть.... Вечоръ мушкетеръ русской, рядомъ лежавши, померъ... А мнѣ помереть не должно, у меня тайное дѣло, присяга нерушимая... Ваше благородіе, въ Москвѣ кто стоитъ, непріятель?

— Непріятель.

— Вѣстимо, повоевали Россею... А што сказывалъ мушкетеръ, будто Бонапартій нашему государю Павлу Петровичу братъ скрытой, родимой, сынъ Екатерины императрицы, и пришелъ державу принять подъ законъ истинный.

— Бредъ, Родіонъ, бредъ, бредилъ твой мушкетеръ.... Бонапартъ мятежникъ французской, какъ онъ можетъ быть братомъ императору Павлу Петровичу....

— Жаль, — Родіонъ опустился на солому, — Жаль, ежели такъ... А мнѣ повѣрилось. Кабы было

Digitized by Google

такое, тогда бы все замирилось, истинный императоръ тогда-бы снова взошелъ.

— Подумай, что говоришь о врагѣ нашего государя.

— А то говорю. Какъ вы убили истиннаго государя Павла Петровича, порушили сверху законъ — загибла Россея.... Въ Москвѣ-то.... Сказано: Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ. И воздается.

— Я не убивалъ, видитъ Богъ, государя.

— И ты, чего отпираешься... Ты тоже во дворцѣ былъ. Я васъ всѣхъ помню... Кабы Паленъ графъ нашего барабанщика не попятилъ, взошли бы мы во дворецъ и всѣхъ васъ щенятъ, офицеренокъ, барство-дворянство, всѣхъ со штыковъ постряхали...

— Убили-бы, да? И государь убитъ и вы всѣ убійцы... Пошли-бы бунтомъ гулять... Постряхали... Не испугалъ... Тебѣ меня не судить, чего судишь... Я не убійца. А мыслилъ въ грѣхѣ человѣческомъ, что по сверженіи Павла взойдетъ россійская заря, новый свѣтъ, утвердится новый законъ. Не зло, не тьма, не рабство мое отечество, а свѣтъ истины, истинная свобода, правда, святыня...

Родіонъ, слушая, медленно приподымался на локтѣ, потомъ опалъ, точно бы въ забытьи.

Кошелевъ склонился надъ нимъ:

— Родіонъ, ты слышишь?

— Слышу... Я тебѣ секретное дѣло докладаю... У меня собака ево, которую вы тогда во дворцѣ ловили... Бѣлу-то, развѣ не помнишь?

— Нѣтъ, я не помню.... Бѣлая. Постой... Право, не помню.

— У меня собака государя Павла Петровича. Я ее подъ мундиромъ изъ дворца вынесъ. А какъ пропала изъ казармъ, ушелъ изъ полка искать. Подъ Валдай-городкомъ у цыганъ стрѣтилъ. Конь на веревкѣ идетъ, а у коня собака, вся въ пыли,

Digitized by Google

потемнѣлая. За казенные сапоги ее вымѣнялъ, за шинель. Тогда патрули меня взяли. Фухтеляли передъ фрунтомъ, сталъ я штрафной... Съ собакой въ походы ходили, въ огнѣ стояли, а еще про то знаютъ Михайло Перекрестовъ, да Акимъ Говорухинъ, гренадеры.... Мнѣ ее препоручили, а мнѣ помереть... Ваше благородіе, схорони собаку, товарищамъ передай, она у здѣшней монашки именемъ Параскева...

«Параша», радостно отозвалось у Кошелева.

— Ради Исусе Христе, Бога нашего, слово крѣпкое дай собаку товарищамъ передать, матушкѣ Одигитріи крестъ положи...

— Кладу — съ улыбкой перекрестился Кошелевъ. — Оберегу, передамъ.

— Хорошій ты человѣкъ, дай тебѣ Богъ, — сказалъ солдатъ и опустилъ голову на шинель.

Кошелевъ поднялся съ колѣнъ, задулъ свѣчу и, на носкахъ, пошелъ вдоль гробницъ. Теперь онъ снова слышалъ невнятные стоны и бормотаніе спящихъ.

Въ притворѣ, у паникадила, къ нему спиной, стояла монашка, оправляя на затылкѣ черный платокъ. Кошелевъ замѣтилъ ея свѣтлые волосы, собранные узломъ. Онъ узналъ эти волосы и поклонился:

— Здравствуйте, вотъ я сыскалъ васъ...

Черница приняла съ паникадила свѣчу и обернулась. Ея лицо было озарено снизу, лучисто и тайно сіяли глаза.

— Здравствуйте, — она поклонилась въ поясъ. — То вы, баринъ? Я васъ тоже искала по монастырю, а васъ нѣтъ. Благодарствованіе примите, что въ горѣ меня не оставили.

Ея лицо выступало изъ тьмы, какъ свѣтящійся ликъ иконы.

Digitized by Google

— Я васъ искалъ попрощаться. Я намѣрился изъ Москвы бѣжать. Въ армію.

— Дай Богъ, баринъ. Трудно вамъ будетъ.

— Прощайте же Параскева, — сказалъ Кошелевъ и забылъ, какъ зовутъ черницу по батюшкѣ.

— Саввишна, — тихо напомнила она.

— Прощайте Параскева Саввишна, свидимся-ли?

— Богъ дастъ. А вы мнѣ, баринъ, имени вашего не сказали.

— Петръ Григорьевичъ Кошелевъ, гвардіи капитанъ.

— Дай вамъ Богъ, Петръ Григорьевичъ.

Они замолчали, глядя другъ на друга. Кошелевъ внезапно пожелалъ стать передъ нею на колѣни и просить благословенія. «Полно, что помыслится», подумалъ онъ и сказалъ:

— А вы, стало быть, за больными ходите?

— Не я. Ходитъ за ними гробовая мать Антонина, а я ей людмѣнокъ. Да отъ смерти помочи нѣтъ. Ахъ, какъ они помираютъ...

— Одинъ солдатъ тутъ лежитъ, гренадеръ нашего полку, въ горячкѣ. У него собака.

— Знаю. Собаку хотѣли согнать, я матушку игуменью упросила: больно плакался солдатъ. До жалости. Въ чуланцѣ, у матушки Ифигеніи, нынче сохраняю... А намедни мы найденыша вашего въ корытѣ съ матушкой мыли.

— Спасибо, — сказалъ Кошелевъ и добавилъ: — Спасибо, хорошая... И еще васъ буду просить оберечь стараго солдата съ собакой.

— Не сомнѣвайтесь, Петръ Григорьевичъ. Я обѣщалася.

— Прощайте же, до свиданія.

Черница оправила на свѣчѣ воскъ.

Digitized by Google

— Развѣ вы нынче и уходите, Петръ Григорьевичъ?

— Нѣтъ, день, два еще буду: каретникъ въ скорости долженъ о дорогѣ узнать. Я вѣдь не здѣшній.

— Вы въ монастырѣ пребываете?

— Да, съ нищими, у воротъ. Подъ самой иконой, гдѣ свѣчи горятъ.

— Тогда я еще къ вамъ навѣдаюсь.

Они поклонились другъ другу и черница отошла. Порхалъ все дальше во тьмѣ легкій огонь ея свѣчи.

На паперти, куда вышелъ Кошелевъ, его лицо окунулось въ свѣжую прохладу. Сребристый гаснущій дымъ кометы надъ темными куполами и тѣни вѣтвей, которыя едва шевелило холоднымъ дуновеніемъ, все показалось ему прекраснымъ и тайнымъ.

«Начинается», подумалъ Кошелевъ и перекрестился.

XX.

Утромъ, 20 сентября, въ Кремль созвали маршаловъ. Они собрались рано, принеся съ собою свѣжій воздухъ и грязь форпостовъ. Они скашливали и чихали отъ простуды. Въ залѣ звякали шпоры тяжелыхъ сапогъ.

Простуженный маршалъ Даву кутался въ шелковый шарфъ. Маршалъ Ней, съ жесткимъ солдатскимъ лицомъ, въ синемъ плащѣ, стоялъ въ сторонѣ, прямой и тощій, какъ скелетъ. Мюратъ улыбаясь и покачивая головой, слушалъ у окна Бессьера. Мюратъ, что-то жевалъ, влажный блескъ игралъ на его румяныхъ губахъ. По его разсѣянной улыбкѣ было видно, что онъ не слушаетъ герцога Истрійскаго.

Digitized by Google

Императоръ не выходилъ долго. Ней высѣкъ огня и закурилъ трубку. Тогда многіе вынули сигары изъ жилетныхъ кармановъ. Табачный дымъ заволокъ зало холоднымъ туманомъ.

Императоръ вышелъ въ сѣромъ сюртукѣ и въ маленькой черной треуголкѣ. Онъ поклонился, не обнажая головы, подалъ принцу Евгенію листокъ и быстро сказалъ:

— Здѣсь мое рѣшеніе, читайте.

Это былъ приказъ о наступленіе: «сжечь остатки Москвы, итти на Тверь, на Петербургъ». Чѣмъ дальше читалъ принцъ Евгеній, тѣмъ голосъ его становился холоднѣе и удивленнѣе. Онъ сложилъ листокъ вдвое и передалъ сосѣду.

Листокъ шуршалъ въ тишинѣ. Никто не смотрѣлъ на императора. Маршалы стояли, опустивъ головы, точно стыдились за него. Долгое молчаніе стало неловкимъ.

Ней выпросталъ изъ-подъ плаща тощую руку, разсѣкъ воздухъ и внезапно сказалъ:

— Поздно.

Тогда заговорили всѣ. Мюратъ нарочно презрительно разсмѣялся, пожимая плечами: теперь поздно, теперь глупо думать о наступленіи, а когда онъ умолялъ дать ему гвардейскую кавалерію, ручался однимъ ударомъ покончить съ русскими, бѣжавшими въ безпорядкѣ изъ Москвы, его не послушали. Даву, склонивъ лысую голову, настойчиво и мягко убѣждалъ бросить Москву, кинуться на Тулу, на Калугу, прорваться на Украйну, къ сердцу Россіи.

Ней съ ненавистью окинулъ глазами императора, маршаловъ, туманное зало, разсѣкъ воздухъ плоской рукой:

— Немедленно бросить Москву, Россію, уходить назадъ, быстрыми маршами, той же дорогой,

Digitized by Google

къ Смоленску, бѣжать, да, бѣжать, отъ зимы, голода, гибели.

Ней сказалъ, спряталъ руку подъ плащъ и выпрямился.

Всѣ повернули головы къ императору. Недоумѣніе и сожалѣніе мелькнуло во многихъ глазахъ: наступать теперь, на порогѣ зимы, послѣ пожара, когда все въ безпорядкѣ, въ разстройствѣ, куда наступать, съ кѣмъ, снова дикій походъ? Нѣтъ, поздно, всѣ ждутъ мира, довольно.

Всѣ смотрѣли на императора съ холоднымъ любопытствомъ, точно впервые видѣли это желтоватое лицо старѣющаго человѣка.

Императоръ круто повернулся и вышелъ.

Стрѣла качнулась. Въ этотъ день стрѣла качнулась и выбрала тотъ же полетъ, что и въ первый день Москвы: къ миру. Зимовка, наступленіе, отступленіе, миръ: стрѣла облетѣла свой кругъ и устремилась къ миру.

Коленкуръ былъ вызванъ къ императору въ тотъ же день.

Этотъ высокій человѣкъ, принимавшій всѣ его милости съ холодной вѣжливостью, всегда казался императору чужимъ. Онъ чувствовалъ, что Коленкуръ смотритъ извнѣ, со стороны, на всѣ его дѣла, какъ холодный зритель можетъ смотрѣть на пышный спектакль. Но онъ рѣшилъ послать именно Коленкура, его должны хорошо помнить при Петербургскомъ дворѣ.

Герцогъ сталъ у бѣлыхъ дверей, почтительно склонивъ голову. Императоръ не любилъ людей чрезмѣрно высокаго роста рядомъ съ собой.

— Вамъ извѣстно, что я рѣшилъ итти на Петербургъ, что я...

Императоръ разглядывалъ ногти. Онъ слышалъ фальшивый звукъ въ своемъ голосѣ:

Digitized by Google

— Я, разумѣется, возьму Петербургъ и разрушу его. Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Россія въ отчаяніи можетъ возстать противъ императора Александра. Я намѣренъ послать къ нему васъ. Предупредите, что ему грозитъ катастрофа. Я не хочу его гибели и гибели его имперіи.

Коленкуръ холодно слѣдилъ за всѣми маленькими движеніями императора, и какъ онъ поглаживаетъ рукой руку, и какъ въ зеркалѣ, за его спиной, то морщится, то расходится складка на сѣромъ сюртукѣ.

— Нѣтъ, ваше величество, освободите меня, — сказалъ герцогъ и стиснулъ зубы, чтобы голосомъ или блескомъ глазъ, не выдать внезапнаго чувства злорадства.

Онъ сказалъ просто и твердо, уперевъ подбородокъ въ воротникъ мундира:

— Я не поѣду, ваше величество. Моя поѣздка безполезна. Императоръ Александръ не приметъ никакихъ предложеній. Онъ будетъ сражаться до послѣдняго солдата. Вамъ это извѣстно, такъ же какъ мнѣ... Для васъ и для насъ одинъ выходъ отступленіе.

Императоръ внимательно посмотрѣлъ на свои ногти и вдругъ поднялъ лучисто-сѣрые глаза:

— Ну что же.... Хорошо. Тогда я пошлю Лористона.

Волна лучистаго свѣта изъ его глазъ, и то какъ онъ сказалъ «хорошо» тревогой и жалостью сжали сердце Коленкура.

Невысокій человѣкъ съ желтоватымъ грузнымъ лицомъ, этотъ маленькій капралъ революціи, стоялъ передъ нимъ величественнымъ и прекраснымъ Кесаремъ. И если-бы онъ сказалъ еще что-нибудь, или положилъ руку на плечо, Коленкуръ палъ-бы передъ нимъ на колѣни и умолялъ бы его уйти,

Digitized by Google

бѣжать, унести своихъ орловъ, свою имперію, изъ предѣловъ русской бездны, куда его ввергла судьба.

Императоръ отвернулся къ столу, зашуршалъ бумагами. Коленкуръ глубоко поклонился и вышелъ.

Послѣ Коленкура былъ вызванъ Лористонъ. Императоръ опустилъ обѣ руки на его плечи, и что-то мягкое, почти женственное было въ его голосѣ:

— Лористонъ, вы поѣдете... Я хочу мира, мнѣ нуженъ миръ. Вы понимаете, Лористонъ, миръ...

Лористонъ выѣхалъ на русскіе форпосты.

XXI.

Въ притворѣ Василія Блаженнаго ржаніе лошадей и солдатское бодрое сквернословіе. Конскія стойла въ Успенскомъ соборѣ. На солеѣ поставлены вѣсы, а въ алтарной печи плавильня. Многопудовое соборное паникадило уже переплавлено въ слитки.

Къ армейскимъ бойнямъ сгоняютъ отощалыхъ быковъ. Бойни въ Даниловомъ и у Вознесенія, у Сергіуховскихъ воротъ. Быки въ Лефортовѣ, у Петра и Павла.

Ржутъ кони у Троицы въ Сыромятникахъ и у Кузьмы и Доміана въ Замоскворѣчьи. Тамъ кони стоятъ въ алтарѣ, накрытые ризами.

Въ Кремлѣ, у Спаса на Бору и у Николы Гостынскаго, конюшни императора. Въ полутьмѣ, у высокаго алтаря, ворохи сѣна и стойла изъ свѣжихъ досокъ. Тамъ лоснятся зады англійскихъ кобылъ, закинутыхъ зелеными сѣтками.

Въ желтоватомъ дыму сентябрьскаго дня восходитъ отъ Москвы тысячеголосный говоръ на всѣхъ языкахъ Европы, топотъ, ржаніе, лязгъ.

Армія, мѣняя стоянки, пришла въ бодрое движеніе, какъ бы отряхиваясь послѣ пожара.

Digitized by Google

Небо легкое, свѣтлое, сквозитъ надъ Москвой; засвѣтилась прозрачная осень.

Въ плаваніи голубого свѣта всѣ лица стали нѣжнѣе и тоньше, красивѣе. Небо охватило голубоватой дымкой кивера, мѣдь пушекъ, римскихъ орлицъ, какъ-бы любуясь красотой большого воинскаго движенія. Пепелъ развалинъ тоже свѣтится голубоватыми отблесками. Куда-то шла гвардія, вспыхивая мягко и длительно бѣлыми гамашами и бѣлыми жилетами.

А къ вечеру надъ Кремлемъ сходились стаи дымчатыхъ облаковъ, красновато-огнистыхъ по краямъ, облака, обѣщающія вѣтеръ. Плавалъ одинокій звонъ на Замоскворѣчьи: звонили по чину у Петра и Павла, гдѣ слушали вечерню словаки, православные солдаты великой арміи императора.

23 сентября Лористонъ вернулся съ форпостовъ. Онъ привезъ то, что долженъ былъ привезти: перемиріе.

Въ анфиладахъ Кремлевскихъ залъ собрались маршалы, свиты, генералы и штабы.

Императоръ показался въ концѣ анфилады. Онъ шелъ безъ шляпы вдоль колыхающихся рядовъ и поздравлялъ съ перемиріемъ. Въ ближайшіе дни будетъ миръ. Кампанія кончена.

А къ ночи нечаянно-ранній снѣгъ, рѣдко и тихо замелькалъ надъ черными пустырями. Гарь посырѣла и стала тошно смердѣть. Ночью были первые заморозки.

На досчатыхъ солдатскихъ балаганахъ смерзлась солома. Исхудалыя лошади, въ роеніи снѣга, побѣлѣли. Солдаты, притихнувъ, лежали подъ открытымъ небомъ, на мостовыхъ.

Въ Москвѣ еще былъ сахаръ, кофе, горячее вино, но на форпостахъ уже обдирали лошадей. Тамъ не было соли, и похлебку изъ конины засы-

Digitized by Google

пали порохомъ: порохъ вспыхивалъ въ котлахъ, всплывалъ жирными пятнами.

На форпостахъ побѣлѣли отъ снѣга выжженныя деревни, перевернутыя повозки, конская падаль и груды навоза. Послѣ перемирія русскіе исчезли, точно ихъ не было никогда.

Кавалеристы на вечерней фуражировкѣ, захватили русскаго плѣннаго. Это былъ гвардейскій солдатъ, желтоватый, какъ мертвецъ, съ обритой на-голо головой. Его нашли въ банѣ, на окраинѣ покинутой деревни. Онъ лежалъ на скамьѣ, подъ шинелью, и если бы не пошевелился подъ ударомъ ноги, никто не принялъ-бы его за живого. Какъ-будто онъ не былъ раненъ, можетъ быть, онъ былъ боленъ. Это былъ гренадерскій пѣвецъ, капралъ Илларіонъ Кремень, одинъ глазъ карій, другой голубой. Отсталъ Кремень отъ рядовъ и легъ помирать въ деревенской банѣ.

Русскаго гвардейца, между коней, привели къ кострамъ. Онъ ровно шагалъ за конвоирами, придерживая у живота скомканную шинель. Французы еще посмѣялись, что этотъ обритый солдатъ съ шинелью у живота похожъ на Венеру Татарскую.

Его ободрительно хлопали по плечамъ, для него нашелся глотокъ горячаго вина, ему совали потертыя фляжки, но солдатъ сидѣлъ не шевелясь. На ночь кто-то бросилъ къ босымъ ногамъ плѣннаго гвардейца войлочный подсѣдельникъ. Солдатъ не тронулъ его.

А на разсвѣтѣ кто-то всталъ, трясясь отъ холода, чтобы подбросить въ заглохшій костеръ фургонныхъ досокъ. Онъ толкнулъ плѣннаго. Тотъ повалился на-бокъ, шинель сползла и открылся синеватый животъ, груда вывалившихся кишекъ. Русскій, котораго нашли въ холодной банѣ, былъ

Digitized by Google

раненъ въ животъ, вотъ почему онъ прижималъ двумя руками шинель.

Онъ отошелъ еще до свѣта.

XXII.

За полночь, каретникъ перешагнулъ тачку съ калѣкой и нищаго-слѣпца, спавшаго лицомъ къ землѣ.

— Баринъ, пробудись, баринъ, — позвалъ каретникъ. Кошелевъ дремалъ, сидя на корточкахъ, у монастырской стѣны.

— Я не сплю...

— Гдѣ ты есть? — каретникъ съ силой потянулъ его за руку. — Баринъ, государь Александра Павлычъ скончался...

— Нѣтъ, — содрогнулся Кошелевъ.

— Скончался. Плѣнныхъ въ ночь привели, сказываютъ въ Питерѣ бунтъ. Мучитель въ Питеръ вошедши... Горитъ... Наши сдались. Государь Александра Павлычъ скончался.

— Нѣтъ, нѣтъ! Кто тебѣ сказалъ, нѣтъ!

— Народъ на полѣ стоитъ, всѣ сказываютъ. Скончался...

Толпу тяжело шевелило въ темномъ полѣ, подъ монастыремъ. Кошелевъ не видѣлъ лицъ, все глухо бормотало, отпатываясь, тѣснясь.

— Зимній дворецъ горитъ — вскрикивалъ молодой голосъ, осѣкаясь отъ страха. — Питеръ приступомъ взятъ, Макдональда вошедши... Што слыхалъ, то говорю: Макдональда скрозь огонь проломила... Наши войски на площади выстроены. Государя ихній солдатъ зарѣзалъ. Подобрался въ нашей шинели, съ ножомъ. Войски сдались.

Костлявая старуха поднялась съ сундука, ударяла въ грудь горстями и завыла пронзительно.

Digitized by Google

— Тише! — крикнулъ кто-то, упалъ на колѣни и самъ завылъ тонко и страшно:

— За-а-арѣзали.

Толпу отшатнуло, всѣ побѣжали.

И всюду, по полю, въ темени, бѣжали люди, наталкиваясь другъ на друга. У костровъ проснулись французы. Многіе, застегивая на ходу мундиры, подходили къ русскимъ. Это ночное смятеніе и карканіе раздражило солдатъ. Они стали гнать толпу прикладами и пряжками ремней дальше, въ поле. Темное поле стенало подавленно.

А когда заполоскалась надъ Дѣвичьимъ холодная заря, Кошелевъ увидѣлъ толпу на колѣняхъ: были подняты къ востоку брадатыя лица. Одинъ, старикъ въ мерцающихъ очкахъ, по виду купецъ, стоялъ предъ толпой и суровымъ голосомъ читалъ молитву. Кошелевъ не разбиралъ словъ, но тоже сталъ на колѣни.

Ему помогъ подняться каретникъ, они взялись за руки и такъ, рука объ руку, пошли въ поле.

Въ свѣтающемъ воздухѣ, тѣсными кучками, дымясь отъ пара, всюду толпился народъ.

Барскій лакей въ зеленой ливреѣ съ позументомъ, а то барскій пѣвчій, въ зеленомъ кафтанѣ, повязанный полотенцемъ, потаптывая босыми ногами, злобно выкрикивалъ:

— Въ Питеръ зашедши, а купцы сказывали ослобанятъ въ четвертокъ. Имъ ништо, привыкши народъ омманывать, живодеры. Какъ-же ослобонятъ. Енералы съ полками сдались, нѣмцы, извѣстно, они и государя убили. Все забрато, антиллерія, гвардея. Присяга и служба будетъ таперь Бонапартію, а за эфто всѣмъ вольность, крѣпости отмѣна... Стерьва, а самъ съ насъ сапоги тюсымалъ... Барство эфто, енералитетъ самый, побросали народъ, сами побѣгши, а Растопчинъ грахвъ

Digitized by Google

што вралъ, какъ смущали народъ. Ужо Бонапартій сдогонитъ... Вольность, гритъ, а сапоги, стерьва, долой!

Кошелевъ озирался кругомъ съ томительнымъ страхомъ, точно иное небо и поле иное открылись ему. «Такъ вотъ, что началось», подумалъ онъ.

— А и вѣрно человѣкъ сказываетъ, — стряхивая острымъ плечикомъ говорилъ ему благообразный мѣщанинъ, въ долгополомъ черномъ кафтанѣ. — Мы люди каки? Мы люди подневольные... Одинъ ампиратеръ, али другой, намъ все одно. Одны ушедши, другіе податъ драть будутъ, — намъ все одно...

Кошелевъ отвернулся. Онъ не видѣлъ куда идетъ. Едва свѣтлѣющее поле, съ черными толпами народа, показалось ему страшнымъ и мертвымъ, сгорѣвшимъ. И какъ это поле, сгорѣла и лежитъ вся Россія, и вотъ шумитъ надъ ея падалью воронье.

— Не хочу, не хочу, — бормоталъ онъ. Такъ же, какъ онъ, не зная куда, бѣжали люди, сталкиваясь или обгоняя его.

Далеко, отъ блѣдной зари, на поле шло трое. Всѣ трое съ тростями, красныя ленты черезъ плечо, у одного бѣлый поясъ. Когда они подходили къ народу, многіе стягивали шапки и сторонились, исподлобья глядя на трости и красныя ленты.

На Дѣвичье, съ зарей, вышло осмотрѣть погорѣльцевъ московское градское правленіе, набранное послѣ долгихъ уговоровъ, изъ трехъ русскихъ гражданъ: купца Находкина, купца Коробова, а съ ними надворнаго совѣтника Бестужева-Рюмина. За московскимъ муниципалитетомъ шелъ съ ведеркомъ и листами, перекинутыми черезъ рукавъ синяго фрака, новый полицейскій комиссаръ, которыхъ тоже набрали изъ иностраннаго полубарья

Digitized by Google

на Кузнецкомъ мосту, и барскихъ лакеевъ. Комиссаръ мазалъ по стѣнамъ кистью съ мучной жижей, наклеивая широкіе листы «Превозглашенія къ жителямъ Москвы».

Купецъ Коробовъ, высокій, худой, лицо въ рябинахъ, съ кумачевой лентой черезъ грудь, шагалъ впереди. Онъ почасту снималъ картузъ и кланялся на обѣ стороны, испуганно ухмыляясь:

— Православные, мы люди свое. Мы отъ присяги не отрекались. Мы, штобъ погорѣльцевъ собрать, посчитать, ежели што...

За нимъ выступалъ надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ, рыжеватый, съ выпуклыми, глазами, въ потертой фризовой шинели. Какъ бы недоумѣнно размышляя о чемъ-то, онъ скребъ ногтемъ по скуластой щекѣ и съ трудомъ вытягивалъ изъ грязи камышевую трость.

А купецъ Находкинъ, маленькій старичекъ въ оловянныхъ очкахъ, въ ладномъ полушубкѣ и въ бархатномъ картузѣ съ долгимъ козырькомъ, мелко сѣменя, смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

Толпа угрюмо разступилась. Комиссаръ замазалъ по стѣнѣ Саввы Освященнаго и прижалъ ладонью широкій листъ «Превозглашенія».

Долговязый Коробовъ снялъ картузъ:

— Православные, мы люди свое, мы по случаю, што пожаръ. Напялили на насъ рушники эфти красные, а мы отъ присяги....

Кошелевъ подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ бѣлѣлась широкая афиша:

«Жители Москвы,

Несчастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ желаетъ прекратить теченіе оныхъ.

Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушанія и преступленія.

Digitized by Google

Строгія мѣры взяты, чтобы прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

Отеческая Администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ Муниципалитетъ и Градское Правленіе. Оное будетъ пещись о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ.

Интендатъ или Управляющій городомъ и Провинціей Московской:

Лессепсъ».

Кто-то потянулъ его отъ листа за рукавъ овчины. Комиссаръ похлопалъ по афишѣ ладонью. Кошелевъ узналъ въ немъ бѣлокураго слугу Ларьку, который срѣзалъ ночью, въ ошарѣ, его бирюзовый складень.

— Готово, — сказалъ Ларька долговязому кущу.

Трое зашагали, опираясь на трости. За ними потянулся народъ.

Только одинъ старикъ въ глазетовомъ колпакѣ съ заячьими ушами, придерживая отогнутый уголъ афиши, сталъ читать «Превозглашеніе».

Кошелевъ шелъ куда-то.

На пустыряхъ, въ обгорѣвшей кирпичной кладкѣ свистѣлъ вѣтеръ. Рѣдкій прохожій, мужикъ, пробираясь тамъ, держитъ шапку въ рукѣ, чтобы поклониться первому непріятельскому солдату, первому всаднику, который попадется на встрѣчу. «Такъ вотъ, что сталось съ Россіей», шепталъ Кошелевъ.

Эти люди въ красныхъ повязкахъ, что волоклись по сгорѣвшему полю, и съ ними комиссаръ, воръ, изъ барскихъ лакеевъ. Такъ вотъ, что съ Россіей.

Посреди мостовой непріятельскіе солдаты вели молодую бабу. Ея повойникъ сползъ на затылокъ, разстегнутъ душегрей, подъ сорочкой дрожатъ груди. Солдаты со смѣхомъ тащутъ бабу за руки, тѣсно идутъ рядомъ. Баба не упирается, она

Digitized by Google

вскрикиваетъ безсмысленно и весело «ги-ги-ги». Такъ вотъ, что съ Россіей.

Каретникъ подошелъ къ Кошелеву ровнымъ шагомъ:

— Поволокли молодку, напоили...

— Отстань, — обернулся съ ненавистью Кошелевъ. — Поди, ступай прочь... Иди, тебѣ говорятъ.

— Эва, баринъ, чего осерчавши?

— Иди, — Кошелевъ зажалъ лицо въ грязныхъ рукахъ. — Иди присягать, Бонапарту служить... Когда не стало... Россіи не стало... А я не пойду. Я одинъ пойду каждаго ихъ солдата, каждаго — убивать...

— Да, ты, баринъ, а, эва, баринъ, — каретникъ осклабился. — Да пошто ты, баринъ, одинъ? Ты не одинъ, вмѣстяхъ съ тобою пойдемъ....

XXIII.

Изъ Москвы, до вшествія Наполеона, выѣхало все высокое барство, высокое чиновничество, всѣ, кто имѣлъ экипажи, дворовыхъ и лошадей, но Москва далеко не опустѣла отъ того, что снялись комиссаріаты и присутствія и что изъ города выѣхали сотни помѣщичьихъ семей.

Не только колодники и сумасшедшіе, выпущенные Растопчинымъ, остались въ Москвѣ, а и все простонародье, мастеровщина, барскіе дворовые, ремесленники, и съ ними больше десяти тысячъ раненыхъ изъ полковъ. Въ Москвѣ остались и многосемейные попы и многосемейное купечество, вся та разночинная, полубарская и поддворянская Москва, у которой не было лошадей и людей, чтобы поднять свой скарбъ. Объ этой Москвѣ графъ Растопчинъ говорилъ въ Филяхъ, 29 августа,

Digitized by Google

Свѣтлѣйшему и Ермолову, что «въ Москвѣ остается только 40 или 50 тысячъ бѣднѣйшаго народа», и добавилъ, что «если и безъ сраженія мы оставимъ Москву, то вслѣдъ за собой увидимъ ее пылающую».

Въ Москвѣ остались лекаря, учителя университетскаго пансіонера, семинаристы, комиссаріатскіе чиновники, актеры Московскаго театра, музыканты. типографскіе мастера.

Такая Москва хоронилась теперь на пустыряхъ и въ сгорѣвшихъ садахъ.

Воспитательный домъ скоро сталъ посылать по подмосковнымъ своихъ канцеляристовъ, съ «открытымъ листомъ» «о спасеніи болѣе тысячи несчастныхъ дѣтей, дабы не умереть имъ голодной смертію».

Такая Москва, уцѣлѣвшая отъ пожара, разстрѣловъ, грабежа, умирала теперь голодной смертью. На опустошенныхъ огородахъ люди не выкапывали больше картошки, коченѣли отъ ночного холода въ шалашахъ и подъ рогожей.

Съ такой Москвой остался и солистъ Московскаго театра, скрипачъ Поляковъ, и віолончелистъ того же театра Татариновъ.

Оба они жили на Пѣвчихъ, одинъ надъ другимъ. Поляковъ вывелъ изъ огня своихъ, вынесъ тюки и корзины, а Татариновъ успѣлъ вынести только віолончель.

Въ одной рубахѣ, босой, съ віолончелью, Татариновъ вышелъ на Дѣвичье поле.

Скрипачъ Поляковъ прилаживалъ къ шесту дырявое одѣяло, когда Татариновъ подошелъ и сѣлъ на корзину, поставивъ между колѣнъ черный футляръ. Поляковъ оглянулся угрюмо.

— Ты, Татарокъ? Живъ, стало-быть.... Видно, тебя, братъ, подъ корень хватило. А бѣда, самимъ нечѣмъ прикрыться.... Однако, постой.

Digitized by Google

Скрипачъ подлѣзъ подъ мокрое одѣяло и сталъ тамъ шептаться. Его жена, въ солдатской шинели, чепецъ набухъ отъ дождя, выглянула изъ-подъ одѣяла, блѣдно и привѣтливо улыбнулась знакомому музыканту. Но Татариновъ смотрѣлъ далеко въ поле.

Скрипачъ вынесъ ему сырую хламиду, женину размахайку, ветхій капотецъ изъ крашенины.

— Вотъ, братъ, завѣсься.

Татариновъ не тронулъ капотца. Поляковъ самъ окуталъ ему плечи.

— Ну, чего тамъ, прими, все прикрываетъ... А гдѣ же твои, Анна Николавна, матушка, Пѣтелъ?

Прозрачные глаза Татаринова остановились на скрипачѣ.

— Ихъ нѣтъ, я не знаю. Насъ огонь раздѣлилъ. Я ищу, а ихъ нѣтъ. Все чаю Петрушу на чужихъ рукахъ увидать. А вотъ нѣтъ: у бабъ-то свои, а моего нѣтъ. Петруши-то. Нѣтъ...

— Да ты, братъ... Да ты, — Поляковъ со страхомъ и жалостью посмотрѣлъ на товарища и присвистнулъ.

Уже дня два, какъ ходили на Дѣвичьемъ новые Бонапартовы комиссары, вызывая на службу музыкантовъ.

Поляковъ поднялся и угрюмо сказалъ комиссару, одергивая нанковую шинельку:

— Ну, скажемъ, я музыкантъ и онъ музыкантъ. Мы оба изъ театра Московскаго.

Веселый кудрявый иностранецъ, приказчикъ изъ французской виноторговли, показывая бѣлые зубы, записалъ ихъ имена и просилъ пожаловать въ оркестръ театра, который открывается нынче въ Москвѣ. Обѣщалъ паекъ изъ армейскаго интендантства, одежду, и конечно, сыскать помѣщеніе.

Digitized by Google

— И пойду, — сказалъ Поляковъ, присаживаясь на корзину къ Татаринову.

— Вотъ и пойду. Жрать вить надобно. Подыхать съ Лизаветой и дитемъ въ грязи, подъ дождемъ, подыхать что-ли, да? И пойду. Все одно. Все погиблое. Пойду самому Бонапарте играть. Все одно.

Жена скрипача стала всхлипывать. Они шептались за дырявымъ одѣяломъ. Потомъ скрипачъ вылѣзъ съ ворчаніемъ, грубо толкая шесты:

— Къ чорту, надоѣли мнѣ, къ чорту.... Все къ чорту, наплевать. Тоже, подумаешь, выискалась, матрона римская, мать Гракховъ... Видѣть не могу, какъ она съ дитемъ подыхаетъ, а она меня же учить... Россія... Россіи я не измѣнникъ. А что Бонапарте, можетъ, всегда на Москвѣ будетъ ей и не мыслится. А можетъ Россіи болѣ и нѣтъ, ау, языкомъ корова слизнула. Гдѣ она, Россія, и-и-и-мперія, чтобы ее чортъ, чортъ...

XXIV

Музыканты выходили въ театръ уже къ ночи, когда на Спасской башнѣ глубоко и звучно били часы.

Они шли вдоль черныхъ развалинъ. Оба глухо скашливали отъ пепла, взбиваемаго сапогами. То ширился, то погасалъ далекій огонь, домъ Позднякова, отведенный генералъ-губернаторомъ Москвы маршаломъ Мортье подъ театръ. Съ пустырей, гдѣ шуршала гарь, тянулся какъ бы стонъ, едва слышимый и щемящій. А на Никитской уже стояли экипажи французскихъ генераловъ. Отсвѣты полукруглыхъ оконъ Позднякоскаго дома падали на покрышки тяжелыхъ вѣнскихъ каретъ, на черную, какъ уголь, мостовую, на высокія бочки съ водой.

Digitized by Google

У бочекъ ходили часовые. Звенѣли стеклянныя двери, тамъ тѣснились офицеры и солдаты, отряхивая плащи. Изъ двери, какъ изъ бани, плылъ туманъ.

Рукописная афиша бѣлѣлась у воротъ, подъ фонаремъ. Въ театрѣ давали «Игру Любви и Случая», «Сида и Заиру», «Проказы въ тюрьмѣ».

Изъ ризницы Ивана Великаго актерамъ были выданы на костюмы отрѣзы чернаго бархата, съ парчевыми крестами, и пачки свѣтлозеленыхъ стихарей. Дѣвицы Ламираль въ пышныхъ русскихъ нарядахъ, въ свѣтлозеленыхъ, тканыхъ серебромъ, кокошникахъ, плясали плавный русскій танецъ. Этотъ танецъ, медлительный и стыдливо-манящій, нравился больше всего. Сестрамъ Ламираль жарко рукоплескали, многіе вставали на табуреты и требовали повтореній.

Сестры, онѣ были схожи лицомъ, устало и радостно дыша, смотрѣли другъ на друга и, дрогнувъ худыми плечами, снова били въ ладоши, оркестръ повторялъ танецъ.

Пуки церковныхъ свѣчей истекали въ зеркальныхъ щиткахъ. Свѣчи, быстро истаивая, обливали горячимъ воскомъ мундиры и затылки сидящихъ вдоль стѣнъ. Въ темнотѣ, задыхаясь отъ жара, жались плечомъ къ плечу потные генералы, солдаты, офицеры.

Въ оркестрѣ, солдатская труба толкала Полякова въ спину. Скрипача мутило отъ духоты. А на полоскѣ сцены, въ уровень головы, онъ видѣлъ мелькающіе бѣлые чулки мадамъ Андре, съ двумя темными пятнышками грязи на щиколоткахъ.

Мадамъ Андре, сухощавая, въ бархатномъ беретѣ съ парчевыми крестами, маршировала по сценѣ со старымъ актеромъ Сенвe, который былъ въ жилетѣ, сшитомъ изъ кусковъ ризы. Мадамъ Андре

Digitized by Google

щебетала все веселѣе, все выше. Поляковъ не понималъ ея щебетаній и чувствовалъ жалость къ ея нарумяненнымъ впалымъ щекамъ и къ бѣлымъ чулкамъ съ двумя пятнышками.

Онъ оглядывался въ страхѣ на темное зало, въ душный склепъ, волнуемый жаркимъ смѣхомъ. А когда тасили свѣчи, когда солдаты-музыканты, задѣвая шершавыми обшлагами по лицамъ, лѣзли черезъ барьеръ и толпа опрокидывала въ темнотѣ скамьи и кресла, онъ покрывалъ скрипку бархатной тряпицей, защелкивалъ на футлярѣ мѣдный крючокъ и трогалъ товарища за рукавъ. И если бы не трогали его за рукавъ, Татариновъ такъ и сидѣлъ-бы въ остывающей тьмѣ, скромно подобравъ ноги подъ табуретъ, и смотрѣлъ-бы передъ собою, точно ожидая кого-то.

XXV

«Пресвятая Богородице спаси насъ» отзвенѣли на Спасской башнѣ часы. Кошелевъ и каретникъ пробирались у Новодѣвичьяго.

— Какъ минуемъ Орловъ лугъ, домъ Мальцева будетъ—сказалъ каретникъ.— Домъ разбитъ, пустуетъ. Тамъ, баринъ, и станемъ. Иной разъ повидится нехристь, солдатъ ихній, али кто. У нихъ тамъ дорога хожалая. Какъ повидится нѣсколько, притаиться доложно, а какъ одинъ — выходи... Въ эфтомъ, баринъ, все мое дѣло нощное и есть. Онъ идетъ, стало-быть, и я выйду и таково тихо его позываю «але», и знакъ рукой подаю. Станетъ онъ, смотритъ кто кличетъ, я заманываю «але». Онъ за мной и пойдетъ: можетъ я его грабить подзываю, а то къ бабѣ маню, ночью-то... Такъ и пойдетъ. Я въ ворота, и онъ. На Мальцевомъ дворѣ колодезь есть. Пойдетъ онъ къ колодезю за мной, я туда

Digitized by Google

перстомъ тычу, смотри де баба куда сокрылась, подманываетъ. Онъ и нагнется смотрѣть. Тутъ я и обопрусь ему въ шею руками... Можешь-ли пособить.

— Могу, — отвѣтилъ Кошелевъ.

Каретникъ толкнулъ его къ стѣнѣ.

— Становись сюды...

А самъ шагнулъ отъ стѣны и позвалъ воркующимъ, длительнымъ клекоткомъ —

— А-ле-ле-ле...

«Какъ, уже?» подумалъ Кошелевъ, и задрожалъ.

Далеко, посреди пустыря, стоитъ человѣкъ. По невысокому киверу Кошелевъ понялъ, что тамъ непріятельскій солдатъ. Человѣкъ повертывалъ голову, прислушиваясь.

— А-ле-ле —ворковалъ каретникъ.

Недоумѣвающій голосъ человѣка тихо спрашивалъ что-то. Скоро послышались неторопливые шаги.

— Прямками, къ колодезю, — прошепталъ каретникъ.

— А-ле-ле-ле...

Кошелевъ ощарилъ скользкій колодезный срубъ. Заскрипѣла жердина бадьи, изъ черной дыры дохнуло трупнымъ смрадомъ.

Солдатъ вошелъ во дворъ неувѣренно, какъ-бы ощупывая землю ногой. Остановился. Увидалъ ихъ и шагнулъ твердо. Они сбили его съ ногъ, навалились.

— Братаръ, Христу, братаръ, словенъ...

Солдатъ закрестился прыгающими крестами:

— Нашъ, Отче Нашъ, иже еси, на небесѣхъ...

Кошелевъ кинулся отъ него прочь.

На улицѣ его догналъ каретникъ. Они долго бѣжали молча. Каретникъ оберкулся:

— Обознались обое съ тобой.

Digitized by Google

И коротко разсмѣялся, точно проржалъ. Кошелевъ вспомнилъ какъ человѣкъ ерзалъ у сруба, и тоже вдругъ разсмѣялся, точно натворилъ ребячествъ и вотъ удачно отдѣлался отъ наказанія.

Они сѣли подъ монастырскими воротами, у иконы.

Еще мерцали двѣ-три недогорѣвшихъ свѣчи у чернаго стекла. Подъ воротами, осматриваясь, ходила невысокая монашка. Кошелевъ узналъ ее и весело позвалъ:

— Параскева Саввишна, да мы тутъ!

— Петръ Григорьевичъ, а я васъ ищу. Давеча, какъ смѣнилась у матушки Антонины, тутъ была, а васъ нѣту. Лепешку примите. Воды кувшинокъ принесла, рушникъ, гарь-то, грязь... Умойтесь, Петръ Григорьевичъ.

— Вотъ спасибо, какъ хорошо вы надумали.

— Здравствуй и ты, дядюшка Евстигней. Въ потемкахъ и не видать. Умываться иди.

— Надобно мнѣ. Вѣдмедь вѣкъ не моется, а все чистъ бываетъ.

— Я вамъ полью, Петръ Григорьевичъ, — сказала монашка.

Кошелевъ фыркалъ и полоскался съ удовольствіемъ. Онъ растеръ лицо рушникомъ, отъ котораго пахло сырой свѣжестью и яблошнымъ духомъ.

— Вотъ хорошо, такъ хорошо... Ужъ побудьте вы съ нами Параскева Саввишна, пожалуйста.

Позвенѣлъ кувшинъ, черничка присѣла. Кошелевъ близко увидѣлъ лицо дѣвушки. Прохладное дуновеніе коснулось его.

— А мы едва человѣка не погубили, — внезапно сказалъ онъ, и торопясь и улыбаясь, сталъ разсказывать о словакѣ.

— Сами радуетесь, что такъ миновалося.

Они замолчали, какъ-будто имъ нечего было

Digitized by Google

сказать. Кошелевъ смотрѣлъ на свѣтящееся лицо.

— А когда мнѣ болѣ ничего не осталось? Было отечество и нѣтъ, братъ былъ и нѣтъ. И я былъ. А кто я теперь? Можетъ статься я и жить болѣ не смѣю...

Точно волна поднялась и толкнула его въ грудь. Онъ вспомнилъ какъ старый баринъ несъ изъ огня ту, невѣдомую, Софьюшку, какъ била старика по ногамъ темная коса. Онъ почувствовалъ жадное желаніе сказать монашкѣ все, вполнѣ, точно, если онъ скажетъ ей, оправдаетъ себя.

— Я видѣлъ какъ дѣвицу отъ отца отрывали, чтобы....

Онъ покраснѣлъ въ темнотѣ, не находя слова. Монашка молчала. Онъ прошепталъ:

— Чтобы надругаться.Я видѣлъ, не тронулся. Братъ въ госпитали сгорѣлъ, я не искалъ. Я все потерялъ. Я себя потерялъ. Они мнѣ душу спалили... Это не война, это страшнѣе войны.

Черничка пошевелилась:

— Кабы знать, кабы знать, кто была та дѣвица...

— Дворовая звала ее Софьюшка... Захарьины, а какіе Захарьины, не знаю... Никогда не освободить совѣсти отъ ея имени.

— Богъ дастъ, сымется. Вы въ томъ не виновны, Петръ Григорьевичъ.

Каретникъ укладывался спать. Онъ ворчалъ на холодъ, прилаживая подъ голову лохмотья плисовой безрукавки.

— Не виновны вы въ томъ, — повторила черничка. — А мнится, отчаялись.

— Отчаяніе? Нѣтъ. Но въ такой опаскуженной, покоренной Россіи не хочу вовсе и живымъ быть. Вся легла, хоронится на пожарѣ, любого ихъ солдата трепещетъ. Такая Россія мнѣ вовсе чужая... Презрѣнъ буду, когда покорюсь.

Digitized by Google

— Я разумѣю васъ, а все скажу: вы въ отчаяніи. Послушайте меня, когда желаете, а я вамъ скажу: уходите изъ Москвы. Какъ всѣ баре ушедши, такъ и вы уходите. Тутъ народъ въ страхѣ смутился, люди простонародные, черные, тутъ одинъ потерянный народъ, они васъ вовсе отчаять. Давеча слухъ былъ будто государь скончался и войски сдались, а развѣ такое Богъ попуститъ?

Она стала на колѣни, такъ ей было удобнѣе, и приблизила къ нему тревожное лицо:

— Прошу васъ, уходите, голубчикъ-баринъ, послушайте меня, я правду вамъ сказываю.

Кошелевъ долго молчалъ. Потомъ тронулъ ея руку.

— Точно, Параша.

И вдругъ, двумя руками, сжалъ ея узкую кисть.

— Точно, хорошая, умница, вѣдь я повѣрилъ слуху. Да быть того не можетъ, да какъ же я могъ повѣрить!

— Руку пустите...

Кошелевъ почувствовалъ, какъ кровь радостнаго стыда хлынула ему въ лицо, онъ разжалъ пальцы, но снова тронулъ ея прохладную кисть, поцѣлъ къ губамъ.

— Просите, прошу.

Черничка высвободила руку.

Свѣчи уже догорѣли подъ чернымъ образомъ, подернутымъ паромъ. Рѣдѣла ночь.

— А какъ его звать, Петръ Григорьевичъ?

— Кого?

— Братца вашего младшаго.

— Павелъ.

— Я въ поминаніе подамъ о рабѣ Божьемъ, отрокѣ Павлѣ.

Кошелевъ вспомнилъ послѣднюю встрѣчу съ братомъ на Смоленской дорогѣ. Какъ-бы самому

Digitized by Google

себѣ онъ сталъ разсказывать черницѣ о братѣ, объ отчимѣ, объ угрюмомъ московскомъ домѣ у Евпла, о гренадерскомъ полку, о Бородинѣ.

Свѣтящее дѣвичье лицо плавало передъ нимъ въ туманѣ. Худыя плечи черницы дрожали.

— Вы вовсе зазябли, Параскева Саввишна. Я вамъ овчинку подамъ.

— Нѣтъ, не озябла я, нѣтъ...

Каретникъ мощно храпѣлъ. Огромный мастеръ лежалъ во весь ростъ, скрестивъ на груди руки и дыханіемъ, словно нарочно, продувалъ бороду. Тогда они переглянулись и тихо посмѣялись, каретнику-ли, продувавшему бороду, или чему-то иному. Стали видны у стѣны темныя кучи спящихъ.

Черничка вспрянула:

— Я пойду... Засвѣтало вовсе.

Они оба дрожали отъ холода и улыбались. Что-то еще должны они были сказать другъ другу.

— Нынче ввечеру Евстигней обѣщалъ меня изъ Москвы вывести, увижу ли васъ до вечера?

— Я навѣдаюсь. Уходите, мы въ Москвѣ перетерпимся. Ждать васъ буду... Еще о той дѣвицѣ хочу сказать... Гибнетъ въ огнѣ и птица и человѣкъ, а чаю, Богъ ее вынесъ... И еще хочу сказать... Или нѣтъ... Ахъ, пора мнѣ, Петръ Григорьевичъ.

Долго смотрѣлъ Кошелевъ какъ въ бѣловатой мглѣ, по монастырскимъ дворамъ, безшумно бѣжитъ черница. Она ни разу не оглянулась.

XXVI

По самому утру Кошелевъ задремалъ и ему приснился сонъ, будто стоитъ высокая монахиня до неба, а у ея ноги, у бѣлой колонны, кишитъ толпа непріятельскихъ солдатъ, и силится подвинуть ногу.

Digitized by Google

Все исчезло, и онъ увидѣлъ себя въ церкви, свѣтлой отъ золота, за обѣдней, въ то таинственное мгновеніе, когда качаются воздухи надъ причастною чашей и льется на клиросахъ сладостный хоръ. Онъ увидѣлъ предъ собой бѣлый затылокъ Параши и его тронуло манящее и стыдное чувство.

Онъ проснулся съ чувствомъ сладкаго стыда, странной радости и горечи. Подумалъ, что ему снился грѣшный сонъ.

Утро стояло ясное и холодное. Промерзлая земля искрилась отъ инея.

Кошелевъ вошелъ въ монастырскую часовню, чтобы согрѣться. Въ притворѣ было пусто. Онъ сѣлъ на широкую скамью. За низкимъ алтаремъ, съ потертой вишневой занавѣской на створкахъ, былъ слышенъ неторопливый и ясный голосъ чтицы .

— И се мало пойдетъ Господь, и духъ великъ и крѣпокъ, — чтица примолкла, точно раздумывая, и повторила, — Великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе на горѣ предъ Господемъ.

Кошелевъ слушалъ, повернувъ къ алтарю блѣдное, заросшее бородой лицо.

— Но не въ дусѣ Господь: и по дусѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь. И по трусѣ огнь, и не въ огни Господь...

«Огнь, про нашествіе, про пожаръ» подумалъ Кошелевъ съ волненіемъ.

— И по огни гласъ хлада тонка, и тамо Господь.

«Гласъ хлада тонка, тамо Господь... Такъ вотъ что, такъ вотъ» и вспомнилось ему озаренное снизу лицо черницы, ея таинственные глаза. Голосъ смолкъ. Кошелевъ услышалъ шуршаніе. Монахиня, вѣроятно, молилась.

«Гласъ хлада, тонкое дуновеніе, и, въ немъ Господь, а я и не зналъ. Такъ вотъ, гдѣ ты, Господи,

Digitized by Google

а я и не зналъ. Господи, прости меня грѣшнаго». И сталъ на колѣни, припавъ головой къ скамьѣ.

Когда онъ вышелъ изъ часовни, его лицо свѣтилось сквозящей улыбкой. Онъ не удивился, встрѣтивъ черницу рядомъ съ каретникомъ. «Такъ и должно быть», подумалъ онъ и протянулъ ей руки.

— Здравствуйте, Параскева Саввишна.

Параша поклонилась, оправила бархатный колпачекъ. За нею стоялъ мальченка въ черной кофтѣ, вѣроятно сшитой изъ подрясника.

— Я найденыша вашего привела — сказала черница, — Онъ одинъ и скучаетъ... Погуляли-бы.

— Хорошо, конечно.

— А кабы знали вы, Петръ Григорьевичъ, какъ матушка Ифигенія серчала, зачѣмъ я съ вами сидѣла... Такъ ввечеру я найденыша заберу.

— Но ввечеру мы уходимъ.

— Я до сумерекъ буду.

— Гласъ хлада, тонкое дуновеніе — прошепталъ Кошелевъ, когда черничка отошла. Издали она оглянулась съ улыбкой.

— Тебя какъ зовутъ? — Кошелевъ присѣлъ передъ мальчикомъ на корточки, — Тебя Петя зовутъ, не такъ-ли?

— Пѣтелъ, — хмуро подтвердилъ свѣтловолосый малецъ, съ полнымъ блѣднымъ лицомъ.

— А я умѣю мельницу дѣлать и домъ, — сказалъ Кошелевъ. — Ты, Пѣтелъ, умѣешь?

— Нѣтъ — и собрался заплакать.

Кошелевъ торопливо сталъ чертить сучкомъ на землѣ.

— Вотъ тутъ братецъ, рѣка, а тутъ мы мельницу поставимъ...

Каретникъ сидѣлъ подъ стѣной, прилаживая пуговицу у китайки. Онъ оставилъ свое занятіе, слушая Кошелева съ такимъ же любопытствомъ, какъ мальчикъ.

Digitized by Google

Втроемъ они вышли на Дѣвичье поле.

Мальчикъ не выпускалъ теперь пальца Кошелева. Тотъ забралъ весь теплый кулачекъ въ ладонь. Кулачекъ сталъ вывертываться. Малецъ засопѣлъ, выдергивая руку.

— Да что, братецъ, съ тобой — сказалъ Кошелевъ.

Мальчикъ вырвался и побѣжалъ.

Они подходили къ обгорѣлому одѣялу. Человѣкъ въ красномъ колпакѣ развѣшивалъ пеленки на поднятой крышкѣ сундука. Другой человѣкъ, въ женскомъ капотѣ, сидѣлъ къ нимъ спиной. Мальчикъ подбѣжалъ къ человѣку въ женскомъ капотѣ, съ разбѣга уперся кулачками въ колѣни. —

— Тятя!

Человѣкъ въ красномъ колпакѣ, это былъ скрипачъ Поляковъ, вскрикнулъ «Пѣтелъ», разсмѣялся выглянуло блѣдное лицо женщины въ чепцѣ, шесть затрясся, одѣяло накрыло женщину съ головой, много голосовъ закричало, а человѣкъ въ женскомъ капотѣ, віолончелистъ Татариновъ, подкинулъ мальчика, поймалъ, и побѣжалъ кругами въ поле. Его капотъ развѣвался, онъ потерялъ войлочную туфлю. Скрипачъ трясъ Кошелеву руку.

— Этта ребята, этта россійскіе, въ такое-то время чужого дитятю спасти, оберечь, этта ребята...

Кошелеву было пріятнѣе всего, что человѣкъ въ колпакѣ не узнаетъ въ немъ барина и говоритъ такъ, какъ говорятъ съ простонародьемъ.

XXVII

Въ то утро комиссаръ Ларька, съ партіей солдатъ въ семь человѣкъ, ходилъ по монастырю.

Было приказано собирать по Москвѣ русскихъ плѣнныхъ. Брали и дворовыхъ, почитая ихъ за бо-

Digitized by Google

родатыхъ казаковъ, брали и барскихъ слугъ. Ихъ ливреи, съ многоярусными воротниками и мѣдными гербами на пуговицахъ, принимали за неуклюжія шинели московскаго гвардейскаго полка. Брали подъ ружья и купцовъ.

За той же стѣной Новодѣвичьяго, купцы откупались отъ Ларьки червонцами, а то бирюзовыми серьгами и перстнями, выбирая ихъ изъ холщевыхъ тряпицъ, изъ-за пазухъ. А семеро солдатъ ждали комиссара поодаль. Это были французскіе пѣхотинцы, всѣ въ разношенныхъ сапогахъ, чернявые, низкорослые, въ синихъ шинелькахъ и въ помятыхъ шако съ мѣдными цифрами 59, семеро бретонскихъ мужиковъ, послушныхъ и молчаливыхъ.

Послушно ходили они во время террора за шуанами, также послушно подымались въ аттаки, а когда имъ читали звонкіе приказы о побѣдахъ и славѣ, они, врядъ-ли понимая, смаргивали рѣсницами и думали о чемъ-то своемъ.

Комиссаръ Ларька съ насмѣшливымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на семерыхъ французишекъ, приданыхъ ему для полицейскихъ дѣлъ. Онъ научился подымать руку, какъ ихъ офицеры, подзывать ихъ.

Ларька понялъ, что съ ними онъ можетъ брать и миловать, какъ хочетъ, и словно щекотка разбирала его: онъ забавлялся, не червонцами и не перстнями, которыми уже набилъ карманы ватошнаго жилета, а всѣмъ тѣмъ, что теперь дозволено ему.

Но въ движеніяхъ Ларьки, когда онъ подступалъ къ толпѣ, въ его особомъ сфыркиваніи, въ томъ, какъ онъ расправлялъ на рукавѣ красную повязку, былъ страхъ. Онъ и забавлялся и трусилъ.

Онъ страшился, что семеро солдатъ вдругъ ткнутъ его въ спину штыками, что накинутся дворовые и мастеровые.

Но французишки ходили послушно, а въ толпѣ

Digitized by Google

стягивали шапки, и этотъ комиссаръ, щербатовскій подбуфетной, важно подступалъ къ толпѣ. Многимъ онъ казался дороднымъ бариномъ, но съ перваго его слова всѣ понимали, что это не баринъ, а лакейская харя, флигельный хамъ, и хотя никто не надѣвалъ предъ нимъ шапокъ, но во всѣхъ глазахъ загорались ненависть и презрѣніе.

Кошелевъ и каретникъ вернулись съ поля подъ монастырскія ворота. Мело рѣдкій снѣгъ, сухую крупу. Комиссаръ, за нимъ семеро солдатъ, проходилъ подъ воротами.

— Хамецъ, кого ищешь мучать? проворчалъ каретникъ, стуча зубами отъ холода.

Комиссаръ услышалъ и обернулся:

— Эфто ты кому говоришь?

— А никому, — отвѣтилъ каретникъ, подымаясь.

— Нѣтъ, ты эфто кому?

Солдаты стали въ воротахъ, обволоклись паромъ дыханія.

— Ты эфто кому, тварь, сказалъ?

Ларька шагнулъ къ каретницу. Они были одного роста, оба тяжелые, грузные, только каретникъ костлявѣе, а слуга подебелѣе.

Отъ стѣны и со двора подошли люди. Мастеровые, подгибаясь отъ холода, глубоко совали руки въ халаты и повертывали обритые головы то къ каретнику, то къ комиссару. Молча подступили кущы.

— Ты эфто на кого? — еще разъ крикнулъ Ларька.

Каретникъ покойно и пристально смотрѣлъ на него, смаргивая рыжими бровями:

— Эва, завизжалъ, ровно боровъ... А хотя-бы и на тебя.

Въ толпѣ засмѣялись. Смолкли.

Ларька круто повернулся къ Кошелеву:

— А, ваше благородіе, и ты...

Digitized by Google

Ларька уже не разъ проходилъ мимо и смотрѣлъ такъ, точно не узналъ Кошелева, или не было его вовсе. Теперь вдругъ узналъ.

— Вотъ каковъ, ваше благородіе, сталъ: въ овчинкѣ, бородкой оснастился, и не признать... Давно тутъ хоронишься?

— Давно, — сказалъ Кошелевъ. — А ты, подлый, меня тыкать не смѣешь.

— Я подлый, сударь, ваше благородіе, баринъ, а мнѣ-то, подлому, невдомекъ, чтобы въ ножки поклониться, ручку пожалуйте, ручкой меня по щекамъ, по щекамъ, на конюшню, портки задрать, на конюшню... Миновались ваши времена, врешь!

— Не визжи, подлецъ. Ты не мой крѣпостной, а былъ-бы и мой, о тебя рукъ не грязнилъ-бы.

Кошелевъ обернулъ къ толпѣ блѣдное лицо, съ раздутыми ноздрями.

— Братцы, Богомъ клянусь, онъ воръ и подлецъ. Онъ у меня материнской складень срѣзалъ. Отдавай складень, подлецъ.

— А-а, — Ларька передохнулъ и съ силой, на отмашь, ударилъ Кешелева по лицу.

Тотъ зашатался.

— Не трожь, барина, сука.

Каретникъ сгребъ борта синяго фрака, повозилъ Ларьку, и отбросилъ къ солдатамъ. Толпа потѣснилась, порывисто задышала.

Расталкивая толпу прикладами, разомъ шагнули отъ воротъ семеро пѣхотинцевъ. Ларька погнался съ тремя солдатами за толпой во дворъ, а четверо стали вокругъ Евстигнея и Кошелева. Тотъ, который былъ ближе къ воротамъ, что-то гортанно сказалъ и всѣ четверо вскинули на плечи ружья.

Пѣхотинцы повели арестованныхъ по тропинкѣ, вдоль самой стѣны, гдѣ скрипѣлъ смерзшійся песокъ .

Поле побѣлѣло и дымилось. Кошелевъ шелъ,

Digitized by Google

сплевывая въ снѣгъ кровавые пятаки. Солдатъ ткнулъ его въ спину прикладомъ. «Вотъ, смерть» подумалъ Кошелевъ и остановился.

Маленькій пѣхотинецъ, тряся съ рванаго шако снѣгъ, молча показывалъ штыкомъ на его сапоги. Кошелевъ, не понимая, смотрѣлъ на морщинистое и жесткое лицо солдата.

Пѣхотинецъ что-то заворчалъ безпокойно.

— Сапоги — сказалъ каретникъ. — Сапоги ему отдай, баринъ.

— А, сапоги, Боже мой.

Кошелевъ сѣлъ въ снѣгъ и сталъ стягивать захряслое голенище. Маленькій солдатъ угрюмо и терпѣливо наблюдалъ за нимъ.

Снѣгъ не таялъ на очень бѣлыхъ ногахъ Кошелева. Онъ стянулъ и потлѣвшія лохмотья чулка. Солдатъ подвинулъ ему свои опорки, набитые соломой. Кошелевъ сунулъ туда ноги, опорки были еще теплыми и сыроватыми отъ человѣческаго тепла. Онъ выбралъ солому, опорки пришлись въ пору. Бичевки на щиколоткахъ помогъ завязать Евстигней.

Надъ стѣной монастыря бѣловатой мглой ходилъ снѣгъ. Кошелевъ вспомнилъ черницу и какъ-бы тихое дуновеніе коснулось его, благодатная и щемящая радость, гласъ хлада тонка.

Ему стало все равно, что будетъ съ нимъ и куда его ведутъ.

А вечеромъ, на монастырскихъ дворахъ и въ полѣ, металась монастырка въ сбитомъ платкѣ и разстегнутой шубкѣ.

Черница искала дите и высокаго человѣка, нездѣшняго барина. Подъ монастырской стѣной, съ вѣтромъ и снѣгомъ, за ней погнались солдаты.

Хлебещетъ черный сарафанъ, косу разнесло вѣтромъ. Въ монастырскихъ воротахъ ей встрѣтился непріятельскій офицеръ. Онъ что-то говорилъ,

Digitized by Google

успокаивалъ, а снѣгъ заметалъ его черноволосую голову .

Солдаты нагнали черницу, офицеръ замахнулся на нихъ хлыстомъ. Это былъ капитанъ полевыхъ стрѣлковъ Сенъ-Клеръ.

Въ келейныхъ сѣнцахъ стукнула дверь, дунуло снѣгомъ, заслѣпило очки горбатой Ифигеніи. Въ разметанной шубкѣ, безъ платка, съ короткимъ крикомъ черница пала предъ горбуньей на колѣни:

— Матушка...

XXVIII

Послѣ перемирія императоръ ждалъ отвѣта изъ Петербурга.

Въ пустотѣ ожиданія все отсѣклось, прервалось, замолкло вокругъ. Одинъ въ свѣтлой пустотѣ. Имперія, люди, Европа, армія, онъ самъ, прежній, все стало отдаленными призраками, а кругомъ сомкнулась безмолвная пустыня. Онъ ждалъ, и остановились время, жизнь и смерть.

Теперь онъ подолгу стоялъ у Кремлевскаго окна, и свѣтилось въ бѣлой прохладѣ его тяжелое лицо.

Онъ подолгу принималъ докладчиковъ и находилъ особое удовольствіе въ верховыхъ прогулкахъ, убивавшихъ время до обѣда. На прогулкахъ онъ былъ молчаливъ, точно желалъ насладиться въ молчаніи свѣтлой свѣжестью Москвы. На улицахъ ни ржанія, ни звука шаговъ, пустыня.

29 сентября императору доложили, что артиллерійскіе лошади, у которыхъ сбиты подковы, не берутъ орудій, что лошадей слѣдуетъ облегчить, сбивъ замки и сдавъ въ московскія депо непригодныя пушки. Императоръ сказалъ, что ни одной пушки, даже разбитой, не оставитъ въ Москвѣ, чтобы русскіе не похвалялись ими, какъ трофеями.

А 1 октября, онъ принималъ парадъ спѣшанной

Digitized by Google

кавалеріи. Онъ согласился спѣшить нѣсколько эскадроновъ, потому, что лошади падали отъ безкормицы. Кавалеристы въ сѣрыхъ плащахъ, въ мѣдныхъ каскахъ съ красными наличниками и конскими хвостами, проходили мимо его коня съ глухимъ топотомъ, молча, какъ-бы стыдясь непривычнаго пѣшаго марша.

Смотръ былъ долгій, какъ все, что онъ дѣлалъ теперь. На парадахъ онъ ворчалъ и сердился.

Обѣдалъ онъ при свѣчахъ. Кремлевское зало тонуло во тьмѣ. Это были необычайно долгіе и невеселые обѣды. Подолгу не мѣняли приборовъ, такъ какъ не былъ тронутъ приборъ императора. Онъ также убивалъ время за обѣдами, какъ за концертами и верховыми прогулками. Онъ ждалъ.

Въ полнотѣ побѣды, великодушно, онъ писалъ Александру о мирѣ, онъ думалъ тогда, что взятіе Москвы есть его побѣда и предлагалъ побѣжденной Россіи миръ и союзъ. Въ нѣсколько маршей онъ вернулся бы назадъ. Ему противна эта некрасивая русская война. Всѣ его побѣды были красивы свѣтлымъ великолѣпіемъ. Во всѣхъ его дѣяніяхъ всегда былъ легчайшій свѣтъ, парящая красота, а въ одной красотѣ заключается истинно великое, что есть и въ немъ и въ дѣлахъ человѣческихъ.

Онъ разгадалъ скифскую войну, дикую войну Александра: опора на стихіи. Опорой Наполеона должна была стать революція, его новый законъ, но революція сгорѣла въ Москвѣ. Въ немъ самомъ поднялся великій противникъ, который презрительно и безпощадно боретъ его. Онъ точно раздвоился въ Кремлѣ, оцѣпенѣлъ отъ внутренняго самоистребленія.

Маршалъ Даву засталъ его однажды за книгой. Императоръ виноватымъ и невѣрнымъ движеніемъ прикрылъ ее подсвѣчникомъ, но маршалъ узналъ

Digitized by Google

книгу по сѣрой обложкѣ: новый пустой романъ изъ Парижа.

Императоръ перечитывалъ и «Небесную Механику» Лапласа, присланную еще въ Витебскъ. Тогда онъ увлекся ея совершенной математической ясностью. Это была и его ясность, всеозирающее око, предъ которымъ весь міръ съ его тайнами, хаосомъ и тьмой, слагался въ одну солнечную гармонію. Теперь «Небесная Механика» раздражала его своей сухой четкостью, какъ-будто вертѣлся передъ глазами, непогасая, металлическій шаръ или дискъ. И то, что казалось недавно яснымъ, какъ солнце, теперь было только мельканіемъ уныло блистающаго мертваго шарика.

Въ его огромномъ покоѣ, свѣча горѣла на креслѣ, какъ на днѣ пропасти. Когда онъ сбрасывалъ ноги съ канапэ и начиналъ шагать, онъ самъ казался себѣ шмыгающей мышью подъ сводомъ тьмы.

Всѣ эти кресла, штофныя обои и позолоты напоминали ему скучныя спальни королей, унылую и пышную анфиладу, мелькавшую передъ нимъ, какъ тусклая гостинница. Онъ мѣнялъ ихъ безъ сожалѣнія въ вѣчномъ странствіи по землѣ, вся его жизнь странствіе Вѣчнаго Жида.

Онъ думалъ, что самъ никогда не зналъ до конца, чего хочетъ, куда идетъ и зачѣмъ ведетъ другихъ. Онъ слѣпецъ. Слѣпецъ съ открытыми, ясными глазами, но слѣпецъ, и его власть — власть слѣпорожденнаго. Послѣдней силы жизни, послѣдней тайны ея движенія онъ не зналъ никогда. Въ немъ самомъ все тайна, хаосъ, тьма.

Въ сѣромъ плащѣ, накинутомъ на полныя плечи, въ ночныхъ туфляхъ, онъ выходилъ изъ спальни: въ Кремлѣ у него начались безсонницы. Онъ присаживался на койку дежурнаго по дворцу, графа Дарю. Ноздри императора нервно подергивались. Тѣнь его жесткихъ волосъ была на стѣнѣ, какъ грива звѣря.

Digitized by Google

Онъ говорилъ съ графомъ невнятно, торопливо, какъ-будто самъ съ собою, но то, что онъ говорилъ, и были его мысли, глубокія, и скрытныя, съ которыми онъ, изнемогая, боролся. Его сѣрые глаза округлялись и упорно смотрѣли на свѣчу.

— Я пойду и разгромлю Кутузова — говорилъ онъ: — Или обойду его и внезапно поверну на Смоленскъ, или...

Дарю подбиралъ ноги, чтобы императору было удобнѣе, и придерживалъ одѣяло у груди.

— Или я останусь въ Москвѣ.

Взъерошенныя брови устало шевелились:

— Вы, слышите, въ Москвѣ... Мы зароемся къ снѣгу, а съ весны, лѣтомъ... Лѣтомъ... Но что скажутъ во Франціи? Шесть мѣсяцевъ погребены въ снѣгахъ... А — Европа?

— Нѣтъ, ваше величество, мы не можемъ зимовать, — шепталъ графъ. — Къ веснѣ мы растаемъ. Я такъ думаю. Зимы мы не перенесемъ... И едва мы тронемся изъ Москвы, едва войска будутъ обращены лицомъ къ Франціи, они побѣгутъ.

— Они побѣгутъ?

— Они побѣгутъ, ваше величество, чтобы распродать поскорѣе московскую добычу... Побѣда забыта...

Императоръ молчалъ.

XXIX

Съ колокольни Ивана Великаго саперы свалили крестъ.

При паденіи крестъ обломился. Онъ не былъ золотымъ, какъ и другой, съ Благовѣщенія, который снималъ русскій кровельщикъ: оба были обиты листовой мѣдью. Но крестъ Ивана Великаго, вмѣстѣ съ зеленымъ турецкими знаменами и прус-

Digitized by Google

скими полковыми значками, найденными въ Оружейной палатѣ, свалили въ депо, какъ трофей.

По войскамъ объявили раздачу жалованія. Кромѣ ассигнацій выдавали и русскіе пятаки, найденные въ подвалахъ, подъ Монетнымъ дворомъ. У Никольскихъ воротъ солдаты продавали мѣдную монету мѣшками, по 10 копѣекъ серебромъ за мѣшокъ. Тамъ была давка. Мѣшки съ мѣдью, брякая, ходили надъ головами. У Воскресенскихъ воротъ гвардейцы бросали мѣшки въ толпу, на шарашъ, Московская чернь, уносила пятаки въ полахъ армяковъ и въ задраныхъ подолахъ. «Але, мусью, что даешь, бери рубликъ, подари, мусью» голготала толпа. Солдаты разгоняли толпу саблями.

Подмосковные крестьяне, съ Останкина, въ эти дни потянулись въ Москву съ подводами, груженными овсомъ и мукою изъ барскихъ магазиновъ, разграбленныхъ всѣмъ селомъ.

До Останкина дошелъ слухъ, что французъ платитъ за корма чистымъ серебромъ, кованными цѣлковыми, и мужики заохотились отвалить нехристю барское добро.

Тридцать останкинскихъ подводъ задержалъ на заставѣ караулъ. Сержантъ сбросилъ рогожу съ первой телѣги и началъ пересчитывать мѣшки, но солдаты скинули грузъ на землю. Обозъ былъ разграбленъ мгновенно.

Мужики загалдѣли, одинъ изъ нихъ, тощій, въ домотканныхъ портканхъ и растрепанныхъ лаптишкахъ, набухшихъ отъ дождя, прыгнулъ въ телѣгу и вытянулъ вожжей по тугому пузу пѣгую кобылу. Всѣ мужики прыгнули въ телѣги и, стоя во весь ростъ, шапка и вожжи въ рукѣ, погнали подводы за тощимъ. Вѣтеръ вздувалъ портки. Мужики стояли въ телѣгахъ, какъ святые отцы, внезапно сошедшіе съ темной росписи московскихъ соборовъ.

Digitized by Google

На колокольняхъ, забавляясь, звонили французскіе солдаты, другіе, съ пѣснями и визгомъ, взадъ и впередъ катались на Кузнецкомъ мосту въ коляскахъ, съ полковыми дѣвками. Тощій гналъ кобылу по Москвѣ, разыскивая начальство.

А у Воскресеньскихъ воротъ останкинскія подводы смѣшались съ толпой. И скоро тѣ же мужики, измазанные кровью и грязью, въ изодранныхъ армякахъ, наваливались животами на груды мѣди, дрались, и сбрасывали мѣшки на пустыя подводы. Къ вечеру толпу отъ Воскресенскихъ воротъ отогнали бѣглыми залпами.

Вскачь несутся изъ Москвы останкинскія телѣги. Мужики стоятъ во весь ростъ, безъ шапокъ.

У заставы испанскій часовой успѣлъ ударить послѣдняго мужика прикладомъ по заду. Мужикъ опрокинулся въ телѣгу, но тотчасъ поднялся, грозя кулакомъ.

Брякающія телѣги проскакали заставу.

XXX.

Утромъ, 5 октября, императоръ принималъ на Кремлевской площади парадъ гвардейскихъ батальоновъ, дивизіи корпуса Нея и дивизіи Пино.

Въ это утро императоръ все дѣлалъ особенно покойно. Онъ самъ набилъ табакомъ черепаховую табакерку и наполнилъ лакричными лепешками плоскую золотую коробку, которую носилъ въ карманѣ жилета, а носовой платокъ, неправильно сложенный, расправилъ по складкамъ и сложилъ снова. Онъ былъ очень блѣденъ и подъ глазами замѣтнѣе стали мѣшки.

У Красныхъ крыльцъ онъ медленно, какъ бы раздумывая, поставилъ ногу въ стремя и грузно сѣлъ въ сѣдло.

Digitized by Google

На этомъ долгомъ парадѣ, какъ и раньше, вызывали передъ строемъ людей и раздавали награды. Люди въ рядахъ стали оправлять ремни и незамѣтно отгибать тугіе воротники парадныхъ мундировъ, жавшихъ горло.

Внезапно въ отдаленіи заклокотала пушечная пальба.

Цѣлые ряды повернули голову вправо, откуда накатывалъ грохотъ, а офицеръ, вызывавшій людей, обернулъ къ императору растерянное лицо.

Въ этотъ часъ на форпостахъ, съ однимъ трубачемъ, безъ адъютанта, вскачъ несся Мюратъ. Онъ потерялъ шляпу, его плащъ, его длинные черные волосы гнало по вѣтру. «На коней! На коней!» рѣзко кричала серебряная труба.

— Русскіе прервали перемиріе — докладываетъ императору блѣдный, забрызганный грязью адъютантъ Беранже.

— Стремительная атака, смяты фланги, прорвано шесть линій... Отрѣзаны... Двѣнадцать пушекъ...

Лицо императора исказилось. Онъ сильно далъ шпоры, поскакалъ вдоль рядовъ. Смотръ прерванъ. Императоръ, поднялъ треуголку надъ головой.

Наклоненныя орлицы понеслись надъ рядами, дивизіи, едва сдерживая строй, напирая и сѣменя, двинулись съ площади. Солдаты ловко набрасываютъ на штыки патронныя сумки. Сухой грохотъ русской пальбы мгновенно поднялъ армію въ Москвѣ.

Императоръ объявилъ походъ, и въ пять часовъ дня, съ барабаннымъ боемъ, легко и стремительно, прошли по выгорѣвшимъ улицамъ первые выступающіе полки. Это были итальянцы. Они сверкали зубами, они красиво и быстро, на ходу, оправляли ружейные ремни.

Digitized by Google

Къ ночи вся армія была въ движеніи. По Якиманкѣ, скрипя, потекли фуры, пушки, обозы, полки, идущіе строемъ и безъ строя.

Императоръ объявилъ походъ, но самъ остался въ Кремлѣ. Ночью онъ жегъ въ спальнѣ бумаги. Двѣ свѣчи горѣли у зеркала, раза два онъ замѣтилъ въ зеркальной тьмѣ свое блѣдное лицо, и отвернулся съ брезгливостью.

Чего онъ ждалъ, что онъ дѣлалъ тридцать дней въ Москвѣ? Всѣ тридцать дней точно не одинъ Наполеонъ, а много маленькихъ Наполеоновъ, грузныхъ, съ обрюзглымъ и недовольнымъ лицомъ, принимали смотры, слушали концерты, подолгу обѣдали, дремали надъ подлыми романами, ожидая мира и предавая армію пожару, грабежу, безпорядку и голоду. Какъ Сатурнъ, онъ самъ пожиралъ въ Москвѣ свою побѣду. Въ Москвѣ онъ потерялъ себя. Единый образъ Кесаря-Побѣдителя распался въ московскомъ пожарѣ на крошечныя куклы Наполеона. А когда онъ желалъ вырваться изъ Москвы его маршалы отказались идти съ нимъ, его оставили одного, какъ всегда, одного, никто не рѣшилъ за него, потому что самъ онъ не рѣшилъ ничего.

Уже свѣтало, когда къ императору постучали. Онъ принялъ докладчика, инженернаго генерала, сухопараго старика, съ красивой сѣдой головой и съ глазами какъ-бы вышитыми худобой.

Онъ хорошо зналъ генерала и его рубиновый перстень, его походы и награды, зналъ, что у него имѣніе на сѣверѣ Франціи, что его жена больна водянкой.

Но когда сухопарый старикъ раскинулъ на столѣ длинный чертежъ Кремля, императоръ, утирая платкомъ со лба холодный потъ, забылъ имя генерала и понялъ, что забылъ навсегда.

Digitized by Google

Инженерный генералъ вѣжливо и монотонно говорилъ что-то, водя пальцемъ по чертежу. Онъ указывалъ наиболѣе удобныя мѣста для закладки минъ: императоръ приказалъ при отступленіи взорвать Кремль.

— Очень, хорошо, очень хорошо, — говорилъ императоръ, изумленно и съ тоской вглядываясь въ старика. — Вы заложите мины. Благодарю васъ... Это судьба.

Послѣднее слово «судьба» онъ сказалъ, отвѣчая своимъ мыслямъ.

На разсвѣтѣ императоръ со свитой и штабами влился въ быстрый потокъ отступленія. Кругомъ, въ холодныхъ потемкахъ, вязали возы, забивали въ послѣдней спѣшкѣ ящики. Никто не узналъ императора.

Пѣхота понесла его по Якиманкѣ. Солдаты терлись о бока коня, сапоги стали горячить ему ногу. Онъ мѣрно качался въ сѣдлѣ и ему казалось, что армія, — жизнь и смерть, побѣда, время, — все течетъ вспять, мимо него, а онъ одинъ, странникъ неузнаваемый, пробирается впередъ, во тьму.

7 октября, къ двумъ часамъ дня, Москва опустѣла.

Но у воротъ Кремля, заваленныхъ бревнами, еще жмутся кучки солдатъ: императоръ оставилъ въ Кремлѣ съ молодой гвардіей маршала Мортье.

Точно тяжелая буря подняла изъ Москвы полчища людей, кладей, коней.

Съ утра заморосилъ мелкій дождь. Въ моросящемъ туманѣ отходитъ Москва все дальше, какъ-бы осѣдаетъ въ землю.

Капитанъ гвардейскихъ стрѣлковъ Сенъ-Клеръ направилъ коня къ холму и долго смотрѣлъ на равнину, которая шевелилась вереницами фурго-

Digitized by Google

новъ, каретъ, дрожекъ и телѣгъ. Громадное шествіе тащилось въ моросивѣ и Сенъ-Клеръ не узнавалъ больше ни полковъ, ни дивизій. Великая армія стала однимъ обозомъ, она похожа на фантастическую орду.

Среди телѣгъ и колясокъ, старыхъ и новыхъ каретъ, уже смѣшанныхъ въ безпорядкѣ, въ этомъ скрипящемъ хаосѣ, стенающемъ на всѣхъ языкахъ Европы, идутъ и сомкнутыя солдатскія колонны, каждый положилъ поверхъ ранца бѣлый хлѣбъ, у каждаго трясется на тюртупеѣ фляжка съ виномъ.

Сомкнутыя колонны показались Сенъ-Клеру римской когортой, ломящейся въ ордѣ, въ нагроможденіи.

Точно вернулись вспять времена и дикіе завоеватели покидаютъ еще тлѣющія развалины Трои или Карфагена и гонятъ въ тылу своихъ полчищъ бородатыхъ рабовъ, русскихъ крѣпостныхъ съ поклажами, и бѣгутъ ихъ жены и дочери, дикія рабыни въ изодранныхъ одеждахъ, живая добыча завоевателей.

Берлины, заваленные мѣшками съ сахаромъ и чаемъ, книгами, канделябрами, актрисами, дѣтьми, крѣпостныя дѣвки, уходящія за своими иностранными господами, раненые и больные, которые выползли изъ Воспитательнаго дома и госпиталей, шествіе азіатскихъ завоевателей, орды Дарія или Ксеркса надвигались изъ дождя.

И на послѣднемъ возу, набитомъ зелеными турецкими знаменами, крестъ Ивана Великаго замыкаетъ великое шествіе.

XXXI.

Можетъ-быть принятъ планъ маршала Даву наступать черезъ Калугу и Тулу на обильный пол-

Digitized by Google

день, но по новой Калужской дорогѣ, подъ мелкимъ дождемъ, уже идутъ походнымъ маршемъ третій корпусъ маршала Нея, первый корпусъ маршала Даву, четвертый вице-короля италійскаго, гвардія.

Дивизіи генерала Дельзона приказано спѣшно сняться отъ Боровска и къ полуночи занять Малоярославецъ.

Генерала Дельзона на часъ или на полтора задержала въ Боровскѣ раздача горячаго супа по батальонамъ: солдатъ надобно было согрѣть и обсушить передъ быстрымъ маршемъ. Во второмъ часу ночи первая бригада дивизіи Дельзона, проворные маленькіе итальянцы, прижимая ружья къ груди, скатились безъ шума въ оврагъ, къ шаткому мосту черезъ рѣчку Лужу, по которой уже плавало сало. Итальянскіе стрѣлки побѣжали на мостъ. Темный Малоярославецъ казался пустымъ: бригада займетъ городъ безъ выстрѣла.

И тогда-то, также безъ шума, скатились къ мосту, съ другого берега, русскіе. Итальянцы видѣли, какъ стоя на повозкахъ, русскіе гонятъ къ мосту лошадей, какъ, тѣсно чернѣя, строится первая колонна.

Бригада Дельзона опоздала: въ Малоярославцѣ русскіе. Все гуще чернѣютъ берега Лужи отъ бѣгущихъ съ двухъ концовъ армій.

Надъ головами затопотавшихся итальянцевъ съ тягучимъ свистомъ хлынуло ядро. Загремѣлъ короткій взрывъ.

Бригада сшиблась съ русскими молча, безъ барабановъ. Залязгало быстрое оружіе. Мостъ, черно киша, точно подвинулся отъ города, поползъ къ городу, опять отъ города.

Тогда, разодравъ ночь содроганіемъ, ударила французская артиллерія. Горящія ядра зачиркали надъ темными колокольнями. Надъ городомъ зады-

Digitized by Google

шало зарево. Ударили русскіе барабаны и поскакало гоготомъ ура, обрываясь въ грохотѣ залповъ.

Озаренные огнемъ со слины, гремя патронницами, на мостъ идутъ русскіе гренадеры въ громадныхъ киверахъ съ красными верхами, въ широкихъ бѣлыхъ ремняхъ крестъ на-крестъ. Съ волнами гренадеръ несетъ на мостъ грузнаго коня графа Строганова. Русскіе офицеры, придавленные къ периламъ храпящимъ движеніемъ, поднявъ шпаги, выкрикиваютъ мальчишескими голосами «маршъ-маршъ». Атака гренадерской дивизіи, какъ тяжкая машина, потоптала на мосту все.

Тогда съ пѣснями поднялась итальянская дивизія Пино, съ пѣснями, подобными свисту вѣтра. Итальянцы несутся, зажмуривъ глаза.

Ядра съ грохотомъ ударили въ зарядные ящики русскихъ, небо надъ Малоярославцемъ, позеленѣвъ на мгновеніе, заколыхалось раскаленной стѣной, озаряя дорогу, черныя деревья на берегу и дымящія пушки, у которыхъ возятся французскіе артиллеристы.

И первый ударъ встрѣчнаго боя, глухонѣмая пляска, смѣнились неумолкаемымъ воплемъ, криками, взрывами, барабаннымъ боемъ, смутнымъ ревомъ все возрастающаго ночного сраженія. Дельзонъ въ атакѣ убитъ.

Въ горящихъ развалинахъ, оттѣсненные порывомъ итальянцевъ, безъ киверовъ, сбитыхъ кирпичами и балками, похожіе обритыми головами на каторжанъ, въ рваныхъ ремняхъ, тѣсно топчутся русскіе гренадеры, отступаютъ, графъ Строгановъ, качается на грузномъ конѣ, офицеры, поднявъ шпаги, клокочутъ «карре-карре» и гренадеры, вразъ выкидываютъ во всѣ стороны штыки. И топчутся въ первомъ ряду, почернѣвшіе отъ гари и пороха, ничего не видя, два товарища Родіона

Digitized by Google

Кошевка, капралъ Акимъ Говорухинъ и капралъ Михайло Перекрестовъ.

И ночь, и день, то сдвигаясь къ оврагу, то съ пѣснями и барабанами бросаясь въ городъ, исчезая въ пожарѣ, разстроенными толпами выбѣгая назадъ и опять кидаясь, топчутся у Малоярославца французскія дивизіи.

Къ одиннадцатому часу ночи русскій огонь сталъ ослабѣвать. Все рѣже били барабаны. Сраженіе въ темнотѣ утихало. Медленно, точно упираясь на каждомъ шагу, русскіе потянулись изъ города. По Калужской дорогѣ залегли стрѣлки. Рѣдкая ружейная перестрѣлка еще болѣе оттѣняетъ утомленную нѣмоту, величіе затихшаго боя.

Къ ночи Малоярославецъ заняли итальянцы. Тусклый огонь низко бродилъ надъ грудами балокъ и кирпичей.

Русскіе раненые въ дымящихъ шинеляхъ, ползли безъ стона вдоль стѣнъ, по накаленнымъ кирпичамъ. Въ горящихъ развалинахъ, точно зрители на спектаклѣ, полусидѣли мертвецы. Огонь уменьшилъ ихъ тѣла, они стали похожи на высохшія черныя муміи.

Ночью къ Малоярославцу подошла вся французская армія. Гвардія стала въ Городнѣ, войска маршала Нея и маршала Даву начали раздвигаться въ долгія колонны къ Малоярославцу.

Императоръ былъ среди гвардіи. Въ избѣ, заслѣженной сапогами маршаловъ и генераловъ, дымной отъ табаку и холоднаго дыханія, императоръ принималъ донесенія. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, въ красномъ углу. На столѣ горѣли свѣчи, но лица императора не было видно въ тѣни треуголки.

Ночь была холодной и туманной. Никто не ложился. По всему полю разожгли костры, и люди, кутаясь въ плащи и шинели, молча грѣлись у

Digitized by Google

огней. Перестрѣлка то закипала и сливалась въ жадную трескотню, то умолкала рѣдкимъ пощелкиваньемъ.

Итальянцы пѣли. Эти смуглые, маленькіе люди въ обгорѣлыхъ лохмотьяхъ, стояли всю ночь въ строю и лихорадочно пѣли, блистая въ темнотѣ бѣлками. Отъ итальянскихъ костровъ доносило одно длинное, свистящее слово — Еввива....

На самомъ разсвѣтѣ, когда померкли въ полѣ огни, императоръ сѣлъ въ сѣдло и шагомъ, держа въ рукѣ треуголку, направилъ коня вдоль четвертаго корпуса, вдоль итальянской гвардіи, далматинскихъ полковъ, дивизій Ельрона, Брусье, Пино.

Люди, завидѣвъ императора, поднимали шако на штыкахъ и быстро, и какъ-бы застѣнчиво, выдыхали изъ тысячи грудей тоже свистящее длинное слово ночной пѣсни — Еввива...

Свѣтился широкій лобъ императора. Опущенная треуголка постукивала у стремени. Негромко и тоже застѣнчиво императоръ повторялъ передъ рядами простуженымъ голосомъ: —

— Итальянцы, вамъ принадлежитъ честь славнаго дня, честь побѣды...

Когда дивизіи стали отходить въ туманъ, императоръ далъ шенкеля. Обогнавъ принца Невшательскаго и Коленкура, онъ пустилъ коня на дорогу, черезъ канаву.

Буланый конь Коленкура увязъ въ канавѣ задними ногами, задъ темно заблестѣлъ отъ стекающей грязи.

Тянулись отъ дороги темные пѣхотинцы. Какъ облако плылъ эскадронъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. Конскіе хвосты завязаны въ узлы надъ влажными касками.

У пушки, посреди дороги, лицомъ другъ къ другу, сидятъ артиллеристы; можно подумать, что

Digitized by Google

они пристально разсматриваютъ что-то на землѣ. Артиллеристы спятъ у пушки. Одинъ поднялся и замахалъ киверомъ.

— Вотъ что значитъ опоздать на часъ, — сипло сказалъ императоръ.

Коленкуръ склонилъ голову. Императоръ закашлялся отъ тумана:

— Мы опоздали въ Малоярославецъ. Русскіе смяли мой маршъ. Я думалъ у Калужской дороги дать сраженіе Кутузову, разбить, вернуться въ Москву, идти на Калугу. Русскіе обогнали меня, перерѣзали дорогу... Это значитъ — одинъ часъ.

И внезапно улыбнулся той косящей и виноватой улыбкой, которая и жалостью и восторгомъ обливала сердце Коленкура. «Это значитъ конецъ» подумалъ онъ.

— Стойте: кавалерія! — крикнулъ принцъ Невшательскій.

У перелѣска, въ плавающемъ туманѣ, вытягивалась синяя линія всадниковъ. Коленкуръ сказалъ:

— Тамъ казаки, ваше величество.

Императоръ разсмѣялся бодро, съ хрищой, утеръ съ лица росу:

— Не можетъ быть. Тамъ французы.

— Тамъ казаки, — настойчиво повторилъ Коленкуръ.

Донесся далекій вой, тягостный свистъ. Синяя линія разсыпалась, сжалась, снова разсыпалась, покатилась синими бусами.

Коленкуръ заскакалъ впередъ и повернулъ за поводъ императорскаго коня.

Эскадронъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ, откидывая плащи, пронесся мимо, на синія пятна, обдалъ вѣтромъ и кусками глины.

Вскорѣ эскадронъ поскакалъ обратно. Теперь

Digitized by Google

тамъ многіе были безъ касокъ, у нѣкоторыхъ головы обверчены плащами, сквозь которые проступала кровь. Нѣсколько коней вели на поводу, безъ всадниковъ. Конные гренадеры отогнали казаковъ.

Въ избѣ, тошная теплота и вонь табаку бросилась императору въ голову. Онъ грузно сѣлъ на лавку, въ красномъ углу, и оперъ голову на руку. Начался военный совѣтъ. Онъ не слышалъ, что ему говорятъ маршалы, ихъ голоса были похожи на бормотаніе тяжелыхъ водъ. Къ вечеру, въ запотѣвшемъ окнѣ, едва рдѣя, засвѣтилось небо.

Уже кончался день и тысячи людей ждали сигнала на полѣ сраженія, повернувъ суровыя лица къ зарѣ.

Императоръ сдвинулъ ладони съ лица, сталъ опускать руки на столъ и это было мгновеніе, или часъ, или вѣкъ, или вѣчность, когда опускались на столъ его напряженныя смуглыя руки и когда смотрѣли маршалы на едва замѣтное движеніе сѣраго рукава. Заря погасла за темной головой императора и окно потемнѣло.

Когда погасла заря, тысячи людей на полѣ узнали, что данъ приказъ отступать.

Люди переспрашивали «отступленіе, почему отступленіе?», и, недовѣрчиво оглядываясь на офицеровъ, подвязывали кивера. Артиллерія съ глухимъ лязгомъ потянулась вдоль пѣхоты, пришла въ движеніе конница. Солдаты топтались въ грязи, выравнивая ряды, строй потянулся.

Справа разгорѣлась трескотня ружей, кто-то крикнулъ «казаки», ряды заторопились, стали давить другъ друга. Залпы умолкли. Отъ Малоярославца проскакали уланы, пригибаясь къ сѣдламъ.

Взорвало фуру со снарядами, сухой грохотъ погналъ, затолкалъ колонны. Жгутъ брошенныя повозки, разбитые зарядные ящики, полевые ови-

Digitized by Google

ны. Огненныя вѣхи, указываютъ путь. Данъ приказъ отступать и сжигать, отступать и сжигать.

Императоръ верхомъ среди печальныхъ полковъ, ему факелами освѣщаютъ дорогу. И тамъ, куда докатываетъ невнятно-гремящій потокъ отступленія, впотьмахъ, люди быстро строются къ колоннамъ, догоняютъ бѣгомъ батальоны и, отбивая ногу, вливаются въ громадное движеніе, которое все ускоряется.

На походѣ императору доложили, что Кремль взорванъ и маршалъ Мортье съ послѣдними французами оставилъ Москву.

Императоръ сильно кивнулъ головой, какъ-бы одобряя все это.

Взрывъ Кремля мелкая, ничтожная месть его несбывшейся революціи, его пожара, которымъ онъ не зажегъ Россію. Теперь обратной стороной повернутся къ нему завоеванія и побѣды, онъ опрокинулся, отступаетъ, теперь все двинется обратнымъ путемъ, противъ него: его великій порядокъ обрушился, его уже влечетъ великій безпорядокъ, хаосъ, пылающая пустыня, Россія.

Великая армія тянулась отъ Малоярославца къ большой Смоленской дорогѣ. Маршъ открывала старая гвардія, за гвардіей корпусъ маршала Нея и корпусъ вице-короля, въ арріергардѣ корпусъ маршала Даву.

И когда потянулась на сѣверъ отъ Малоярославца армія императора, на югъ, откатываясь отъ Калуги, уходили въ спѣшномъ отступленіи русскіе.

Арміи разомкнулись, уходили одна отъ другой на сѣверъ и на югъ, и каждая ждала преслѣдованія, удара и гибели.

Digitized by Google

XXXII.

Государь Александръ работаетъ при свѣчахъ, въ спальнѣ дворца, на Каменномъ острову.

Подъ спину подложены подушки, государь полулежитъ на высокой постели, прикрытый до груди зеленымъ атласнымъ одѣяломъ. Одна нога согнута въ колѣнѣ, государь упираетъ въ колѣно сафьяновый портфель съ бумагами. Воротъ шелковой рубахи отстегнутъ у шеи. Лысѣющая голова какъ-бы охвачена лучистымъ нимбомъ, на вискахъ нитками золота мерцаютъ бѣлокурые волосы. У постели, на креслахъ, горитъ тресвѣчникъ.

Государь уже заготовилъ письмо къ Растопчину и отложилъ на кресло листки:

«Я былъ вполнѣ удовлетворенъ дѣйствіями Вашими при столь трудныхъ обстоятельствахъ, за исключеніемъ дѣла Верещагина, или вѣрнѣе конца его. Я правдивъ и не желаю писать Вамъ неискренно. Казни Верещагина не требовалось и особенно не требовалось того, чтобы она была выполнена такимъ образомъ»...

Дѣло чахоточнаго мальчишки-купца, зарубленнаго Растопчинскими ординарцами въ толпѣ черни, претило государю. Онъ съ ненавистью думалъ о низкомъ спектаклѣ, измышленномъ ради одного угодничества черни. Именно эта ложь, растопчинская поза, были презрѣннѣе всего, какъ и растопчинская похвальба, что «я, Растопчинъ, спасъ имперію».

Желчный честолюбецъ, неумный человѣкъ, полагающій о себѣ, какъ всѣ глупцы, что онъ умнѣе всѣхъ, записалъ себя въ спасители Россіи. А его сожженіе Москвы, второе верещагинское дѣло, однако, съ неизмѣримо ужаснѣйшими послѣдствіями.

Digitized by Google

Недаромъ съ такимъ презрѣніемъ, и уже давно, прозвали Растопчина, Ѳедькой. Ѳедька Растопчинъ спаситель имперіи, что придумать забавнѣе. Все, что Растопчинъ дѣлалъ въ Москвѣ, его болтовня и суета, его вздорная раздача оружія изъ арсенала, его мерзкіе плакарды противу французовъ съ кабацкими рацеями Корнюшки Чихирина, его площадныя рѣчи, расправы и, наконецъ, самое истребленіе Москвы, все претило государю. Хороша имперія, спасаемая поджигателями изъ каторжанъ, и хороша побѣда, дарованная по милости оберъ-полиціймейстера, убравшаго изъ города пожарные рукава...

«Сожженіе Москвы, истребившее провизію и надежды на зимнее продовольствіе, произвело то, что непріятель не можетъ остаться тамъ. Пожертвованіе Москвы избавитъ вселенную отъ власти тирана»...

Государь вспомнилъ эти слова изъ письма Роберта Вильсона, которыя онъ самъ не разъ, съ пріятной улыбкой, повторялъ на людяхъ.

Англійскій генералъ, избравшій себѣ роль Вергилія въ нынѣшнемъ Дантовомъ аду, такъ писалъ ему еще отъ Красной Пахры, черезъ нѣсколько дней послѣ пожара. Этотъ британецъ съ зоркими глазами, менторъ въ неизмѣнномъ красномъ мундирѣ, не ошибся: Наполеонъ въ безпорядочномъ отступленіи. Во все вмѣшался Ѳедька со своимъ пожаромъ и, гляди, угодитъ въ избавители вселенной. Но спасеніе Россіи пожаромъ не перестаетъ быть опаснымъ, зловѣщимъ спасеніемъ. Знакъ слабости, а не силы имперіи, заключенъ въ немъ.

Государя давно раздражаетъ этотъ самоувѣренный англійскій генералъ, выбирающій для Россіи судьбу.

Государь принялъ съ креселъ послѣднее письмо

Digitized by Google

Вильсона, отъ 13 октября, послѣ Малоярославской побѣды. Самоувѣренное и вѣжливое презрѣніе Вильсона весь день скрытно гнѣвало государя, но точно наслаждаясь оскорбительнымъ пренебреженіемъ англичанина, онъ сталъ перечитывать письмо:

«Бездѣйствіе фельдмаршала послѣ побѣды надъ Мюратомъ, когда должно было двинуться со всей арміей влѣво, медленность его въ присылкѣ помощи генералу Дохтурову, личная медленность въ прибытіи на мѣсто сраженія къ пяти часамъ вечера, хотя онъ цѣлый день пробылъ отъ сраженія въ пяти верстахъ, личная осторожность во всѣхъ дѣлахъ, нерѣшимость въ совѣтахъ, подверженіе войскъ Вашего Величества пагубнѣйшему безпорядку по недостатку необходимыхъ распоряженій, и поспѣшность безъ причины, столь важныя погрѣшности, что я принужденъ говорить о нихъ».

«Лѣта фельдмаршала и его дряхлость могутъ нѣсколько послужить ему въ извиненіе и потому можно только сожалѣть о той слабости, которая заставляетъ его говорить, что онъ не имѣетъ другого желанія, какъ только принудить непріятеля оставить Россію, когда отъ него зависитъ избавленіе дѣлаго свѣта. Но такая физическая и моральная слабость дѣлаютъ его неспособнымъ къ занимаемому мѣсту, отнимаютъ должное уваженіе къ начальству и предвѣщаютъ несчастья»...

— Подумать, такъ одинъ господинъ Вильсонъ ведетъ кампанію, а одинъ господинъ Растопчинъ ему помогаетъ, — побормоталъ государь съ быстрой и непріятной усмѣшкой, складывая письмо.

— Спасители имперіи, освободители вселенной...

Онъ хорошо знаетъ цѣну старому Свѣтлѣйшему. Безъ сомнѣнія такъ все и было, какъ съ точностью

Digitized by Google

описалъ Вильсонъ, но Кутузовъ, какъ онъ есть, слабѣющій, съ одышкой, засыпающій на военныхъ совѣтахъ, Фабій Кунктаторъ россійской, когда-бы этотъ Кутузовъ не остановилъ Наполеона подъ Бородинымъ и не разбилъ теперь подъ Малоярославцемъ, а былъ-бы разбитъ французами, что далъ-бы господамъ Вильсонамъ московскій пожаръ и гдѣ было-бы нынче избавленіе Россіи?

Государь задумался и Россія снова предстала ему въ эту ночь, какъ во многія другія, темная громада, освѣщенная заревомъ Москвы, странная, противорѣчивая, съ босыми рабынями на помпейскихъ мозаическихъ полахъ барскихъ залъ, подобныхъ аттическимъ храминамъ, съ римскими креслами въ барскихъ гостиныхъ и тошнымъ запахомъ нужниковъ въ прихожихъ, съ академіями наукъ и художествъ и толпами зловонныхъ кликушъ на папертяхъ древнихъ церквей, съ безгласными милліонами босыхъ рабовъ и толпой наряднаго барства, Россія, темный океанъ земель и соломенныхъ крышъ, надъ которыми маячутъ видѣнія дорическихъ и коринѳскихъ колоннадъ, огромная и дымящая Россія.

Кому надобны аттическія колоннады въ темной странѣ рабства? Мгла рабства въ бѣлыхъ глазахъ мужиковъ, въ пресыщенныхъ глазахъ барства, въ душахъ, въ воздухѣ. Имперія не устоитъ на рабствѣ и такая имперія есть ложь, а онъ жаждетъ истины. Въ утвержденіе истины и во славу Божью онъ принялъ Россію. Онъ введетъ освобожденное отечество, до послѣдняго гражданина, подъ свѣтлую сѣнь имперіи, онъ утвердитъ имперію отечествомъ свободы и просвѣщенія.

Съ нетерпимой жалостью, онъ вспомнилъ, какъ мимо Царскосельскаго дворца шла въ походъ гвардія, какъ молодые солдаты въ бѣлыхъ штанахъ и

Digitized by Google

высокихъ киверахъ съ сіяющими орлами, оглядывались на галлерею и весело кричали, онъ вспомнилъ ихъ свѣтящіеся глаза. Онъ вспомнилъ мужиковъ-ополченцевъ, рывшихъ траншеи, ихъ мокрыя рубахи, прилипшія къ костлявымъ лопаткамъ, волосы, стянутые ремешками, какъ у древнихъ жрецовъ. Ополченцы бѣжали за его коляской съ радостнымъ ревомъ. У всѣхъ свѣтились глаза. Все свѣтлое движеніе Россіи, ея дороги, полки, обозы, госпитали, мокрые отъ крови носилки, глаза раненыхъ съ телѣгъ, матросовъ въ холщевыхъ куртках, вбивающихъ сваю, старовѣрческихъ бабъ въ острыхъ шлыкахъ, гдѣ-то встрѣтившихъ его на колѣняхъ, стаю обритыхъ каторжанъ, гдѣ-то имъ видѣнныхъ на цѣпи, онъ вспомнилъ милліоны свѣтящихся, восторженныхъ глазъ, волны свѣта, Россію, ожидающую одного его чудеснаго мановенія.

Мановеніе будетъ. За него Богъ. Наполеонъ въ бѣгствѣ. Завоеватель падетъ и тогда онъ свершитъ въ Россіи то, чего еще не свершили до него. Что-то еще не дышетъ, погружено во тьму, отягощено мертвящимъ рабствомъ въ Россіи.

Онъ вдохнетъ живой свѣтъ въ милліоны русскихъ душъ, Россія отъ днища до вершины станетъ однимъ дыханіемъ правды и справедливости, Домомъ Господнимъ. Или не сказано, что Самъ Богъ есть свобода? Молитва милліоновъ людей, свободное дыханіе Россіи, вотъ одно его оправданіе.

Они сошлись смертельными врагами съ Наполеономъ, одинъ будетъ побѣжденъ. Одинъ уже побѣжденъ, но ихъ судьбы не противоположны. Въ дикой грозѣ революціи родился Наполеонъ. Революція учила и Александра и Павла... Первые годы онъ страшился тронуть батюшкины бумаги. Недавно открылъ портфель покойнаго. Онъ едва понималъ небрежный батюшкинъ почеркъ, но въ этихъ

Digitized by Google

загадочныхъ замѣткахъ на пожелтѣлыхъ листахъ, съ горестнымъ изумленіемъ, увидѣлъ онъ самаго себя, какъ бы въ неясныхъ водахъ. Планы батюшки тоже были о мирѣ сѣвера съ полуднемъ. Союзъ сѣвернаго самодержца Павла съ якобитомъ Бонапартомъ, походъ съ французами на Индію, вся суша противъ Англіи, слѣды недоговоренныхъ и великихъ замысловъ отца отыскалъ онъ въ помѣткахъ.

Государь припалъ разгоряченной щекой къ подушкѣ. Однимъ дыханіемъ онъ шепчетъ свое потаенное, ночное слово:

— Батюшка...

Всѣ его размышленія, всѣ планы, которые только представляются ему, всѣ мысли о войнѣ, о Россіи, о человѣчествѣ, о Богѣ, всегда нечаянно и всегда непримѣтно наталкиваются на это потаенное, почти безмолвное слово.

Прижимаясь щекой къ подушкѣ, неувѣреннымъ дѣтскимъ движеніемъ скашивая глаза, онъ смотритъ на двери спальни. Такъ онъ ловитъ себя на странномъ ожиданіи, что дверь безшумно отворится и станетъ на порогѣ государь Павелъ Петровичъ, въ ботфортахъ и въ черной треуголкѣ, съ мерцающей звѣздой на борту Преображенскаго мундира.

Невыносимое чувство тоски и безсилія охватывало государя. Все отходило, меркло, все становилось ничтожнымъ и далекимъ, Россія, Наполеонъ, пораженія, побѣды, гибель, отечество, люди. Онъ лежалъ одинъ въ пустотѣ спальни, въ великой пустотѣ тьмы, съ открытыми пустыми глазами. Никогда не придетъ отецъ. Ничто не нарушитъ молчанія смерти. Чуда не будетъ. Онъ ничего не свершитъ, онъ не можетъ поднять руки, не въ силахъ пошевелиться, онъ лежитъ, недвижимый, въ пу-

Digitized by Google

стотѣ, и въ немъ самомъ гнѣздится молчаніе и пустота смерти.

Не онъ, а воля Божья движетъ Россію. Онъ ни къ чему не прикоснется. Будь, что будетъ.

Онъ не знаетъ куда Богъ движетъ Россію, въ крови и блистаніяхъ, куда ужасное движеніе, къ избавленію вселенной, къ величеству, гибели, все равно: не перемѣнить движенія.

Оплыли свѣчи. Уже по-утру онъ разберетъ пачку донесеній изъ полевой квартиры и напишетъ Кутузову.

Письмо къ Свѣтлѣйшему было отослано утромъ: высказывая фельдмаршалу недовольство, государь почти повторялъ въ письмѣ слова англійскаго генерала Вильсона.

XXXIII.

Голыя пашни стали однимъ истоптаннымъ пополемъ. Никто не узнавалъ больше той самой дороги, по которой армія шла къ Москвѣ.

Тысячи людей уже оставляли строй и войска шли толпами и кавалеристы безъ лошадей смѣшивались съ пѣхотой. Вестфальцы и поляки раньше другихъ приходили въ деревни и кто шелъ за ними только торопился пройти черные груды пепла.

Тысячи три русскихъ плѣнныхъ гнали съ великой арміей изъ Москвы. Въ этой толпѣ русскихъ солдатъ были и купцы, и слуги, и дворовые. Плѣнныхъ велъ батальонъ португальцевъ.

На ночь русскихъ огораживали, какъ скотину, имъ не разжигали огня. Русскіе ложились въ грязь и въ снѣгъ покорнымъ стадомъ. Еще на первомъ маршѣ командиръ португальскаго батальона отдалъ имъ трехъ жеребятъ, это былъ ихъ первый и единственный порціонъ: плѣнныхъ нечѣмъ было кормить.

Digitized by Google

Уже на второмъ маршѣ многіе на ходу выламывали ребра колѣлыхъ лошадей и ѣли куски сырой конины, почернѣвшей отъ времени и мороза. Многіе глотали рыхлый снѣгъ, захватывая его на ходу горстями съ краевъ дороги, или подбирали мерзлые куски конскаго навоза. А многіе не ѣли ничего и, глубоко засунувъ руки въ рукава шинелей, шли понуро и быстро.

Тамъ, гдѣ шла русская толпа былъ слышенъ глухой и быстрый топотъ, подобный шумному вѣтру.

Русскіе шли наклонясь впередъ, какъ будто неумолкаемый вѣтеръ гналъ ихъ желѣзнымъ жезломъ. На стоянкахъ, въ потемкахъ, они ложились въ стылую грязь съ тихимъ гуломъ и ни одного голоса не было слышно на разсвѣтѣ, когда, въ дымящемъ моросивѣ, ихъ подымали гортанные крики конвоировъ.

Исхудалыя лица и самые глаза, все было сѣрымъ, сквозящимъ, въ этой безмолвной толпѣ. Шла Россія свѣтловолосая, источеная и безплотная, Россія сквозящая, толпы видѣній.

Можетъ быть португальцы дѣлились бы съ ними сгорѣвшей на угольяхъ кониной, горстями гнилой ржи, пускали бы грѣться къ своимъ кострамъ, если бы, съ каждымъ шагомъ, не открывалась все ужаснѣе дорога отступленія: вытоптанное поле, ребра порубленныхъ лѣсовъ, и ползущая мгла пожаровъ, куда текли черными рукавами обозы, кони, пушки, штыки, тусклый адъ, когда все опрокинулось, все измѣнилось и стало безжалостнымъ.

Португальцы кричали отъ страха, подгоняя безмолвную толпу, и отъ безжалостнаго страха пристрѣливали отсталыхъ.

Уже никто не могъ присѣсть на маршѣ, перевязать ноги или набрать въ горсть снѣга. Съ карканіемъ сбѣгались конвоиры и когда не подымал-

Digitized by Google

ся плѣнный, кто-нибудь изъ португальцевъ прижималъ къ его затылку дуло. Выстрѣлъ былъ сырой и короткій. Скаля зубы отъ страха, они еще думали, что это смѣхъ, португальцы называли такіе разстрѣлы «полунощной похлебкой».

Русскіе, тѣснясь, обходили разстрѣлянныхъ: трупы были похожи другъ на друга, какъ комья дымящаго тряпья, и всѣ лежали въ грязь лицомъ. Разстрѣлянныхъ обходили и пѣшія колонны: ряды раздвигались сами, безъ команды, оставляя узкую тропинку, на которой дымился трупъ.

Трупы русскихъ обходила и кавалерія, но сама дорога, изрытая тысячами ногъ и копытъ, засасывала ихъ, и скоро въ стылой грязи были только видны голыя спины. Пушечныя колеса вбивали ихъ въ землю безслѣдно.

На первыхъ маршахъ несло мокрый снѣгъ съ дождемъ, но скоро поднялись морозы, сухіе, съ пронзающимъ вѣтромъ. Вѣтеръ хлопалъ полами обмерзлыхъ плащей, стягивалъ лица желѣзной корой. Отъ терзающей боли стонали люди и кони.

У Можайска плѣнныхъ согнали въ болото. Проломивъ тонкій ледъ, они стояли по щиколотки въ ледяной водѣ, повернувъ головы къ дорогѣ.

Тамъ, сомкнутыми эскадронами, шла конница императора. Дыбило жесткія гривы коней. Бросало пряди конскихъ хвостовъ надъ мѣдными касками. Кирасиры хвостами касокъ зажимали лица. Часто это были нѣжныя женскія волосы, завѣтныя пряди женъ, невѣстъ и сестеръ, отрѣзанныя въ походъ, на вѣрность и на любовь.

Кавалерія исчезла въ туманѣ и плѣнныхъ вывели на дорогу.

Въ первыхъ рядахъ шелъ Кошелевъ, слѣва отъ него Евстигней. Кошелевъ слышалъ трудное дыханіе каретника.

А справа шелъ босой солдатъ въ синихъ рейту-

Digitized by Google

захъ, трубачъ драгунскаго полка. Рейтузы расходились углами внизу его ногъ, обвязанныхъ мочалкой. Это былъ сдаточный барскій парень, рослый и кроткій, со свѣтлыми какъ солома волосами. Его драгунская шинель, съ оборваннымъ рукавомъ, была вправлена на животѣ подъ синія рейтузы. На плечѣ трубача вѣтеръ трепалъ желтую этишкетку.

Трубачъ улыбался, такъ казалось Кошелеву, и, забравъ въ пальцы обшлагъ, стиралъ съ лица иней, и говорилъ недоумѣнно, даже весело, казалось такъ Кошелеву:

—А-ахъ, мать честная...

Крутило сухой снѣгъ, поземную метель, бѣлымъ дымомъ одѣло даль. Колонна плѣнныхъ тянулась мимо Можайска. Тамъ ползло пожарище. Въ черномъ дыму, далеко, бѣлѣлась Можайская колокольня, не тронутая огнемъ.

Кошелевъ узналъ дорогу, это поле, въ бляхахъ инея, эту глинистую землю, тусклый пустырь, надъ которымъ носетъ дымъ поземки, поле Бородина.

Скоро и онъ и другіе стали натыкаться на подкорченныя руки, торчащія изъ мерзлой глины, на костяки лошадей, съ вытянутыми, какъ желѣзные столбы, ногами. Обгорѣлыя клочья, обрывки мундировъ, унизывали какъ дрожащими флажками, цѣпкій кустарникъ. Въ сивой травѣ желтѣлъ латуннымъ бокомъ прорванный барабанъ, до верху полный земли. Ружья, вбитыя въ землю штыками, торчали, какъ частоколъ: тутъ прошла атака пѣхоты или сдался батальонъ.

Кожаные кивера, набравшіе земли въ круглыя пасти, хрустѣли и трескались подъ ногами, влажно чавкало солдатское тряпье, вывороченное изъ ранцевъ. У разбитыхъ зеленыхъ фургоновъ, у русскихъ пушечныхъ лафетовъ, точно собранные кѣмъ-то, лежали въ рядъ рослые мертвецы. Лица ихъ побѣлѣли и всѣмъ выѣло стужей глаза.

Digitized by Google

На Бородинскомъ стлищѣ, въ полѣ, покинутомъ живыми, уже больше мѣсяца творилось въ безмолвіи чудо смерти, таинство причастія жизни новой, и ползали и сливались въ студень груды тѣлъ, текли подъ дождемъ, и стали прорастать костяки осенней травой, но поднялись морозы и сосущая, шевелящаяся работа земли, которая заставляла сползать куски волосъ, кропила звѣздами ржавчины промятыя каски французскихъ кирасиръ, это медленное осѣданіе и втягиваніе въ вѣчно живую землю, уже забившую открытые рты мертвецовъ, остановились на время: поле Бородинскаго сраженія замерзло.

Далеко передъ собой Кошелевъ увидѣлъ срѣзанную сверху пирамиду, одинокій бастіонъ. На самой вершинѣ бастіона былъ виденъ мертвецъ, часовой, озирающій буйвище смерти.

Тамъ былъ редутъ.

Тамъ былъ редутъ, Кошелевъ не вспомнилъ его имени, но вспомнилъ ночь въ деревнѣ, которая была здѣсь тогда. Его рота строилась на улицѣ, а онъ стоялъ подъ окномъ избы и смотрѣлъ на стремнины августовскихъ звѣздъ. Онъ слушалъ подъ окномъ, что читаетъ молодой генералъ Кутайсовъ. Онъ видѣлъ лицо генерала, склоненное надъ свѣчей. Изба была полна офицеровъ, но тамъ было тихо. Тихо строились гренадеры на улицѣ. Генералъ Кутайсовъ читалъ при свѣчѣ пѣсни Картона, вождя Британцевъ, героя Оссіановой поэмы. Такъ было, но будто бы въ иной вѣкъ и съ инымъ Кошелевымъ...

Онъ вспомнилъ, какъ на зарѣ, гренадеры потянулись мимо синѣющихъ холмистыхъ пашенъ за деревню. Верхомъ, со свитой, точно на раннюю прогулку, ихъ обогналъ Свѣтлѣйшій. Долго маячила его бѣлая фуражка. У косогора Свѣтлѣйшій сошелъ съ коня. Оттуда, въ синеватомъ туманѣ, открывалась анфилада прохладнаго поля, съ до-

Digitized by Google

горающей линіей бивуачныхъ огней. Полки становились въ ружье. Такъ было, въ иномъ вѣкѣ.

Онъ вспомнилъ, какъ гренадеры, озаряемые вихрями пушечнаго огня, прошли рощу, померкая въ дыму, какъ проскакалъ мимо конь, звеня пустыми стременами. Онъ узналъ англійское сѣдло въ крови: подъ такимъ сѣдломъ подали на разсвѣтѣ коня молодому Кутайсову. Слышалась команда: «стой, стой», но гренадеры шли. У зарядnаго ящика, въ дыму, доходившимъ по грудь, стоялъ высокій генералъ. Кошелевъ узналъ его сухощавое лицо и лысый лобъ: Барклай де-Толли. Онъ что-то жевалъ и улыбался подъ французской картечью. Въ пороховомъ дыму скакали блистающіе великаны. Это конница французовъ, обезумѣвъ отъ атакъ, носилась по всему полю, заскакивая въ свиты русскихъ генераловъ, на батареи.

И была сырая, темная ночь, когда подали команду отступать и батальоны заторопились вдоль березовой рощи, на дорогу, забитую ранеными, телѣгами, артиллерійскими ящиками. Такъ было, въ иной вѣкъ, съ инымъ Кошелевымъ.

Иное теперь, метель, мертвецы, Россія.

Кошелевъ посмотрѣлъ на босого трубача, на восковое лицо каретнаго мастера и на себя посмотрѣлъ Кошелевъ, на ноги, обмотанныя черной соломой, на овчину, пожухлую отъ инея, на снѣгъ, не тающій на рукахъ. И ему почудилось, что онъ слышитъ стукъ своихъ обмерзшихъ костей.

И это было единственно живое, единственно истинное, что идетъ онъ по ледяной землѣ, стуча костями, а съ нимъ ведутъ трубача, Евстигнея и тѣхъ, чьи лица рѣютъ въ мельканіи метели, Россію ведутъ, какая есть, Россію, попирающую смерть. Онъ содрогнулся. Все, что мерещилось раньше, въ иные вѣка, иному Кошелеву, все сгинуло небылымъ, лживымъ видѣніемъ передъ этой

Digitized by Google

Россіей, съ которой вмѣстѣ ведутъ его. И всѣ страданія, ноющая пустота голода, мерзлый топотъ шаговъ, вопли вѣтра, все озарилось внезапно. И онъ повторялъ съ сіяющими глазами:

— Съ нами Богъ, съ нами Богъ...

Трубачъ обернулся и замоталъ головой, соглашаясь или не соглашаясь, и мотая головой, скосивъ глаза, повалился бокомъ на дорогу.

Плѣнные стали. Два конвоира растолкали толпу. Одинъ потянулъ трубача за ремешки этишкетки. Другой провелъ ладонью по заиндѣвшимъ волосамъ, словно погладилъ, и пригнулъ ему голову.

Прогремѣлъ сырой выстрѣлъ и всѣ пошли, точно выстрѣлъ и было то, что заставляло итти.

XXXIV.

Въ сумеркахъ толпу остановили у полевого овина.

Кошелевъ положилъ голову на холодныя колѣни каретника, въ дремотѣ или полубреду. Каретникъ толкнулъ его. Онъ тотчасъ открылъ глаза. Они сидѣли у самой стѣны, прижатые къ ней грудой тѣлъ. По чернымъ бревнамъ, отогрѣтымъ дыханіемъ, плыла грязь.

— Прорублено въ бревнахъ, — ясно сказалъ Евстигней. — Въ поле ходъ есть, пошарь.

У самой земли, былъ прорубъ. Кошелевъ увидѣлъ смутный свѣтъ и какъ близко качается сухая вѣтка.

— Пролазь, Петра, я за тобой, — сказалъ каретникъ, надавивъ ему ладонью спину. Кошелевъ поползъ въ прорубъ на животѣ.

Когда снѣгъ сталъ царапать ему грудь, что-то въ немъ сжалось, напряглось, и теплый потъ ора-

Digitized by Google

силъ спину. Онъ очнулся, онъ понялъ, что это не видѣніе, не сонъ, онъ ползетъ, онъ живъ, онъ снова сталъ жить.

У погасшаго костра, въ тѣсную кучу, сбились конвоиры, спятъ.

— Пойдемъ, — передохнулъ Кошелевъ. — А вотъ пойдемъ... Съ нами Богъ.

Они выбрались изъ оврага. Скрежеталъ кустарникъ. Вѣтеръ сдувалъ снѣгъ съ огромнаго поля. Они пошли на бѣловатую стрѣлу зари въ темномъ небѣ.

Дорога была выше, надъ откосомъ, и верстовой столбъ долго маячилъ передъ ними. Они не узнали той самой дороги, по которой ихъ гнали вчера.

По откосу изъ снѣга торчали ноги въ изодранныхъ штиблетахъ, подальше руки. Повозка врылась оглоблями въ сугробъ. Въ повозкѣ кто-то былъ. Свѣсивъ костлявую руку въ бинтахъ, концы которыхъ мотало по вѣтру, въ повозкѣ сидѣлъ, подкорчась, капитанъ гвардейскихъ стрѣлковъ Сенъ-Клеръ. Еще сжимались пальцы правой руки, и это было послѣднее движеніе Сенъ-Клера, которое началось подъ Малоярославцемъ, когда его опускали въ повозку маркитанта, движеніе руки къ шеѣ, чтобы тронуть тамъ тонкій золотой медальонъ.

Они выбрались изъ оврага. Съ края дороги, загибавшей дугой въ полѣ, выходила дымная толпа. Это была спѣшанная французская кавалерія. Впереди, опираясь на трость, шелъ офицеръ въ шубѣ и треухѣ, за нимъ, накинувъ на головы плащи, толпа солдатъ.

За дорогой былъ низкій ельникъ. Евстигней, въ изодраной рубахѣ, волосы въ снѣгу, пробирался въ кустарникѣ. Кошелевъ видѣлъ его голыя плечи въ инеѣ и царапинахъ. Они шли долго.

Брякнулъ выстрѣлъ, горячимъ воздухомъ обдало Кошелеву високъ, каретникъ, ахнувъ, пова-

Digitized by Google

лился головой ему въ ноги. Дымъ закачался надъ ельникомъ.

Мужикъ въ пояркѣ, мигая бѣлыми рѣсницами, раздвинулъ вѣтви рукавицей, съ его сивой бороды посыпало снѣгъ. Изъ кустовъ выпрыгнулъ человѣкъ въ зеленомъ артиллерійскомъ шпенцерѣ и парень въ солдатской безкозыркѣ, подвязаной черной суконкой. На щекѣ парня морозъ проѣлъ сизый пятакъ.

— Свои! — крикнулъ Кошелевъ, осѣдая на колѣни.

— Кто таковъ?

Человѣкъ въ шпенцерѣ обдалъ его запахомъ скисшаго вина.

— Свои, свои, свои, — покачивался на колѣняхъ Кошелевъ.

Евстигней пытался подняться, но его жилистыя руки дрожали отъ тяжести тѣла и онъ падалъ на животъ, скашливая кровью.

— Никакъ по свому стрѣляли? — сказалъ мужикъ въ пояркѣ, затыкая рукавицы за поясъ.

— Свои. Я Кошелевъ. Плѣнные...

— Какой Кушельковъ, что за Кушельковъ, я те дамъ Кушелькова! — кричалъ человѣкъ въ шпенцерѣ. — Мужики, взять Кушелькова!

Вышли сивобородые, съ топорами за поясомъ. Обступили молча, мигая смерзлыми рѣсницами.

Кошелевъ развелъ руками и сказалъ съ дрожащей улыбкой:

— Братцы, братцы, свои...

Мужики, скрипя лаптями, обступили и каретника. Они стояли вокругъ, слушая его икоту и клекотаніе. Парень въ безкозыркѣ, съ сизымъ пятакомъ на щекѣ, смортнулъ носомъ:

— Баринъ ташшить приказалъ. Подымай, што-ли..

Онъ сталъ выгребать снѣгъ изъ подъ ногъ Ев-

Digitized by Google

стигнея. Сначала его волокли за ноги, потомъ подняли на плечи.

— Ти-и-жолой — побормоталъ съ натуги одинъ изъ мужиковъ и сплюнулъ.

XXXV.

Колеса то скрипѣли по мерзлой землѣ, то шумѣли въ лужахъ. Овчина, которой былъ накрытъ Кошелевъ, дымилась кислымъ паромъ. Шелъ мокрый снѣгъ съ дождемъ.

Онъ видѣлъ спину возницы и его жесткій затылокъ въ продольныхъ морщинахъ. Рядомъ лежалъ въ телѣгѣ каретный мастеръ, накрытый тулупомъ. Впалыя щеки каретника были мокрыми отъ дождя, а вѣки крѣпко зажаты. Словно онъ спалъ.

— Куда ты везешь? — тихо позвалъ Кошелевъ, садясь въ телѣгѣ. Втянулъ сквозь ноздри запахъ мужика, конскаго пота, сырого вѣтра.

Возница обернулся.

— Анъ, ты и сѣвши. Ты баринъ, лечь доложенъ, тряско гораздъ...

— Куда ты везешь? — повторилъ Кошелевъ.

— Къ полкамъ наказано везть, стало-быть, въ войски. Нашъ баринъ ошарилъ тебя. У него, сказывать, тѣло барско, мнѣ видать, и рубаха, оно лоскутье, а нашей дворовой пряжи рубаха, и у товарища твово, котораго стрѣлили, хрестъ. Стало-быть наши... Въ полки везу, а ты сѣвши. Ты, баринъ, лягъ... Ты, стало-быть, отъ нехристя сбѣгъ?

— Ахъ, братецъ, да.

— Квасокъ подъ сѣнцомъ-то, въ ногахъ, — охотно сказалъ мужикъ. — Испей, когда хотца...

Мужикъ придержалъ лошадь, Кошелевъ отвязалъ съ кадушки сырое рядно. Онъ пилъ, закинувъ

Digitized by Google

голову, а мужикъ смотрѣлъ на него, внимательно двигая бѣлесыми бровями.

Кошелевъ легъ и накрылся овчиной.

— Господи, Боже, Спасе мой, — прошепталъ онъ, закрывая глаза.

Мужикъ подмялъ подъ себя армякъ.

— Ну-у, Манька-дура, пади...

Закружило мутное поле. Стога сѣна тянутся у дороги, верхушки въ сѣромъ снѣгу, вѣтеръ треплетъ черные, точно сгорѣвшіе, концы длинныхъ травинъ.

Темное облако пара заколыхалось впереди: тамъ ведутъ непріятельскихъ плѣнныхъ. Бабы въ онучахъ, мужики въ мокрыхъ лаптяхъ, шагаютъ у дороги, по лужамъ, у двухъ мужиковъ ружья на плечахъ. Возница смотрѣлъ на шествіе, скинувъ въ бокъ ноги. Плѣнныхъ гнали гуськомъ, руки у всѣхъ были перекручены на спину веревкой. Веревка тянулась отъ узла къ узлу, ея конецъ держалъ сумрачный, невысокій мужикъ, въ тяжелой шапкѣ, похожей на рыхлый куличъ.

Поводырь остро и недовѣрчиво посмотрѣлъ на телѣгу. Также посмотрѣли всѣ бабы и мужики.

А плѣнные шли, опустивъ головы и глядя въ землю, грязные, заерошеные, въ синихъ мундирахъ съ желтыми отворотами, въ измятыхъ киверахъ, повязаныхъ мочалами, въ оборванныхъ шинеляхъ, въ лохмотьяхъ красныхъ куртокъ, съ длинными височными плетешками и толстыми пучками волосъ на затылкѣ, безъ сапогъ, прикрытые однимъ одѣяломъ, съ дырой въ серединѣ для головы. У всѣхъ слезились глаза, покраснѣвшіе отъ стужи.

— Здравствуй, дяденька Ѳома, — окликнула возницу молодая баба и зашлепала по лужамъ къ телѣгѣ, поднявъ подолъ на животѣ такъ, что стали видны надъ сѣрыми онучами очень бѣлыя, съ ямкой, колѣни.

Digitized by Google

Ѳома тотчасъ прыгнулъ съ телѣги.

— Здорово, Марфынька, здорово, ясная. А я, стало, не призналъ каки-таки мужики. А вы Завалишенски.

Къ телѣгѣ ступилъ еще мужикъ, очень блѣдный, чернобородый, съ французскимъ мушкетомъ на плечѣ.

— Эва, и Тимошка Кволой, — осклабился Ѳома.

Всѣ мужики смотрѣли теперь довѣрчиво и чуть насмѣшливо.

— Откель волочите?

Ѳома вынулъ изъ-за пазухи кисетецъ, шитый въ голубые и красные уголки.

Кволый Тимошка молча вдулъ съ пальца въ ноздрю табачные корешки, а молодая, полногрудая баба взялась за телѣгу, заговорила на распѣвъ:

— Въ деревнѣ, по барскому загуменью забраты. Казаки пригнали, берите ихъ, мужики, когда хотца, казаки велятъ, а намъ времени нѣту. Которыхъ перебили, а эфтихъ ведемъ.

— Нада ихъ было ташшить...

Плѣнные, не подымая головъ, стояли другъ за другомъ, гуськомъ. У нѣкоторыхъ была отставлена нога, и вѣтеръ трепалъ лохмотья суконныхъ штановъ. Они всѣ стояли, заложивъ руки за спины и наклонивъ головы, что давало имъ сходство съ задумчивыми мыслителями.

Кошелевъ отвелъ овчину. Чистое и красивое лицо бабы склонялось надъ нимъ.

— Ай, дядя Ѳома, кого везешь, никакъ нехристь?

— Не бойсь: нашіе оба. Нами же стрѣлены.

Кошелевъ увидѣлъ и плѣнныхъ, не лица ихъ, а рваные рукава мундировъ, въ пятнахъ, съ мѣдными пуговицами, и какъ у одного разстегнута на

Digitized by Google

голой груди красная куртка, и ея острый уголъ, съ золочеными петлями, треплется на вѣтрѣ.

Ѳома снялъ рукавицу, собралъ въ горстку мокрую бороду. Мужики что-то заговорили вполголоса, глядя на плѣнныхъ. Говорили они что-то стыдное, потому что полногрудая баба залилась стыдливымъ смѣхомъ и отвернулась.

Ѳома ступилъ къ плѣннымъ. Онъ съ размаха ударилъ кулакомъ усатаго сухопараго француза, въ красной куркѣ. Французъ былъ безъ штановъ, тряслись отъ стужи его посинѣвшія жилистыя ноги, а голова была обмотана повязкой, какъ чалмой, слѣзшей на глаза. Ѳома билъ по чалмѣ. Подъ чалмой вращался глазъ француза, выкаченный, налитой кровью, и черная кровь сочилась по шевелящимся усамъ. Французъ закачался впередъ, назадъ, и потянувъ веревку осѣлъ въ мокрый снѣгъ. Всѣ плѣнные, ихъ было человѣкъ двѣнадцать, попятились на него и кто былъ впереди сталъ падать назадъ, но удержался. Они стояли, не оглядываясь, опустивъ головы.

Французъ простоналъ невнятно и грустно:

— Шер-ами, шера-ми.

Дымящіеся спины мужиковъ заслонили француза. Кошелевъ жалобно позвалъ:

— Братецъ, братецъ, поѣдемъ.

Мужики всѣ разомъ оглянулись. Ѳома прыгнулъ въ телѣгу, ударилъ кобылу вожжей. Телѣгу рвануло, Кошелевъ повалился навзничь.

Онъ слышалъ въ трескѣ обрывки словъ возницы:

— Стерьвой воняетъ... Воронъ требухи не клюетъ... Она, матушка... Землю... Нонѣшняго году травы двое разовъ подъ косу ложились... Забрать... Спасе Сусе... Помиловалъ... Пашенье барско...

Digitized by Google

Непонятный страхъ подняли въ Кошелевѣ смутныя слова.

— Тащутся, отощалые... У насъ не водятъ. Бабы за пятакъ покупаютъ: самимъ хотца прибить. Одна серпомъ пырнетъ, друга цѣпомъ, веретеномъ въ глазы тычетъ. Мучаютъ, мучаютъ, инда жалость станетъ глядѣть. Подойдешь, стало, да хватишь его топорищемъ по головѣ, а бабы тѣ, ругаться почнутъ, пошто имъ не далъ убить нехристя до смерти...

И такъ говорилъ Ѳома, такъ сплевывалъ и покачивалъ головой, точно слушалъ кого-то въ туманѣ и съ кѣмъ-то соглашался. Лошадь пошла ровно. Ѳома пересталъ потряхивать вожжей, замолкъ.

Потомъ тоненькимъ голосомъ сталъ напѣвать нѣчто длинное.

Кошелевъ слушалъ его тоненькое пѣніе, глядя въ небо. Онъ слѣдилъ за полетомъ мокраго снѣга. Пѣніе мужика, снѣгъ, сырой шорохъ, все стало однимъ непроходимымъ сновидѣніемъ, давящимъ невыносимой тоской и пустотой, безсмысленнымъ однообразіемъ, похожимъ на пѣніе возницы.

XXXVI.

— Тпррр-уу, — перелился голосъ. Телѣга стала. Шаги зашлепали куда-то въ сторону. Утихли.

Изъ сѣраго неба, сверху, такъ показалось Кошелеву, наклонились двѣ головы въ мокрыхъ киверахъ съ орлами. Двое безусыхъ, сѣроглазыхъ солдатъ, съ каплями дождя на бровяхъ, смотрѣли на него.

— Братцы, братцы, — зашепталъ Кошелевъ и вдругъ вскрикнулъ звонкимъ и чужимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Родимые!

Два кивера, съ легкимъ трескомъ, стукнулись другъ о друга. Ѳома, держа шапку и вожжи въ рукахъ, повелъ кобылу вдоль глинистаго откоса.

Подъ высокимъ шестомъ, гдѣ хлопался полковой значекъ, три барабанщика, мальчишки въ узкихъ мундирчикахъ съ желтыми наплечниками, отбивали дружно и съ увлеченьемъ вечернюю зорю, склонивъ головы на бокъ.

Кошелевъ закрылъ руками лицо.

Ѳома, осторожно велъ лошадь подъ уздцы, по мокрымъ настиламъ. Отъ барабанной дроби кобыла прядала ушами и прихрапывала.

Къ ночи, полковой цирюльникъ принесъ въ пустую избу отъ командира гренадерской дивизіи его сіятельства графа Павла Александровича Строганова, его высокоблагородію господину гвардіи капитану Петру Григорьевичу Кошелеву, пачку слежалаго по складкамъ бѣлья, помятый гренадерскій мундиръ, флаконъ лавендовой воды, полотенца и роговый гребень.

Полковой цирюльникъ, старый солдатъ, съ торчащими, какъ сивая щетка, баками, помогъ Кошелеву сѣсть въ бадью съ горячей водой, мутной отъ пара. Кошелевъ мылся въ пустой избѣ, при свѣчахъ.

— У-ухъ, горячо, — бормоталъ онъ, какъ въ сладкой дремотѣ, окунаясь до шеи. По его изнеможенному лицу бѣжали слезы. «А гдѣ Евстегней?», думалъ онъ, «въ телѣгѣ, раненъ».

Старый солдатъ, скинувъ мундиръ и засучивъ рукава кумачевой рубахи, скребъ ему спину и голову желѣзными когтями. Изрѣдка ворчалъ:

— Вша у тебѣ, ваше благородіе. Вшу кипяткомъ изводить: вышпаримъ, гадину, выбреемъ. Повертай, ваше благородіе, спину...

Когда Кошелевъ, съ обритой на-голо, дымящей

Digitized by Google

головой, точно спеленутый полотенцами, сѣлъ на лавку и когда солдатъ встряхнулъ передъ нимъ графскую рубаху голубоватаго шелка, отдающую запахомъ мяты, пустая изба и флаконъ съ лаведовой водой, все показалось страннымъ Кошелеву. Точно онъ былъ въ долгомъ снѣ и смутно видѣлись ему во снѣ иныя времена, иные вѣка, пожаръ и снѣгъ, пожаръ и снѣгъ, и вотъ, изъ иныхъ временъ, въ которыхъ онъ былъ, возвращается онъ, потеплѣвшій и оживающій, въ свой вѣкъ, въ тишину, и еще не вѣритъ, еще страшится повѣрить, что просыпается, что возвращенъ, живъ.

Тоже щемящее чувство сна тяготило его и въ собраніи офицеровъ, въ старостиной избѣ, на площади, куда его привелъ цирюльникъ.

Тамъ горѣли многія свѣчи и стояли покоемъ столы. Съ веселымъ шумомъ, задвигавъ скамьи, всѣ поднялись къ нему навстрѣчу.

Онъ услышалъ свое имя «Петръ Григорьевичъ, а-а-а, капитанъ Кошелевъ, Петръ Григорьевичъ», и остановился на порогѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте, — отвѣчалъ онъ и слабо пожималъ чьи-то руки и не узнавалъ никого.

Ему было странно и страшно видѣть въ тепломъ воздухѣ воскового огня эти лбы съ приглаженными височками, съ пятаками свѣта на темени, мерцаніе золотого шитья.

Онъ возвращался въ свой вѣкъ изъ иныхъ временъ и не узнавалъ людей, съ которыми жилъ и того вѣка, въ которомъ родился. «Здравствуйте, здравствуйте», шепталъ онъ, а потомъ умолкъ вовсе, испуганный и усталый.

Его посадили за столъ, подъ тресвѣчникъ.

Десятки глазъ смотрѣли на него сквозь прозрачный трепетъ огня. Худой, съ померкшими глазами, отвѣчающій односложнымъ «да, да», «нѣтъ,

Digitized by Google

нѣтъ», онъ тоже показался всѣмъ страннымъ, чужимъ, онъ показался выходцемъ съ того свѣта въ слежаломъ мундирѣ, съ обритой на голо головой. Бесѣда вокругъ него скоро умолкла.

Уже свѣтало, когда цирюльникъ помогъ ему надѣть шинель въ рукава: его сіятельство графъ Строгановъ просилъ капитана Кошелева пожаловать къ себѣ до молитвы.

Кошелевъ шелъ за солдатомъ вдоль темныхъ избъ. Мерзлая земля хрустѣла подъ ногами.

— Постой, — сказалъ Кошелевъ растерянно. — А мой товарищъ, раненый... Богъ мой, гдѣ онъ?

— Давеча въ лагерхаузъ свалили, — отвѣтилъ старикъ равнодушно.

— Въ лагерхаузъ, гдѣ лагерхаузъ?

Кошелевъ побѣжалъ.

— Ваше благородіе, сюды повертай, — нагналъ его цирюльникъ. — Ты куды? Ты сюды.

У избы стояли лазаретныя фуры. Солдатъ въ кожаномъ фартукѣ скинулъ безкозырку и ударилъ каблуками.

— Братецъ, братецъ, — заторопился Кошелевъ. — Вечоръ къ вамъ человѣка привезли, со мною, я къ нему. Куда тутъ пройти?

— Этта рыжій который? — солдатъ осклабился, показавъ бѣлые стертые зубы, и сталъ сумрачнымъ. — Ночью померши. Не найтить. Извѣстно въ яму закопанъ.

Цирульникъ перекрестился. Кошелевъ, неловко снялъ киверъ и тоже перекрестился.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, рослый человѣкъ съ продолговатымъ, чисто выбритымъ лицомъ, на которомъ, казалось, навсегда замерла въ уголкахъ безкровныхъ губъ усталая и грустная полуулыбка, что-то писалъ въ избѣ, при свѣчахъ. Изба казалась тѣсной для такого грузнаго человѣка.

Digitized by Google

Онъ воткнулъ гусиное перо въ песочницу и поднялся.:

— Здравствуйте, — сказалъ Строгановъ. — Радъ видѣть васъ. Садитесь, прошу.

Придерживая руку Кошелева въ своихъ прохладныхъ и очень большихъ ладоняхъ, графъ повелъ его къ столу.

— Мнѣ извѣстны ваши московскія испытанія, вашъ плѣнъ, столь внезапный, бѣдствія, бѣгство... Садитесь, мой другъ... Вотъ, уже и свѣтло.

Графъ дунулъ на свѣчи. Изба засинѣлась въ сумеркахъ утра. Графъ какъ-бы ждалъ, что скажетъ Кошелевъ. Но тотъ молчалъ.

Въ томъ же нѣмомъ чувствѣ сна, возвращенія въ свой вѣкъ, онъ внимательно и странно смотрѣлъ на едва мерцающій графскій аксельбантъ. Изъ двухъ временъ, изъ двухъ вѣковъ, раздѣленные дощатымъ столомъ, гдѣ дымились погасшія свѣчи, смотрѣли они другъ на друга.

— Я желалъ бы порадовать васъ, — сказалъ Строгановъ, помолчавъ. — Извѣстно ли вамъ, что мы заняли Москву?

— Да, нынче сказывали.

— Мы заняли Москву. Наполеонъ уходитъ съ поспѣшностью.

— **Да.**

— Наполеонъ... Онъ многое могъ свершить въ Россіи, но онъ уходитъ, ни мало не свершивъ. Мы нынче выступаемъ, идемъ за нимъ съ фланговъ и по пятамъ... Но не должно ли вамъ отдохнуть передъ походомъ?

Внезапно вспомнивъ то, что было его единственной истинной жизнью въ долгомъ снѣ, Парашу и Новодѣвичій, Кошелевъ сказалъ съ дрожащими губами.

— Да, прошу... Прошу отпустить меня въ Москву. **Я въ скорости догоню полкъ.**

Digitized by Google

— Безъ сомнѣнія, мой другъ. Я тотчасъ напишу подорожную.

XXXVII

Рано по утру, 12 октября, когда французскія дивизіи еще топтались подъ Малоярославцемъ, русскіе вошли въ Москву.

Съ ночи запорошило снѣгомъ почернѣвшія отъ гари стѣны Кремля и мокрое пожарище. Отъ снѣга Москва засвѣтилась.

Князь Шаховской съ пятымъ казачьимъ полкомъ занялъ Кремль. У Кремлевскихъ воротъ сталъ караулъ лейбъ-казаковъ: брадатые сухолицые всадники, въ красныхъ чекменяхъ и высокихъ шапкахъ съ красными шлыками.

Авангардъ корпуса Винценгероде, кавалерія Иловайскаго, съ самаго свѣта тянулась московскими пустырями.

Отъ пороши побѣлѣли кони, дома въ подтекахъ копоти, съ проваленными кровлями и безъ стеколъ, церкви безъ крестовъ, ободранные купола, падаль на мостовыхъ. Не было слышно ни звука копытъ, ни команды.

Въ домѣ Позднякова, въ зрительномъ залѣ французскаго театра, сквозь провалъ крыши, косо и часто рѣялъ въ полутьмѣ снѣгъ. Среди холщевыхъ павильоновъ и бархатнаго тряпья, валялись колѣлыя лошади.

Невнятный гулъ, жалобный говоръ, былъ слышенъ у Воспитательнаго дома и Спасскихъ казармъ. Бонапартъ оставилъ тамъ раненыхъ и больныхъ.

Въ дыму зловонныхъ палатъ, какъ во мглѣ остывшей бани, кишѣли тѣни людей. Тамъ стояло жалобное стенаніе, чудовищная невнятица на всѣхъ языкахъ Европы.

Digitized by Google

Маленькій старичекъ въ коричневомъ фракѣ встрѣтилъ въ сѣняхъ казачьяго офицера. Рыжеватыя волосы старичка были всклокочены и попачканы кровью, одно стекло очковъ разбито, а шея повязана женской шалью. Это былъ директоръ Воспитательнаго дома Иванъ Акинфіевичъ Тутумлинъ.

Движеніе кавалеріи зашевелило Москву. Замаячили люди на пустыряхъ, молча смотрѣли на всадниковъ.

Оборванные, костлявые мужики, барская чернь, потянулась за ними. Поднялся жадный гулъ. Пинали и волочили трупы французовъ. Имъ разбивали головы обгорѣвшими кирпичами, выбрасывали отсталыхъ и раненыхъ изъ домовъ. Раскачавъ за руки и за ноги ихъ швыряли о стѣны, втаптывали въ отхожія мѣста на дворахъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ каменный полъ залитъ по щиколотку липкимъ виномъ: въ ночь отступленія французы разбили въ соборѣ винныя бочки.

На Кремлевской площади разбросаны чучела латниковъ изъ Оружейной палаты, въ шишакахъ и кольчугахъ. Въ Успенскомъ соборѣ изрублена рака патріарха Гермогена, въ темной ямищѣ стоймя стоитъ треснувшая колода патріаршаго гроба. У развалинъ Благороднаго собранія, изъ груды запорошенныхъ досокъ и кирпичей, торчитъ мѣдный палецъ расплавленнаго монумента Екатерины, кому-то грозящій или кого-то благословляющій.

Москва безмолвна. Она онѣмѣла отъ зрѣлища разрушеній и осквернений своихъ. Тогда-то звонъ первый, по чину, нечаянный, стронулъ воздухъ и, воздыхая все гулче, поплыла Москва.

Въ Страстномъ монастырѣ старыя монахини запѣли первый молебенъ, и всѣ, кто былъ еще живъ въ опустошеніи московскомъ, толпы нищихъ съ горящими глазами, полегли на колѣни въ оградѣ Страстного.

Digitized by Google

Спѣшенные казаки сумрачно смотрѣли на полегшую толпу и крестились, придерживая сфыркивающихъ коней.

Нестройное, тяжелое пѣніе понесло въ мѣдномъ гулѣ —

— Царю Небесный Утѣшителю...

XXXVIII

Въ погожій зимній день, въ первыхъ числахъ ноября, капитанъ Кошелевъ добрался до Москвы.

Одной разъѣзженой дорогой стали московскія развалины, и день и ночь, не останавливаясь, тамъ шли обозы, войска, артиллерійскіе парки.

Кошелевъ вовсе не узнавалъ города, гдѣ были ему суждены испытанія пожара и плѣна. Онъ бормоталъ, вдыхая морозный воздухъ:

— Когда нѣтъ ее въ Дѣвичьемъ, сыщу-ли, какъ мнѣ сыскать ее?

На Дѣвичьемъ его сани встрѣтили пѣхотный полкъ. Солдатскія лица, въ пару дыханія, казались изъ румяной мѣди. Снѣгъ навалился горушкой на киверъ молодого солдата.

— Какого полка? — весело позвалъ Кошелевъ.

Но сани уже пронеслись мимо и другой, старикъ, съ погасшей трубкой между усовъ, прикрикнулъ, обдавъ паромъ :

— Великолуцкаго...

Строй прошелъ, румяно дымясь, и Кошелеву открылось низкое поле, далекая стѣна монастыря. Онъ приказалъ солдату ѣхать тише.

Было пусто Дѣвичье, гдѣ такъ недавно бродилъ Кошелевъ, и маячили шалаши погорѣльцевъ.

Сани прыгали по рытвинамъ. Солдатъ покрикивалъ «гей, гей». Кошелевъ, держась за плечи возницы, осматривался кругомъ. Въ замерзшихъ лу-

Digitized by Google

жахъ, въ снѣгу и по кочкамъ, онъ видѣлъ слѣды недавняго человѣческаго становища: тамъ помятую жестяную тарелку, обледенѣлую кучу горѣлаго бѣлья, тамъ шерстяной носокъ, съ прорванной, точно перекушеной пяткой или стоптаный дѣтскій башмакъ, примерзшій ко льду клочьями заячьей опушки.

У монастыря онъ отпустилъ возницу.

Монашка-привратница, крошечная старая дѣвушка съ плетушкомъ сивой косички, торчащей изъ-подъ чернаго платка, кланяясь въ поясъ, отвѣтила ему, что мать Евгенія, монашка звала ее Ифигеніей, точно, въ обители пребываетъ и, по милости Божіей, здравствуетъ. «А вотъ какъ хорошо, слава Богу», подумалъ Кошелевъ.

Монашка проворно вела его за собой по монастырскимъ дворамъ и говорила что-то пищащимъ голоскомъ о разореніи, о скудели, о лютостяхъ, но онъ не слушалъ вовсе.

Въ келейныхъ сѣнцахъ матушки Евгеніи разсѣянный верхній свѣтъ падалъ изъ круглаго окна на мѣдный самоваръ.

Кошелевъ отстегнулъ мѣдную чешую кивера, поставилъ его на согнутый локоть, какъ будто на парадѣ, и оправилъ фалды мундира. Его лицо стало задумчивымъ и строгимъ.

Приворотная монашка постучала въ дверь кельи:

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

— Аминь, — отвѣтилъ голосъ. Онъ показался Кошелеву знакомымъ.

— Иди, баринокъ, со Господомъ со Христомъ, — привѣтливо пропищала монашка и пріоткрыла дверь .

Онъ замѣтилъ у окна прутяную клѣтку съ птицей, темную икону, въ вѣнкѣ сухихъ цвѣтовъ, надъ бархатнымъ аналоемъ.

Digitized by Google

Рослая дѣвушка въ послушническомъ нарядѣ вспрянула отъ стола.

— Ахъ, я не покрытая, кто таковъ?

Изъ ея рукъ вышалъ конецъ чернаго плата.

— Петръ Григорьевичъ, вы? — Дѣвушка, блѣднѣя, бросилась къ горбатой монахинѣ, которая сидѣла у стола, въ креслахъ:

— Матушка...

Кошелевъ смотрѣлъ на Парашу, какъ-будто глотая свѣтъ ея глазъ. Высокой богиней, Діаной, показалась ему она въ своемъ черномъ нарядѣ. Онъ ступилъ къ ней, придавивъ киверъ къ груди.

— Параскева Сергѣевна, здравствуйте...

— И вовсе не Сергѣвна, а Саввишна, — горбатая монахиня строго заблистала очками. — А была-бы и Сергѣвна, допрежь со старыми поздоровкаться должно... Эва, прыткой, батюшка-капитанъ, лба даже не перекрестилъ.

Кошелевъ повернулся какъ на парадѣ къ темной иконѣ, твердо перекрестился. Потомъ, нагнулся и поцѣловалъ легкую руку горбуньи. Дряблая кожа была прохладной.

— Здравствуйте, матушка Евгенія. Простите меня, ради Бога.

— Такъ то. Здравствуй и ты. Садись, а гостю мы рады... Эва, какой прискакавши.

Горбунья подвинула ему изъ-подъ ногъ бархатную скамеечку. Кошелевъ сѣлъ послушно. Ему было неудобно на скамеечкѣ и онъ не зналъ куда поставить киверъ.

— Ведро твое подъ столъ поставь, батюшка, болѣ некуда... Парашенька, свѣтъ, собери чашки чай пить, даромъ самоваръ-то кипѣлъ, да поглядитко въ сѣнцахъ, въ поставцѣ, яблошное, можетъ, варенье. Французъ стоялъ, а вить будто осталось. Я, батюшка, яблошное ублажаю.

Кошелевъ свѣтло и растерянно смотрѣлъ на Па-

Digitized by Google

раскеву Саввишну. Она казалась ему статнѣе и краше, чѣмъ на московскомъ пожарѣ. Особенно прекрасной показалась Кошелеву ея дѣвичья рука, кисть Діаны, лежащая на спинкѣ креселъ.

Дѣвушка склонила голову на острое плечико горбуньи.

— А полно, — строго сказала монахиня. — Самоваръ, погляди, чашки-ложки поставь.

Когда стукнула за Парашей обитая суконками дверь, матушка Евгенія сняла очки. Безъ очковъ ея лицо стало мягкимъ и добрымъ, а глаза большими, очень усталыми, и въ свѣтлыхъ слезинкахъ. Она долго потирала морщинки у глазъ, потомъ надѣла очки и неторопливо оправила бичевку подъ сѣдую прядь. Кошелевъ молчалъ. Лицо горбуньи снова стало замкнутымъ и блистающимъ.

— Прямо буду говорить, баринъ - капитанъ Петра Григорьевичъ — заговорила монахиня. — Было у васъ што, али не было, мнѣ про то неизвѣстно. А токмо о тебѣ одномъ тутъ была рѣчь по всѣ дни. О тебѣ и дѣвичьи слезы... Прямо буду говорить измучилась по тебѣ дѣвушка, стосковалася вовсе. Скорби и радости человѣчески, я, старая, разумѣть тоже могу. Скажу тебѣ прямо, любить тебя Параскева и съ такой любовію станетъ ей наше монастырское житье въ одно терзаніе и въ горькую темницу... Буду-ли держать ее въ сестрахъ, когда ты ея душенькѣ сталъ господиномъ, а она тебѣ раба? Вотъ и бери... Воля Божья... Но, когда нѣтъ въ тебѣ чести, совѣсти, когда надъ любовію поругаешься, когда ты мою сироту, мнѣ сироту...

Горбунья по-птичьи вцѣпилась дрожащими ручьками въ кресла, приподнялась, загрозилась, но тотчасъ заплакала, порывами, безшумно.

— Я тебя, за мою сироту, я тебѣ... Прокляну...

Чижъ заметался въ прутяной клѣткѣ, осыпая зерна на подоконникъ.

Digitized by Google

Кошелевъ молча положилъ черноволосую голову на колѣни горбуньи.

— А вотъ ты, а вотъ ты, этакой ты, огоревалъ мнѣ Парашу, этакой ты...

Маленькія ручки захлопали его по затылку, по шитому воротнику мундира.

Кошелевъ задѣлъ подъ столомъ зазвенѣвшій киверъ. Чижъ, распустивъ перья, кинулся о-земь.

Мать Евгенія проворно смахнула мизинцемъ туманъ съ испода очковъ.

— Ведро твое покатилось, — улыбнулась она сквозъ слезы. — Сущій трезвонъ, ажно чижушка встрепыхнулся. Съ колѣнъ встань... Слышу, идетъ твоя невѣста... Баринъ, стань... Не обезсудь на слезахъ... А надъ ней воля твоя. Токмо чаю, хорошій ты человѣкъ.

Когда вошла Параскева Саввишна, Кошелевъ сидѣлъ на бархатной скамеечкѣ, у ногъ матушки. Онъ не обернулся, торопливо утирая лицо платкомъ.

Монахиня обождала, покуда дѣвушка поставитъ чашки на столъ, потомъ сказала, весело блеснувъ очками:

— Вотъ и спасибо, вотъ и чай будемъ пить съ гостемъ милымъ... А ты съ нимъ и не поздоровкалась, свѣтъ. Ты поди къ нему, руку дай, да ужъ поди, дѣвонька, поди.

Кошелевъ стремительно поднялся. Дѣвичьи глаза окинули его свѣтомъ.

— Здравствуйте, Петръ Григорьевичъ — радостно сказала Параша и протянула ему обѣ руки.

Въ тотъ день они вмѣстѣ вышли изъ монастыря. Подъ воротами, гдѣ порхалъ снѣгъ, у застекленной темной иконы, Кошелевъ остановился.

— Постойте, Параскева Саввишна, что я хочу вамъ сказать.

Онъ чувствовалъ, какъ подымается въ груди горячая волна. Взялъ руку Параши:

Digitized by Google

— Я помню, лежалъ тутъ, подъ образами, съ Евстигнеемъ. Я все помню и теперь мнѣ никогда не забыть. Словно-бы я видѣлъ другую Россію, не нашу, а какой и быть не должно и не можетъ, Россію невозможную, и жилъ тамъ, въ страшной Россіи, и никогда болѣ ее не забуду и страшно мнѣ будетъ жить... Когда бы не ты, я жить бы не могъ, радость Параша...

Онъ наклонился къ дѣвушкѣ, привлекъ ее къ себѣ, крѣпко поцѣловалъ въ открытый чистый лобъ. Дѣвушка молча гладила ему волосы у виска и щеку. Ея глаза сіяли.

Они оба улыбались, когда вышли на людную улицу, а глаза были заплаканы. Мужики въ розвальняхъ, казаки въ высокихъ шапкахъ на дымныхъ мохнатыхъ коняхъ, пѣшеходы, весело, съ изумленіемъ, оглядывались на офицера съ бѣлымъ султаномъ и на монастырку въ легкой шубкѣ. Высокій офицеръ и монастырка шли, взявшись за руки, и не замѣчали никого.

Они торопливо говорили о томъ снѣ, изъ котораго вышли оба, пробужденные, и о тѣхъ, кто навсегда остался во снѣ.

— А мальченку, найденыша вашего, я съ отцемъ въ полѣ стрѣтила, — сказала Параша.

— Да, да... А Ларька, слуга, который былъ комиссаромъ?

— Я слыхала. Застрѣленъ... Семеро солдатъ съ нимъ ходило. А какъ стало французу уходить, тѣ семеро и пристрѣлили его изъ ружей.

— Богъ съ нимъ... Вотъ еще о комъ-то... А, гренадеръ съ бѣлой собакой?

— Родивонъ Степановичъ, солдатикъ миленькой, старичекъ? Отъ болѣзни справился ладно и ко мнѣ прощаться ходилъ. Все утѣшалъ, что вы,

Digitized by Google

Петръ Григорьевичъ, воротитесь. Намедни ушелъ, а куда идетъ не сказывалъ...

— Вотъ и я уйду, въ походъ, полки догонять.

— Теперь не то, теперь-то воротитесь.

Быстрый снѣгъ носитъ у восторженнаго лица монастырки.

XXIX

Въ громадныхъ валахъ вьюги, едва чернѣя, муравьинымъ шествіемъ ползетъ отступающая великая армія. Какъ-будто въ ледяную пустыню вселенной, для которой и человѣкъ и земля несуществующее ничто, какъ-будто въ гулкую пустоту вѣчности вошла великая армія, чтобы исчезнуть тамъ и превратиться въ ничто.

Безмолвная орда, покрытая льдомъ, грязью и копотью, тащится въ сугробахъ. Съ нею тянутся табуны отощалыхъ лошадей, впряженныхъ въ пушки. Въ звенящемъ молчаніи стужи только глухіе удары по конямъ, крики погонщиковъ, глухой шорохъ шаговъ. Онѣмѣлъ и замерзаетъ, полуденный Всадникъ-Завоеватель. Замерзла имперія, замерзъ весь міръ. Вся вселенная скована безмолвіемъ стужи.

Въ ледяной вселенной идутъ толпы привидѣній въ лохмотьяхъ изношенныхъ мундировъ, въ рогожахъ, въ бабьихъ шугаяхъ, въ кускахъ ковровъ, въ сгнившихъ плащахъ, продырявленныхъ выстрѣлами, толпы ужасныхъ и отвратительныхъ упырей, съ багрово-красными лицами, со взъерошенными бородами въ ледяшкахъ, въ застывшей лошадиной крови, безъ оружія и безъ строя, съ оружіемъ и въ строю, всѣ опустивъ головы и въ молчаніи.

И такая дорога, открылась великой арміи не послѣ Малоярославца или Краснаго, не у Дорогобужа или Михалевки, а такая дорога открылась

Digitized by Google

полуденному Всаднику - Завоевателю еще въ Москвѣ.

Тамъ великую армію, надсаженную походомъ и обезкровленную Бородинымъ, остановилъ пожаръ. Онъ выжегъ ее изнутри, смѣшалъ въ толпы.

Теперь московскія стихіи замыкали свой кругъ и огонь, какъ оборотень, перекинулся стужей. Растрескалась мѣдь полуденнаго Всадника и стужа выѣла ему мѣдныя очи.

Тогда все обнажилось, открыло смертную изнанку свою. Рѣющія римскія орлицы, красота мѣднаго строя Европы, великой арміи народовъ, все обернулась вопью лохмотьевъ, гнилой сукровицей, конскими челюстями, съ которыхъ сглодано мясо, вытекшими глазами, падалью, смрадными складами мертвецовъ.

Сначала несли раненыхъ и, любуясь на свое человѣческое благородство, жалѣли пристрѣливать полковыхъ коней. Потомъ начали сдирать мундиры съ отсталыхъ, потомъ бросать умирающихъ и вырѣзать мясо у коней, не пристрѣливая. Человѣкъ жадно тискался къ огню, если былъ огонь, и когда былъ сильнѣе убивалъ другихъ, чтобы взять себѣ тепла и огня, и когда былъ слабѣе убивали его.

Смоленская дорога, и все, что свершалось на ней, было отчаянной борьбой человѣка за жизнь, за измученное, но еще дышащее тѣло, обвисшее на костяхъ, за живой огонь, еще горящій въ глазницахъ.

Потомъ все замерло въ разящемъ молчаніи, въ студеной пустынѣ. Однѣ лошади выли во тьмѣ, карячась на заднія ноги. Утихли драки и убійства у костровъ, грабежи фургоновъ, обираніе павшихъ, все замерло, и люди сами бросали мѣшки съ платиной, оловомъ. Они ложились въ снѣгъ, на трупы, желая только отдыха и забвенія. Они сдавались смерти.

Digitized by Google

Но, окутанная дымнымъ дыханіемъ, грозно и мѣрно выбивая шагъ, точно стопушечный корабль въ пороховомъ дыму, еще шла сомкнутыми колоннами за императоромъ старая гвардія, взявъ ружья подъ курокъ. Вѣтеръ терзалъ красные султаны медвѣжьихъ шапокъ, гремѣло мерзлое желѣзо и мѣдь.

Императоръ былъ верхомъ передъ гвардіей. Онъ смѣнилъ черную треуголку на литовскую ушастую шапку, крытую зеленымъ бархатомъ. Онъ мѣрно качался въ сѣдлѣ. Въ однообразномъ шелестѣ снѣга, императоръ слышалъ вкрадчивый звукъ. И ему вспоминались бѣлые транспаранты Тильзита и Александръ. Вотъ она, неуловимая, вкрадчивая Россія, бѣлая Византія ,одно метаніе метели. Ключемъ бездны была Москва. Онъ не повернулъ ключа бездны. Онъ не переступилъ московскаго пожара, не сжегъ въ отвѣтъ всю Александрову Россію той революціей, въ которой устоялъ-бы онъ одинъ, мѣдный титанъ, на гребнѣ Европы. Онъ отшатнулся такой судьбы, и тогда судьба отбросила его, отдала, отверженнаго, стихіямъ. Въ Москвѣ онъ выпустилъ изъ рукъ землю. Онъ не свершилъ на землѣ побѣднаго круга. Наполеонъ и Россія не соединились въ одно.

Смиренная усмѣшка освѣтила лицо императора и больше не погасала.

Теперь онъ шелъ передъ строемъ пѣшимъ, опираясь на трость и слегка морщась почти на каждомъ шагу. Въ ушастой еврейской шапкѣ и въ долгополой шубѣ, онъ былъ какъ странникъ съ посохомъ. Его тонкое лицо напоминало снова того худощаваго республиканскаго генерала-аскета, который отступалъ когда-то отъ Акра, назадъ, въ сжигающіе пески Египта.

У деревни Михалевки, со снѣжнаго поля, на-

Digitized by Google

скакалъ во весь опоръ тяжелый генералъ, въ мѣхахъ и шарфахъ. Генералъ привезъ извѣстіе о заговорѣ Мале въ Парижѣ. Императоръ крѣпче сжалъ трость и не остановился.

Въ корпусѣ Луазона, въ 113 Тосканскомъ полку, офицеры открыто говорили, что императора надо арестовать, сложить оружіе, остановить истребительный маршъ. Императоръ не остановился. За нимъ шла гвардія, его старики. Раскаленное стужей желѣзо прикладовъ жгло имъ руки. Старики смаргивали побѣлѣвшими рѣсницами и глухо ворчали, какъ стада волковъ.

Императоръ оглядывался, и отъ его свѣтлаго взгляда загоралось во всѣхъ глазахъ теплое зарево, точно старики для того и ворчали, чтобы онъ обернулся, согрѣлъ.

Императоръ пробивался во Францію, но Ней остался въ снѣгахъ. Ночью, въ воющемъ полѣ, императоръ ждалъ Нея.

Со смиренной усмѣшкой онъ смотрѣлъ въ костеръ. Старики въ медвѣжьихъ шапкахъ наклоняли изъ тьмы тяжелыя древки. Императоръ сжигалъ знамена. Полуденному Всаднику отрублены ноги, всадникъ будетъ ползти на рукахъ.

За императоромъ идутъ въ поле два короля, одинъ принцъ, восемь маршаловъ и старая гвардія. Ней отрѣзанъ. Полчища бѣгутъ во тьмѣ мимо послѣднихъ орлицъ. Его орлицы стали птицами отчаянія и смерти. И какъ видѣнія иного, невѣроятнаго міра, встрѣчаются на дорогѣ рѣдкія подкрѣпленія, еще идущіе къ Москвѣ, эльзасскіе новобранцы или эскадронъ португальской легкой кавалеріи.

Красивые смуглые всадники въ коричневыхъ мундирахъ выстроились у дороги. Къ ночи ихъ смететъ вьюга, въ снѣгахъ загромоздятся новые мертвецы.

Маячитъ въ полѣ бивуакъ кавалеріи принца

Digitized by Google

Гессенъ-Кассельскаго, полтораста спѣшанныхъ драгунъ, закутанныхъ въ бѣлые плащи. Они стоятъ, какъ бѣлые крестоносцы, прикрывая отъ стужи молодого принца. Они будутъ стоять всю ночь, а къ разсвѣту вьюга замететъ и сравняетъ надъ крестоносцами сугробы.

Императоръ идетъ, опираясь на трость.

А за толпами его арміи, по пятамъ и съ боковъ, гонятся русскіе. Казацкія лавы пересѣкаютъ дорогу, вытаптываютъ обозы, пролетаютъ въ метель.

Въ русскихъ колоннахъ также замерзаютъ на маршахъ солдаты, тамъ также задыхаются въ веревочныхъ гужахъ вереницы истощалыхъ лошадей. Павлоградскіе гусары, которые идутъ въ авангардѣ, спѣшивались, чтобы расчищать дорогу: кони не шли по грудамъ мертвецовъ, гусары пиками отбрасывали ихъ.

Полковые реляціи хвастали трофеями, взятыми пушками, тысячами плѣнныхъ, но эти трофеи и ночные бои съ толпами отчаявшихся полузамерзшихъ людей, подымали у многихъ тошноту, отвращеніе, стыдъ, а у многихъ жадную злобу издѣвательствъ.

Плѣнныхъ раздѣвали до гола и босыми гнали по снѣгу, подталкивая тупыми концами пикъ. Мужики покупали ихъ у казаковъ за пятакъ на потѣху ребятамъ и бабамъ. Потомъ плѣнныхъ не брали, не гоняли, ихъ просто сталкивали съ дороги въ кучи мертвецовъ.

А когда по пятамъ французовъ, русскіе вошли въ Смоленскъ, отъ Московской заставы до Днѣпра увидѣли они одно замерзшее падалище.

На Крѣпостномъ валу русскіе стали сжигать полѣницы мертвецовъ, и, размягченныя огнемъ, задвигались замерзшія ноги.

Digitized by Google

На снѣгу Днѣпра, У Смоленской стѣны, разсѣяны зарядные ящики, лазаретныя линейки, пушки, понтоны, ружья, кирасы, кивера, медвѣжьи шапки, трубы, тесаки, барабаны, словно сбросила здѣсь боевые одежды и безслѣдно исчезла великая имперія. Вдоль набережной тянется рядъ пустыхъ фуръ. На дышлахъ поникли замерзшія лошади.

Смерть пресытила, ея зрѣлище стало обычнымъ, истощивъ всѣ человѣческія чувства состраданія и сожалѣнія.

Въ отбитыхъ обозахъ маршала Нея, у опрокинутыхъ каретъ, вертятся казаки. Одинъ напяливаетъ расшитый маршальскій мундиръ, вбиваетъ на жирные волосы маршальскую шляпу.

Маршалъ брадатый, ужасный, съ красной пикой, пронесся мимо отступающей колонны арріергарда, осадилъ коня, высунулъ языкъ, сгинулъ.

Русскіе захватили кареты Наполеона. Солдаты и толпы отсталыхъ французовъ, вмѣстѣ грабятъ коляски, архивы, фургоны. Пущены по вѣтру бумаги имперіи. Кишитъ во тьмѣ сатурналія.

Скипетръ и мантію императора подхватилъ безбородый скуластый калмыкъ. Онъ завернулся въ мантію, уперъ въ колѣно скипетръ, вотъ онъ императоръ-калмыкъ, завертѣлся съ визгомъ у колонны маршала Нея.

Ней идетъ въ строю, съ солдатскимъ карабиномъ. Ней пробился, онъ вывелъ изъ русской бездны толпу полумертвецовъ съ черными лицами, обожженными порохомъ и морозомъ.

И когда засквозилъ надъ полемъ разсвѣтъ, маршалъ отстегнулъ мѣдную пуговицу плаща и жесткой ладонью стеръ съ лица иней. Темное лицо Нея засвѣтилось сурово.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПИЛОГЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Россійскій генералъ-маршъ къ Пантеонской заставѣ открылъ преображенскій батальонъ. Дубовыя вѣтви на штыкахъ, на рукавахъ бѣлыя повязки, бьетъ кисти султановъ и блещутъ орлы. Огромная россійская музыка вступаетъ въ Парижъ со старинной французской пѣсней «Да здравствуетъ Генрихъ».

Предъ батальономъ, легко и статно качаются въ сѣдлахъ лейбъ-казаки, звеня, подъ красной рощей пикъ, серебромъ ладунокъ и перевязей. Свѣтлосѣрый конь императора Александра идетъ за краснымъ казаками. Императоръ похлопываетъ коня по влажной шеѣ, близоруко щурится, сухо скашливаетъ отъ пыли и что-то говоритъ прусскому королю. Тотъ учтиво пригнулся съ сѣдла. Перья ихъ крутыхъ треуголокъ смѣшались, въ бѣлую пѣну.

За императоромъ и королемъ, тѣснясь, роняя хлопья мыла идутъ кони свиты, конвоевъ, рыжія и бѣлыя кобылы австрійцевъ, пруссаковъ, тяжелые русскіе кони, сѣрые въ яблокахъ и черномъ посѣвѣ. На покатыхъ латахъ кавалергардовъ, какъ въ мѣдныхъ зеркалахъ, мелькаютъ стѣны, окна, синее небо, конскія морды, мундиры, плюмажи.

Флигель-адъютантъ императора Орловъ, вытираетъ платкомъ влажные баки. Онъ улыбается.

Нынче поутру, когда войска Барклая-де-Толи,

Digitized by Google

въ пушечномъ громѣ, устремились на высоты Бельвиля и Монмартра и когда прискакалъ отъ Мармона парламентеръ, государь, приказалъ остановить стремленіе войскъ и, отсылая Орлова для переговоровъ, сказалъ скороговоркой, жестко поджимая тонкія, бабкины губы:

— Волей или неволей, на штыкахъ, парадным шагомъ, на развалинахъ, подъ золоченымъ кровомъ, но сего же дня мы должны ночевать въ Парижѣ.

Цесаревичъ Константинъ, въ темномъ мундирѣ съ помятымъ краснымъ воротникомъ, нагайка закручена у обшлага, обскакалъ на саловомъ конѣ гренадерскіе батальоны, весело крикнулъ:

— Охъ, вы россійскіе орлы, куда залетѣли...

Въ набѣленныхъ мѣломъ штанахъ, пожухлые отъ загара, отъ пыли, шагаютъ гренадеры, не видя, не слыша. Офицеръ скинулъ треуголку, хрипло скомандовалъ, и вразъ скосились на цесаревича невидящіе глаза и тысячи пересохшихъ глотокъ выдохнули жаркій ревъ.

Елисейскія Поля, окна, толпы, фонари, полосатые навѣсы, кареты, Парижъ плыветъ навстрѣчу изъ багряной пыли. Море пыльныхъ головъ, люди на заборахъ, на кровляхъ, на деревьяхъ, на покрышкахъ каретъ. Всѣ рестораціи и торговыя лавки открыты.

Смуглый казакъ, скосивъ желтый глазъ на толпу, привязываетъ къ каштану коня. Прокламаціей 814 года объявлено, что дикіе казаки варятъ въ пищу младенцевъ: толпа отшатнулась отъ варвара, прихлынула снова.

А къ ночи уже мело по Елисейскимъ Полямъ солому и пучки сѣна. Подъ голыми деревьями, похрапывали, ржали жеребцы и зыбились надъ кострами громадные колчаны, связки пикъ. На Па-

Digitized by Google

рижъ дохнуло запахомъ гари, простора и деревень: синеватый дымъ русскихъ костровъ, потянулся легкими столбами къ мартовскому небу. Верховой казакъ, босой, рубаха бѣлѣетъ въ тонкомъ сумракѣ вечера, ведетъ косякъ коней къ водопою, на Сену. Кони сходятъ по глинистому берегу, и, балуясь, сладко и тихо храпятъ.

По стѣнамъ отъ русскихъ огней ходитъ волнами зарево. Вокругъ черныхъ котловъ сидятъ казаки, въ однѣхъ портках. Брадатые кошевары, подобравъ со лба волосы подъ засаленный ремешокъ, на корточкахъ, какъ скифскіе жрецы, мѣшаютъ черпаками кипящее варево. Мѣдная пушка неуклюже ворочается поперекъ узкой улицы, не находитъ покоя. Канониры, отряхиваютъ зеленые мундиры, отстегиваютъ тугіе крючья воротниковъ и пропотѣвшіе галстухи. Это та самая батарея лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады, которая била утромъ съ Шамонской высоты по Парижу двадцатидвухпушечнымъ огнемъ, а когда прискакалъ отъ французовъ парламентеръ, черные отъ пороховой гари канонниры встрѣтили его дикимъ ура.

Пѣхоту двинули по берегу Сены. У Булонской Рощи стала бивуакомъ россійская гвардія. Тамъ ружья сложены въ козла, на ружьяхъ свернутыя знамена.

Зарево дрожитъ въ темной Сенѣ. По берегу, у самой воды, присѣли московскіе рекруты, остужаютъ въ водѣ натертыя ноги. Въ тонкомъ сумракѣ перекликаются молодые голоса. Ржаніе, рокотъ воинскихъ таборовъ, протяжное пѣніе, взрывы ура: скифы раскинули свой лагерь въ Парижѣ. А отъ Сенъ-Мартенскаго предмѣстья еще течетъ калмыцкая конница, башкиры въ красныхъ сукнахъ, въ желтыхъ лисьихъ шапкахъ, и колчаны со стрѣлами за спиною. Высоко подогнуты колѣни азіатовъ и точно спятъ ихъ мѣдныя лица. Скуластые

Digitized by Google

литаврщики, какъ въ дремотѣ, потряхиваютъ колокольцами мѣдныхъ литавровъ, похожихъ на индійскія пагоды.

Безсонная толпа шуршитъ у мостовыхъ, скачутъ адъютанты. У Верри и въ Пале-Рояли заняты всѣ столы. Тамъ бросаютъ изъ оконъ въ толпу червонцы. Въ театрѣ душная тѣснота. Всѣмъ жарко, всѣ говорятъ громко, и не слышно оркестра. Но замерло вдругъ марево головъ, театръ свѣтло встрепенулся, съ гуломъ сталъ на ноги, загремѣлъ —

— Да здравствуетъ Александръ.

Императоръ Александръ показался въ средней ложѣ бель-этажа. Онъ въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ съ алмазной Андреевской звѣздой. Онъ щурится и кланяется, то подымая, то опуская золотой лорнетъ. Римскій орелъ надъ ложей Наполеона покрытъ бѣлымъ полотнищемъ.

Александръ покинулъ ложу незамѣтно, въ полутьмѣ, едва подняли завѣсу ко второму акту «Весталки», и уже гасили лампіоны, а въ корридорахъ тѣснилась потная толпа, брящая палашами и саблями, когда господинъ въ черномъ фракѣ, проворно забрался на ложу Наполеона. Неизвѣстный сдернулъ покрывало, полотнище, какъ саванъ, повисло до креселъ. Неизвѣстный ударилъ желѣзной палкой по раскинутымъ орлинымъ крыльямъ. Въ погасшее зало, звякая о лампіоны, стали падать куски золоченаго гипса, завитки опереній, орлиные когти, сжимающіе пуки императорскихъ молній.

Русскіе гренадеры отвели неизвѣстнаго подъ ружьями въ караулъ.

II.

Енголычевъ, Полторацкій и вахмистръ Жигарь верхами смотрѣли съ улицы Ришелье на въѣздъ

Digitized by Google

въ Парижъ его христіаннѣйшаго величества короля Людовика Осемнадцатаго.

Насмѣшникъ Полторацкій, маленькій, бѣлокурый картавецъ съ голубыми глазами, шутилъ всю дорогу надъ падагрическимъ толстякомъ Людовикомъ, который въ обветшалой мантіи съ бурбонскими лиліями дотащился, наконецъ, въ расшатанной каретѣ до Парижа.

На улицѣ Ришелье стоятъ шпалеры національныхъ гвардейцевъ. Изъ оконъ выкинуты ковры и бурбонскіе бѣлые флаги, расшитые лиліями. Людовика везутъ въ открытой коляскѣ. Его величество въ синемъ мундирѣ съ бѣлой звѣздой. Его полное, гладко выбритое лицо, лоснится отъ солнца. Противъ короля сидитъ въ коляскѣ герцогиня Ангулемская. Герцогиня похожа въ траурѣ на черную птицу. Она не улыбается и не киваетъ никому, у ея супруга, принца Конде, нервно подергиваетъ щеку.

Толпа, какъ-бы въ испугѣ, изрѣдка, выкрикиваетъ «да здравствуетъ король». У королевской коляски колышется странное шествіе: весталки въ бѣлыхъ одеждахъ, дѣвицы высшаго сословія. Медленный въѣздъ похожъ на грустную и бѣдную католическую процессію. За королемъ, сомкнутымъ строемъ, нетерпѣливо отбивая ногу, точно подгоняя коляску, показался взводъ королевской гвардіи, замѣтно, что съ фалдъ мундировъ и съ сумокъ недавно спороты орлы Наполеона. Толпа встрепенулась:

— Да здравствуетъ гвардія, да здравствуетъ Франція!

Полторацкій попятилъ коня:

— Дай, Паша, шпоры. Не пристали, видно, нынѣшнему Парижу старинныя лиліи да пудренные парики...

Гусары тронули коней вдоль рѣшетки Тюиль-

Digitized by Google

ери. Они сіяютъ, какъ золотой снопъ, въ желтыхъ своихъ доломанахъ и ментикахъ съ бѣлой опушкой, браво брошенныхъ на одно плечо.

Черноусаго Жигаря, съ серебряной серьгой въ ухѣ, почли за командира. Уже трогаетъ кто-то его синія, съ парчевымъ узоромъ, рейтузы, кто-то щупаетъ ташку Полторацкаго на семи долгихъ ремняхъ.

Вѣжливый старикъ хлопаетъ гусарскаго коня по груди, оставляя на влажной шерсти отпечатки всѣхъ пальцевъ и объясняетъ съ видомъ знатока, что это и есть «конь степей».

Жигарь осторожно отдергиваетъ ногу, боясь ткнуть кого нибудь шпорой:

— Ваше благородіе, голенище тащутъ, ей-Богу. Никакъ они съ ума посходили?

— Уже давно. Не смущайся.

Полторацкій ослѣпительно улыбаясь, отстегиваетъ чешую кивера. Пряди бѣлокурыхъ волосъ помело на впалую щеку.

— Почему у васъ такіе бѣлокурые волосы? — весело крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Отъ снѣга.

— А вы сожжете Парижъ?

— Не знаю.

— Пожалуйста, не жгите, вамъ стыдно будетъ.

— Я жечь не буду.

— Смотрите, у того гусара перстень... Въ Москвѣ тоже носятъ перстни.

Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ зелеными горошинками захлопала въ ладоши, у висковъ дрогнули акрошкеры.

— Про тебя, Паша, рѣчь, — сверкнулъ улыбкой Полторацкій.

Енголычевъ какъ-будто понялъ, поджалъ смуглый палецъ съ золотымъ татарскимъ перстнемъ и

Digitized by Google

покраснѣлъ. Полторацкій учтиво проситъ дороги.

Они вѣжливы, эти золотые гусары дикой Москвы.

— А у васъ есть лебеди, какъ здѣсь, въ Тюильери? — позвала дѣвушка съ акрошкерами.

— Какъ у насъ быть лебедямъ, когда вода круглый годъ во льду, а земля покрыта снѣгомъ?

— Какъ же у васъ пашутъ и сѣютъ?

— Пашутъ въ снѣгу, сѣютъ въ снѣгу, въ снѣгу родится хлѣбъ.

— Ахъ, Боже мой, какой край...

Дѣвушка съ акрошкерами смотритъ съ искренней жалостью на золотыхъ гусаръ. Енголычевъ не понимаетъ по французски. Его черныя, сросшіеся на переносьи, брови недоумѣнно шевелятся. Онъ бокомъ оглядываетъ толпу. Жилистый, смуглый, съ близко поставленными глазами, чѣмъ-то похожъ Енголычевъ на дикаго коня.

Въ эскадронѣ онъ слываетъ бреттеромъ, понимаетъ толкъ въ псарняхъ, до страсти споритъ о густопсовыхъ и вислозадыхъ, не любитъ картъ. Онъ подолгу молится на ночь, куритъ крѣпчайшій вахшафтъ, а въ гнѣвѣ доходитъ до бѣшенства и тогда гусары ловятъ его за локти, чтобы выбить саблю: разъярясь, Енголычевъ рубитъ зеркала, стѣны, шпалеры.

По его смуглой щекѣ, отъ виска до самыхъ губъ, залегъ сѣрый шрамъ, сабельный ударъ, память Кульма. Съ женщинами онъ суровъ и застѣнчивъ, а своему другу, Мишкѣ Полторацкому, подъ утро одного кутежа въ Вильковишкахъ, признавался, что превыше всего на свѣтѣ любитъ Изюмскихъ гусаръ, своего коня Феба и крѣпостную мамушку, старую Киликію, которая правитъ нынче его Тамбовской деревенькой и до нынѣшнихъ дней пребольно теребитъ его за ухо, будто за

Digitized by Google

гусарскія шалости. Но заря его дней не вѣдаетъ ни сраму, ни грѣшной любви и онъ чистъ въ своихъ дняхъ, какъ инокъ. Въ эскадронѣ субалтернъ-офицера Енголычева звали Кентавромъ.

На мосту онъ нагналъ Полторацкаго:

— Правда-ли, Миша, про меня француженка сказывала?

— Про тебя.

— А что?

— Что писаный ты красавецъ.

— Полно врать-то...

Кентавръ обидѣлся и придержалъ Феба.

III.

Въ обывательскомъ домѣ, на улицѣ Бургундіи, гдѣ золотыя пчелки на голубыхъ обояхъ, въ углахъ, по шифоньерамъ, на креслахъ навалены сѣдельники, чапраки, гусарскія чушки: въ домѣ постой Изюмскаго эскадрона. Даже на дворикѣ, у помятаго мѣднаго фонтана, примостились связки кривыхъ сабель, ташки и груды сѣделъ, затертыхъ до блеска, съ выжженнымъ въ желтой кожѣ вензелемъ А. Гусары, пополудничавъ, легли подъ навѣсомъ, а сапоги съ проржавѣлыми шпорами въ рядъ выставлены къ солнцу.

Дневальные въ желтыхъ безрукавкахъ, въ тѣни мѣшковъ съ овсомъ, дуются въ трынку. Голуби осмѣлѣли надъ разсыпаннымъ овсомъ.

Голубей вспугнулъ Жигарь: онъ ведетъ къ фонтану трехъ коней.

У Полторацкаго и Жигаря жеребцы гнѣдые, блестящіе и поджарые, съ бѣлыми прозвѣздинами на лбахъ, а Фебъ Енголычева крутобокъ, голенасть и въ паху коричневыя пропалины. На за-

Digitized by Google

дахъ у коней полоски отъ скребницы и синеватыя тавро. Кони жадно трепещутъ ноздрями, дуютъ на воду, гдѣ дрожитъ солнце. Жигарь поощрительно имъ насвистываетъ.

Командиръ оштрафовалъ запоздавшихъ чашей шампанскаго: отъ вина Полторацкій поблѣднѣлъ, голубые глаза заискрились, хмѣльной Полторацкій нѣженъ, смѣшливъ, и со всѣми цѣлуется, зажмуривъ глаза, какъ дѣвченка.

Разстегнуты доломаны, засучены рукава рубахъ, чтобы проворнѣе черпать круговую, всѣ заряжаются дымомъ изъ черешневыхъ чубуковъ, выпаливаютъ табачныя облака. Степанъ Мертваго кричитъ свой новый анекдотъ о прусскомъ фельдъегерѣ, потерявшемъ подъ Парижемъ штаны. Изъ рыжей головы Мертваго идетъ какъ-будто паръ. Чапега и Энгель въ отчаянномъ спорѣ объ Аустерлицѣ. Полторацкій откинулъ воротъ шелковой красной косоворотки, сидитъ по-турецки на канапэ. Онъ раскачивается, поетъ круговую:

— Сей конь, кого и вихрь въ поляхъ не обгонялъ....

На пѣвца покосился Мертваго, у Кентавра, который шарилъ цѣпкой горстью въ прорванномъ картузѣ съ четверкой гишаровскаго вахшафта, блеснули глаза.

— Онъ спитъ, на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ...

Вдругъ Энгель, лысый Чапега, азартно, махнувшій трубкой, Кентавръ, Мертваго, глядѣвшій пѣвцу въ самый ротъ, всѣ подхватили недружно и яростно, затопавъ ногами:

— Ахъ, Зара, какъ серна стыдлива была
Какъ юная пальма долины цвѣла...

Отъ шума на дворѣ поднялись голуби. Дневаль-

Digitized by Google

ный кинулъ замасленную карту, мигнулъ усомъ и сказалъ партнеру:

— Эге...

Тотъ покрылъ семерку бубновымъ тузомъ и мотнулъ головой.

— Зару играютъ, извѣстно.

Уже вечерѣло, когда всему эскадрону выслали на дворъ ящики шампанскаго. Въ этотъ часъ господа жгли въ покояхъ жженку. Офицеры молча стояли вокругъ стола, скрестивъ надъ чашей сабли. По лезвіямъ и молодымъ лицамъ, скользило голубоватое пламя.

Енголычевъ легъ съ трубкой на окно. Тутъ и увидѣлъ онъ, какъ бѣжитъ вдоль рѣшетки та самая Психея съ акрошкерами, въ бѣломъ платьи съ горошинками, и какъ соломенная шляпка, съ загнутыми полями, бьетъ ее по спинѣ. Два драгуна догоняютъ Психею, придерживая гремящіе палаши.

— «Чудится!» подумалъ Кентавръ, а лицо потемнѣло, оскалилось, какъ въ бою.

«Не чудится, нѣтъ».

Кентавръ прыгнулъ на подоконникъ, качнулся, исчезъ. Онъ ушалъ въ пыль, какъ кошка, встряхнулся. Сухо дыша, хромая, отмахиваясь мокрые волосы съ глазъ, онъ догналъ двухъ австрійскихъ драгунъ.

Француженка отъ него метнулась, вдругъ узнала, припала къ плечу. Кентавръ оттолкнулъ ее къ стѣнѣ.

— Ты такое видалъ? — сквозь зубы выговорилъ онъ, поднявъ къ лицу солдата смуглый кулакъ.

Драгунъ отмахнулъ головой, какъ быкъ, и глухо выбранился, мѣшая польскія и нѣмецкія слова.

— А такое видалъ? — также сказалъ Кентавръ другому.

Тотъ отступилъ и потянулъ изъ ноженъ палашъ.

Digitized by Google

— Палашъ! — Кентавръ рванулъ его отъ драгуна, съ колецъ и ремней, и поднялъ надъ головой тяжелое австрійское оружіе. Драгуны, сшибаясь плечами, бросились отъ оскаленнаго гусара бѣгомъ.

Онъ швырнулъ палашъ и обернулъ къ дѣвушкѣ полутатарское, полуцыганское лицо, по которому словно-бы еще пробѣгали сѣрыя молніи.

Именно такимъ было первое свиданіе субалтернъ-офицера Изюмскаго полка Павла Енголычева съ Жиннетъ Дорфей, дочерью полковника 17-го полевого полка Наполеоновской арміи.

У ступенекъ своего дома Жиннетъ замѣтила, что весь желтый бокъ московскаго гусара вываленъ въ пыли. Дѣвушка обмахнула его доломанъ платкомъ. Они оба смѣялись: они не понимали другъ друга, ни слова.

Пролетѣлъ внезапный дождь, зашумѣли за рѣшеткой молодые каштаны и француженка, съ веселымъ визгомъ, поджавъ юбку между колѣнъ, вбѣжала по деревяннымъ ступенькамъ на лѣстницу.

IV.

Сызранскаго полка пѣхотинцы, что сушили на долгихъ шестахъ, по парижскимъ дворамъ, свои холщевыя рубахи, казацкіе косяки, рослая щеголеватая гвардія, всѣ полки Александровы принесли съ собой въ Парижъ особый воздухъ свѣжей бодрости и деревенской чистоты: такъ пахло, крѣпко и свѣжо, отъ полковыхъ котловъ, портомоенъ, отъ разношенныхъ за тысячи верстъ похода сапогъ, отъ пропотѣлой кожи киверовъ, отъ шинелей.

Воздухъ свѣтлаго тепла, дальняго дыма, принесли съ собой въ Парижъ россійскіе войска: за-

Digitized by Google

пахъ сукна и сѣна, здороваго мужицкаго тѣла. горячаго вина, табаку, ржаного хлѣба, кваса, баннаго пара и березовыхъ вѣниковъ, бодрый запахъ солдатъ Петровой Имперіи.

Почасту голубоглазые, бѣлобрысые, готовые улыбаться во всѣ бѣлые зубы, и подъ хмелькомъ ходить въ обнимку посреди улицы съ любымъ камерадомъ, гоняющіе съ ребяческимъ гоготомъ, до первой звѣзды, бабки и кубаря на полковыхъ дворахъ, засыпающіе дружно, вповалку, какъ наигравшіеся ребята, солдаты императора Александра скоро полюбились Парижу съ ихъ деревенскимъ воздухомъ и добрымъ смѣхомъ, съ ихъ странными играми, рюхи и тынъ, и странными плясками, вѣтерокъ, метелица, коростель.

Въ россійскихъ полкахъ по-французски говорили развѣ въ штабахъ и на верхахъ, въ блистательномъ кругу петербургской гвардіи, а провинціальная россійская молодежь, какъ Енголычевъ, съ голубятенъ, дѣвичьихъ, галочьихъ рощъ и отъ заѣзжихъ гувернеровъ, кормящихъ мохнатую ноздрю табакомъ, притащила въ Парижъ такой чудной французскій языкъ, отъ котораго сама въ досадѣ поводила плечами.

Правда, Полторацкій скоро сталъ собирать вокругъ себя въ Палѣ-Рояли толпу веселыхъ парижскихъ нимфъ. Послѣ устрицъ, шампанскаго и каштановъ, жареныхъ на жаровнѣ, онъ нараспѣвъ декламировалъ имъ вольныя элегіи и оды Парни, на языкѣ стариннаго дворянства французскаго. Отъ самой Москвы въ его гусарской сумкѣ тряслись по Европѣ томики Парни, Монтескье и Вольтера. Маленькаго гусара, картавца съ голубыми глазами и ослѣпительной улыбкой, въ Пале-Рояли прозвали зябликомъ.

Россійскіе полки императора Александра, чер-

Digitized by Google

новолосые, съ живыми и зоркими глазами, генералы Бородина, молодежь, влюбленная въ непобѣдимую имперію россовъ и въ ея бѣлокураго Ахиллеса, малый кругъ петербургской гвардіи, толкующей подъ рукой, чуть насмѣшливо и картавя на русскихъ словахъ, о вольныхъ каменщикахъ и золотомъ вѣкѣ республики, московскіе рекруты кротко поющіе передъ фрунтомъ «Отче Нашъ», статные силачи, гвардейскіе щеголи, и ветераны въ жесткой щетинѣ, голенастые, сухопарые ворчуны, грубые съ начальствомъ, охочіе до пѣнника и баннаго полка, сивые орлы самаго батюшки Суворова, что ведутъ по-вечеру сказъ про тѣ-ли горы Альпійскія, какъ вышли въ долины изъ обваловъ, снѣговъ, мундиры во вшахъ, лохмотье одно, безъ сапогъ, что генералъ, что солдатъ, и бородами оснастились, ровно барская сволочь, порткатые мужики, всѣ полки Александровы, изумленные зрѣлищемъ блистательныхъ побѣдъ и Европы, принесли съ собой въ Парижъ, какъ новые галлы, воздухъ радостной бодрости.

Того, что случилось не ждалъ никто, и меньше другихъ ждали они, загорѣлые и бѣлозубые завоеватели.

Тяжко разбивъ грудь подъ Бородинымъ, они едва отдышались и кинулись въ сгорѣвшую Москву, погнались за непріятелемъ. Новый Титанъ только пыталъ свои силы: то бросались они въ отчаянныя атаки, то панически отступали подъ первой французской картечью, то сгорали живьемъ въ Малоярославцѣ, то разбѣгались толпой дѣтей, завидя въ метели строй старой гвардіи. И снова бросались съ радостнымъ ревомъ въ погоню.

Подъ Бородинымъ, въ отчаяніи, они бились грудь о грудь съ побѣдителемъ міра, а на Березинѣ они еще не понимали, что бьются съ приз-

Digitized by Google

ракомъ побѣдителя. А когда поняли, кинулись за нимъ, упоенные нечаянной побѣдой, опрокидывая по пути все, крѣпости, страны, столицы. Съ востока возстала внезапная денница, Кесарь Россійскій, и Наполеонъ предъ нимъ уже казался убѣгающей тѣнью карлы. Новое солнце взошло: Александръ. И Александровы чада залили столицу міра.

Парижъ принялъ ихъ, Парижу понравились бодрые варвары, звонкоголосые номады: они даже не чуяли своей свѣжей красоты и радости полнаго здоровья. Въ самые первые дни, эта пышущая мѣдью деревенщина, ходила по домамъ съ постойными билетами и весело бранилась: — .

— Бетъ, бетъ...

— Мы не животныя, — жаловались хозяйки русскимъ офицерамъ, покуда тѣ не растолковали, что солдаты не бранятся, а просятъ постелей, однако, еще по нѣмецки, какъ привыкли въ Германіи.

На базарѣ, подъ навѣсами ларей, съ яблоками и коричневыми пряниками, похожими на московскія ковражки, на любезный вопросъ торговки скоро подмигивалъ русскій гвардеецъ и храбро отвѣчалъ: —

— Комса.... Да еще полкомсы, пожалуй, сударыня.

А маленькія парижскія шляпницы скоро стали слушать, посмѣиваясь, пріятное пѣніе русскихъ гигантовъ. Московская гвардія пѣла и легонько подталкивала шляпницъ локтями:

— Пожалуйста, сударыня, сядьте со мной рядомъ,

Пожалуйста, сударыня, наградите взглядомъ,

Прочь, прочь, отвяжись, какой безпокойный...

Парижу понравилось и, не понимая ни слова, Парижъ сталъ подпѣвать и подсвистывать гвардіи. Скоро по каруселямъ, на парижскихъ ярмаркахъ,

Digitized by Google

въ любой ресторацiи знали, что такое у русскихъ вейнъ-вейнъ и что берлагутъ. «Берлагутъ», такъ попросилъ впервые водки барабанщикъ Архангелогородскаго полка, солдатъ нетрезвый, штрафной, но острословъ на весь батальонъ. Трактирщики рѣшили, что водка по-русски «берлагутъ», а русскiе солдаты, что по-французски водка «вейнъ-вейнъ». И стоило русскому усачу въ потемкахъ бульвара легонько скашлянуть, и сказать «трикъ-тракъ», какъ парижская нимфа тотчасъ брала гиганта подъ локоть и они удалялись съ поспѣшностью по своимъ особливымъ дѣламъ.

А подъ сѣрыми сводами Богоматери Парижской, русскiе ходили на носкахъ, придерживая кивера подъ локтемъ. Они стряхивали немного по лошадиному головами, крестясь у престола, и смотрѣли на все съ радостнымъ любопытствомъ.

Они бывали въ Сорбоннѣ, на мануфактурахъ, и въ старыхъ дворцахъ. Они бывали и на лекцiяхъ господина Бенжамена Констана.

Можетъ быть именно въ тотъ день, когда русскiе гренадеры въ бѣлыхъ гамашахъ сидѣли стаей на широкихъ ступеняхъ Сенъ-Мадлены, Храма Славы Великой Арміи, и писалъ изъ Парижа въ Лондонъ суровый англiйскiй генералъ Велингтонъ: «Я долженъ сказать, что здѣсь мнѣ понравились больше всего русскiе гренадеры».

V.

Въ прежнемъ капральствѣ Африкана Зимина, умалишеннаго, что скончался еще въ царствiе государя Павла, нетронуты въ неисчислимыхъ сраженiяхъ только два товарища его: капралъ, или, какъ приказано называть нынче, унтеръ-офицеръ

Digitized by Google

Акимъ Говорухинъ, пожилой, неслышный солдатъ, любитель божественнаго и Библіи чтецъ, да молодой Михайло Перекрестовъ, что на разсвѣтѣ мартовской ночи подавалъ воду хозяйкѣ государя Павла Петровича.

Былъ еще пѣвецъ Ларіонъ, одинъ глазъ карій, другой голубой, пропалъ подъ Москвою. Нѣтъ вѣстей и о Родіонѣ Степановичѣ, заикѣ. Въ дальнихъ бѣгахъ Родіонъ Кошевокъ, съ бѣлой собакой, по великому и тайному дѣлу. А барабанщика Калевайнена, чухну, подъ Лейпцигомъ потребло каленымъ ядромъ.

Во французской казармѣ, въ сухомъ и свѣтломъ покоѣ, для унтеръ-офицеровъ Говорухина и Перекрестова, поставлены за деревянной перегородкой, постели съ шерстяными одѣялами и тонкими простынями, словно для господъ: много иностраннаго барства ходитъ въ Парижѣ любопытствовать на гвардію, и содержатся гренадеры въ холѣ и чистотѣ, ровно дворовая сволочь, а не солдаты полевые.

Надъ своей постелью капралъ Акимъ приладилъ образокъ Николы Мирликійскаго, и подъ нимъ католицкую лампаду синяго стекла, добытую въ Вильно за два польскихъ гроша.

Въ углу, подъ образомъ, сидитъ Акимъ надъ потрепаной святой книгой, самъ въ бѣлой рубахѣ, въ солдатскомъ красномъ галстухѣ, бичевкой обмотаны ушки оловянныхъ очковъ, точно всегда свѣтлый праздникъ въ капральскомъ углу. А молодой Михайло пропадаетъ весь день. Вечеромъ придетъ и ляжетъ на койку. Тогда Акимъ Спиридоновичъ уставитъ палецъ на книжный листъ, чтобы не потерять святой буквы, подыметъ круглые окуляры на лобъ и скажетъ съ укоризной:

— Снова ты, Миша, табашнаго духу нанесъ.

Digitized by Google

— Точно, дядя, трубочку выкурилъ.

— Балуешься.

— Да, я одну.

— Одну. А тамъ винца хлебнешь, пятака въ хлюсты кинешь, тамъ деньжонки дѣвкѣ на платочекъ занадобятся, и, гляди, нашъ Миша проштрафился и шкуру прутьями обдерутъ. Непотребные навыки забираешь. Избаловался въ походѣ.

— И то... Балуюсь.

Михайло посмѣется, стягивая мундиръ, отвернется къ стѣнѣ, словно спитъ. Акимъ задуетъ свѣчу, потомъ позоветъ:

— Миша.

— Я, дядя.

— Не спится тебѣ?

— Нѣтъ, не спится.

— А что я хочу сказать: щиблетъ ты снять забывши. Простыни эфти барски дехтемъ, смотри, изгвоздаешь. Начальству обида... Щиблеты сыми.

— И то.

Михайло проворно садится на койку и отстегиваетъ щтиблеты.

Точитъ синій свѣтъ лампада, порхаетъ у суровыхъ устъ Николы Мирликійскаго темный огонь.

— А пошто не спишь? — говоритъ Акимъ. — Сумнительный ходишь. На тебя мысли нашедши, мнѣ видать. Остерегись. Сказывалъ тебѣ: солдату въ чистотѣ содержать себя доложно. Не прельщайся. Солдату прелести не положено. Такъ отъ батюшки Суворова повелось... Остерегись.

— А, дядя, вотъ дядя... А вотъ, дядя, не остерегся.

— Пошто не остерегся, Михайло?

— А вотъ, не остерегся. И все.

Молодой капралъ смотритъ на лампаду. Оба примолкнутъ на койкахъ. Теперь позоветъ Михайло.

Digitized by Google

— Дядя, заснулъ, али нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Шумъ-то на улицахъ... Повсюды огни... Смутный городъ, многолюдство.

— Намъ города не въ диковинку. Постоимъ и уйдемъ. Солдатству города не постой, а дорога.

— Давеча я у балагановъ ходилъ. Вертится карусель со звонками.

— Ну?

— Такъ. Вертится.

— И пущай вертится. Ты спалъ-бы.

— Я, дядя, сплю. Ништо.... А сказываютъ, будто крѣпостныхъ тутъ нѣтъ вовсе и всѣмъ вольность положена.

— Можетъ и вольность. А люди повсюды одинакіе.

Помолчатъ. Михайло закинетъ руки подъ голову и смотритъ на синій огонь:

— А я думаю. И про то думаю, какъ наше солдатство, и Парыжъ городъ какой. Смутно мнѣ... И то думаю, гдѣ-то нынче нашъ Родивонъ Степанычъ съ потайной.

— Онъ-то ходитъ... Эва, сыскалъ о чемъ думать.

— А когда сгибъ?

— Сгибъ... Мелешь пустое... Когда-бъ случай какой ужъ получили-бы отъ него вѣсть. Уговорено было, чтобы вѣсть при случаѣ подалъ. День заступитъ, дойдетъ до государя, чтобы правду открыть про батюшкину горькую смерть: мы ей свидѣтели. А гляди вѣстей отъ Родивона Степаныча нѣтъ. Стало-быть ходитъ.

— Эхъ, смутно мнѣ все. Пойду я завтрева подъ карусели гулять.

— Завертѣли звонки?

— А вотъ, дядя... И то.

По-утру, выскребя до блеска кривымъ черен-

Digitized by Google

комъ рыжеватую щетину на подбородкѣ, сидитъ капралъ Акимъ на койкѣ, а Михайло стоитъ у окна, третъ суконкой мѣдь кивера и поетъ. Лоснятся его курчавые черные волосы, еще мокрые отъ мытья.

— Стало-быть пошелъ нашъ Мишенька маршъ-маршемъ, — неодобрительно скажетъ Акимъ, пошевеливъ пальцами босыхъ ногъ, съ костяными желваками. — А и видать куда Мишенька ходитъ.

— А, дядя, куда? — обернется молодой капралъ, въ одной рукѣ штиблетъ, въ другой сапожная щетка.

— А по дѣвку Мишенька ходитъ... Точно, отъ бабы никому нѣтъ упору, ниже солдату. Она, бабища сладкая, первая на землѣ великанша. Вотъ тебѣ и вертится, и звонки по ночамъ, карусель въ головѣ.... Дѣвки не остерегся.

Михайло сверкнетъ бѣлыми зубами, зардѣется.

VI.

Кошелевъ, адъютантъ графа Строганова, былъ въ походѣ въ одной каретѣ съ графомъ. Рука Кошелева на черной повязкѣ: раскрошило пулей кость подъ Велiей.

Послѣ Москвы онъ постарѣлъ, въ зеленоватыхъ глазахъ сталъ горѣть огонекъ затаенной тревоги, и что-то бережно-внимательное и застѣнчивое было теперь во всѣхъ его словахъ и движенiяхъ.

Петръ Григорьевичъ Кошелевъ, тщательно, даже съ педантизмомъ, несъ службу, словно оберегая мелочи той жизни, въ которой снова проснулся, въ ноябрьскомъ туманѣ, у деревяннаго моста, тамъ, въ Россiи, когда мальчишки-бара-

Digitized by Google

банщики били вечернюю зорю подъ полковымъ значкомъ. Онъ какъ-бы еще вглядывался во всѣ лица и не узнавалъ до конца никого, и чего-то искалъ.

Строгановскій адъютантъ съ рукой на повязкѣ ни съ кѣмъ не сходился. Онъ многимъ казался страннымъ, о немъ говорили, что онъ потрясенъ московскимъ пожаромъ и плѣномъ, что обвѣнчанъ въ Москвѣ съ неизвѣстной купеческой сиротой изъ простонародья, что молится по ночамъ громкимъ шопотомъ, однако, скупъ, гордецъ и нелюдимъ.

И точно, Петръ Григорьевичъ и черезъ много мѣсяцевъ похода и побѣдъ не могъ забыть того непостигаемо-страшнаго, что открылось ему въ пожарищѣ Москвы. Послѣ пожара, Европейскій походъ, слава Россіи, самое завоеваніе Парижа, все чудилось ему невѣрнымъ и ненастоящимъ.

Онъ не могъ-бы никому объяснить своего безпокойнаго чувства, но казалось ему, что съ московскимъ пожаромъ сдвинулась въ огнѣ не одна Москва, а сдвинулось что-то, и навсегда, во всей Россіи.

Только отъ своей жены Параскевы Саввишны онъ не скрывалъ неподавляемаго темнаго страха предъ Россіей. Онъ не скрывалъ отъ нея и чувства виновности предъ невѣдомой Софьюшкой Захарьиной, о которой не разъ справлялся въ Москвѣ и въ провинціи.

Скрытая тревога придавала напряженный блескъ его глазамъ, а его странная замкнутость заставляла сторониться отъ него товарищей. Безпокойство и страхъ за Россію превратили его не въ участника, а въ молчаливаго свидѣтеля похода, точно онъ сталъ отчужденнымъ гостемъ той жизни, въ которой снова проснулся. Но падало его томительное чувство, какъ падаетъ парусъ безъ

Digitized by Google

вѣтра, когда въ полковую канцелярію приносили пачку шершавыхъ синихъ писемъ, съ печатями московскаго почтамта.

Нехитрыя письма Параши, какъ онъ ждалъ и любилъ ихъ. Въ округлыхъ и ласково-припадающихъ буквахъ, въ невѣрно написанныхъ словахъ, въ самомъ почеркѣ жениномъ, онъ каждый разъ находилъ умиротворяющій свѣтъ отдохновенія. Онъ разглаживалъ синій листокъ на рукавѣ мундира и читалъ московскія письма съ медленной улыбкой, наполнявшей свѣтомъ его склоненное лицо.

«Теперь часъ седьмый и утро обѣщаетъ намъ день прекрасный» — писала жена. — «Если-бы сердце мое было такъ весело, какъ начинается день. Ахъ, грустно мнѣ, какъ далеко ты въ походахъ, радость моя. Не видать мнѣ тебе и голосу твово не слыхать, а я пребываю съ тобою, да хранитъ тебе Богъ. Твоя жена и другъ вѣрный до гроба Параскевія Кошелева».

Графъ Павелъ Александровичъ не разъ заставалъ адъютанта надъ письмами. Графу полюбился этотъ скупой на слова и замкнутый офицеръ. Онъ взялъ его къ себѣ для порученій. Сближеніе ихъ началось еще съ Германіи. Съ померкшими глазами Кошелевъ разсказывалъ графу объ испытаніяхъ пожара и плѣна и точно ждалъ, что этотъ дородный и смирный человѣкъ, смаргивающій рѣсницами и поглаживающій круглое колѣно полной рукой, что-то отвѣтитъ, что-то откроетъ ему.

Однажды, подъ вечеръ, когда стекла кареты помутнѣли отъ дождя, Строгановъ нарушилъ свое смирное молчаніе.

— Такъ вотъ что вамъ позрѣлось въ Москвѣ, — сказалъ графъ. — Словно-бы образъ ужаснаго бунта....

Digitized by Google

— Бунта? Почему бунта? Я не разумѣю васъ.

— Да, именно такъ, — графъ, повидимому, отвѣчалъ своимъ мыслямъ. — Быть можетъ, я могъ-бы раскрыть вамъ сіе примѣромъ, познаннымъ отъ масоновъ. Сей видимый міръ есть одно движеніе симболовъ и образы будущаго открываются оку пытливому въ мимошедшихъ образахъ настоящаго: во днѣ сегодняшнемъ какъ-бы проходятъ тѣни завтрашняго дня. Такъ и сей московскій пожаръ... Не симболъ ли онъ пожара ужаснѣйшаго, коему суждено горѣть въ русскихъ душахъ?

— Я вовсе не разумѣю васъ.

— Извольте тогда выслушать одну странную повѣсть, повѣсть о моей жизни,

VII.

Только сынъ графа Павла, молодой графъ Александръ, зналъ исторію отца, потаенную отъ домашнихъ. Это было въ 789 году. Павелъ Александровичъ Строгановъ, тогда ему едва минулъ осьмнадцатый годъ, остался въ мятежномъ Парижѣ со своимъ гувернеромъ, господиномъ Жильбертомъ Роммомъ, горбуномъ съ холодными глазами, тонкимъ математикомъ и страстнымъ якобинцемъ, тѣмъ самымъ Роммомъ, который былъ занятъ въ Парижѣ изобрѣтеніемъ республиканскаго календаря, а нѣкогда помогалъ въ Санктпетербургѣ скульптору Фальконету въ его разсчетахъ Петрова монумента.

Молодой московскій аристократъ, не по лѣтамъ рослый, свѣтловолосый, съ блѣднымъ и сонным лицомъ, въ своемъ васильковомъ кафтанѣ скоро сталъ примѣтенъ въ якобитскихъ клубахъ. Тогда

Digitized by Google

еще оставался въ Парижѣ резидентъ россійской императрицы, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Симолинъ, который отписалъ въ Санктпетербургъ старому графу Строганову, что «учитель его сына, Роммъ, сего человѣка молодого, ему порученнаго, водитъ въ клубы Жакобеновъ и пропаганды, учрежденные для взбунтованія вездѣ народовъ противу власти и властей». Но графъ Павелъ съ равнодушнымъ любопытствомъ бродилъ въ неистовыхъ толпахъ Парижа. Роммъ ежедневно водилъ его слушать въ Версалѣ буйныя рѣчи Національнаго Собранія, а въ день праздника Федераціи они протолкались полные сутки на Марсовомъ полѣ и горбунъ, въ своемъ щегольскомъ черномъ кафтанѣ съ пышнымъ жабо, схватилъ тамъ прежестокую лихорадку.

Гражданинъ Роммъ, который сталъ позже предсѣдателемъ Конвента, осудившаго на гильотину короля Франціи, въ якобитскомъ клубѣ «Друзей Закона», подвелъ своего воспитанника къ статной дѣвушкѣ. Смугло-румяная, съ родинкой надъ свѣжей губой, со свѣтлокарими, чуть сумасшедшими глазами: Теруань. де-Меликуръ. Она водила толпу на Бастилію. Она носила короткій плащъ синяго бархата, красную куртку, круглую шляпу съ трехцвѣтной кокардой и пистолеты за поясомъ.

Дикая красота иностранки поразила московскаго графа. Тогда Парижъ, потрясаемый великимъ мятежомъ, повидился ему по иному, тогда самое небо Парижа стало чудиться ему пылающей красной курткой Теруань-де-Меликуръ.

Въ якобитскомъ шерстяномъ колпакѣ набекрень, русскій графъ бѣжалъ за ея круглой шляпой съ триколеромъ. Якобиты носили на палкахъ рваныя штаны, свои знамена. Теруань-де-Меликуръ, верхомъ текла съ толпой. Графъ Павелъ бѣжалъ съ мушкетомъ у ея стремени и выкрикивалъ

Digitized by Google

задорную пѣсню бунтовщиковъ. Онъ никогда не зналъ, куда бѣгутъ и что будетъ: онъ смотрѣлъ въ сіяющіе сумасшедшіе глаза Теруанъ-де-Мерикуръ.

Скоро гражданинъ Роммъ, предсѣдатель клуба «Друзей Закона»», гдѣ Теруань-де-Мерикуръ числилась архиваріусомъ, поручилъ графу Павлу, подъ именемъ гражданина Очеро, завѣдывать клубной библіотекой, и въ августѣ 790 года, русскому якобинцу, за подписомъ самаго Барнава, былъ выданъ якобитскій дипломъ на шершавомъ листѣ, съ девизомъ между ликторскихъ пучковъ и фригійскихъ колпаковъ «жить свободнымъ или умереть», и съ восковыми печатями: красныя лиліи революціи.

Подъ книжной полкой, задернутой зеленой тафтой, тамъ, гдѣ пылился мраморный Плутархъ, въ библіотечномъ покоѣ окнами въ садъ, мчались торопливыя свиданія графа Павла съ Теруанъ-де-Мерикуръ. Только слѣпецъ Плутархъ былъ свидѣтелемъ того, какъ отстегивалъ графъ Павелъ ея поясъ и отбрасывалъ ея тяжелые пистолеты. Ему шелъ тогда девятнадцатый, Теруань-де-Мерикуръ было за тридцать.

Но въ мокрую декабрьскую ночь 790 года притащилась въ Парижъ тяжелая дышловая карета шестерикомъ, облѣпленная нѣмецкой и польской грязью: за якобинцемъ Очеро, за очарованнымъ русскимъ графомъ, прибылъ изъ Москвы молодой Новосильцовъ.

Дружескія клятвы, ночныя слезы: говорилъ, можетъ-быть, молодой Новосильцовъ, что не въ Парижѣ, а въ отечествѣ надлежитъ учреждать республиканское равенство и вольность, что безъ барской воли графа Павла закоснѣютъ навсегда подъ ярмомъ тысячи его рабовъ, что графъ обносился, сталъ неряшливъ, что онъ него воняетъ, какъ отъ

Digitized by Google

мятежнаго парижскаго безштанника, а на немъ великое титло и гербъ, старинная родовая честь. Говорилъ, можетъ-быть, Новосильцовъ, что запирается отъ слугъ отецъ графа Павла, проливая многія слезы, а на Москвѣ, какъ и прежде, цвѣтутъ тихія липы и у Василія Блаженнаго кормятъ по-утру голубей, — только случилось такъ, что на разсвѣтѣ гайдуки подвели подъ локти графа Павла къ высокой каретной подножкѣ и захлопнули дверцы. Красныя колеса, съ которыхъ слуги такъ и не отмыли литовскихъ и польскихъ грязей, загремѣли по щербатымъ мостовымъ.

Гражданинъ Очеро покинулъ Парижъ съ подорожной въ далекую Москву.

VII

Въ послѣднихъ сраженіяхъ за столицу Франціи, подъ Краоной, графъ Строгановъ потерялъ сына Александра: мальчику ядромъ снесло голову.

Кошелевъ, подавленный нечаяннымъ извѣстіемъ, дѣлалъ все, чтобы облегчить горе отца. Этотъ старѣющій и смирный человѣкъ, сталъ ему теперь близкимъ до жалости.

Возницы повернули съ похода тяжелую карету: графъ съ адъютантомъ провожалъ въ отечество дубовый гробъ сына. Строгановъ не показывалъ безмолвнаго горя на людяхъ. Утончилось и посвѣтлѣло его продолговатое лицо, какъ-бы замкнулось, и двѣ морщины прорѣзались въ углахъ рта, а похудѣвшія руки стали казаться еще крупнѣе.

Чтобы разсѣять дорожное молчаніе, Кошелевъ читалъ графу письма жены. Графъ Павелъ слушалъ чтеніе, глядя въ каретное окно.

Однажды былъ уже дочитанъ листокъ, когда

Digitized by Google

графъ затрясъ вдругъ кожаное сидѣніе дорожнымъ тѣломъ, зарыдалъ.

Кошелевъ забился въ уголъ. Рыданія стали шумными, графъ всхлипывалъ . Потомъ онъ плакалъ неслышно, утеръ платкомъ лицо и эмалевый военный крестъ, высморкался, оправилъ бѣлый жилетъ, и роговымъ гребнемъ сталъ зачесывать назадъ жидкіе волосы.

Они молчали часъ или два.

— Простите, — сказалъ графъ, — Я прервалъ ваше чтеніе... Мнѣ было тяжело. Теперь я буду крѣпокъ... Прикажите возницѣ остановиться въ главной квартирѣ. Я долженъ проститься съ государемъ предъ отъѣздомъ изъ арміи...

Кошелевъ тронулъ шнуръ къ возницѣ и передалъ приказаніе. Они снова долго молчали.

— Сашѣ мыслилось, что Теруань-де-Мерикуръ жива, — внезапно сказалъ графъ. — Мыслилось и мнѣ. Въ семъ была наша тайна съ милымъ Александромъ. Онъ чаялъ быть свидѣтелемъ нашей встрѣчи въ Парижѣ... Не довелось.

Графъ Павелъ Александровичъ какъ-бы искалъ забвенія въ задумчивой бесѣдѣ. Впрочемъ, онъ больше говорилъ самъ и Кошелевъ не прерывалъ его странно-покойныхъ неторопливыхъ рѣчей.

— Парижъ... Онъ такъ и останется для меня зрѣлищемъ бунта. Я рано вкусилъ тамъ отъ великаго разочарованія революціи. Всѣ мечтательства Маратовъ и Робеспіеровъ сбылись однимъ жизнеубійствомъ. Онѣ не сбылись даже и въ маломъ. Но какъ не помыслить, что отъ нихъ изошелъ и сей чудесный Бонапартъ. А мечтательства сего поручика артиллеріи сбылись всѣ до малаго,даже и тѣ,о коихъ онъ не мечталъ вовсе... Чудесно,во истину: отъ разрушенія изошло созиданіе, отъ гибели побѣда, отъ

Digitized By Google

революціи имперія. Бонапартъ говаривалъ, что революція и есть имперія.

Кошелевъ молча смотрѣлъ на полное лицо графа и на его моргающія рѣсницы.

— Не даромъ Бонапартъ сравнивалъ себя съ Петромъ... Шатаніе многихъ вѣковъ, смута, тлѣющая на полуночи, достались въ наслѣдство нашему государю Петру. Петръ преобразилъ полунощь и се озарилась она россійской имперіей... Дивенъ замыселъ: вѣчное преображеніе, преображеніе тьмы. Въ семъ и заключается побѣдительное таинство нашей имперіи: нѣтъ бездны, ей страшной, и бразда движенія въ десницѣ Петровой. Петрова имперія тоже революція поражающая хаосъ и тьму строемъ своимъ. Революція, пострашнѣе еще Бонапартовой... Въ вѣчномъ бореніи, въ вѣчномъ преображеніи подъ десницей Петровой, духъ Россіи, ея живое движеніе. И развѣ мы пострашимся?

Строгановъ круто повернулся къ Кошелеву. Тотъ вздрогнулъ. —

— Ни мало не пострашимся. Мы чада Петровы. И за сіе чудесное отечество отдалъ жизнь мой Саша... Я всегда былъ врагомъ Бонапарта, потому одному, что его мѣсто въ мірѣ долженъ занять мой государь. Я вѣрю въ Александра... Онъ мой старый другъ. Когда-то, до войны, я подалъ моему государю памятную записку съ точнымъ изложеніемъ мыслей моихъ о россійскомъ правленіи. Я писалъ объ установленіи здраваго правительства, дарованіи свободы всѣмъ гражданамъ Россіи. Сія свобода, воспитаніе гражданское, должна стать столпомъ отечества, закономъ, оберегающимъ всѣхъ отъ произвола, понеже сама нація россійская суть гражданство. Государь Петръ Первый утвердилъ россійскую державу въ великомъ преображеніи, въ сознаніи гражданства. Въ свершеніи сего неустаннаго

Digitized by Google

преображенія, самая сила Россіи, ея движущій духъ. А когда пострашатся потомки замысловъ Петра, промедлятъ время или прилѣпятся къ рабству, закоснѣютъ, падетъ Россія плодомъ недозрѣлаго генія и померкнетъ въ ничтожествѣ. Но тому не бывать, я вѣрю въ Александра. Онъ знаетъ мои мысли, однако, у меня однѣ размышленія, а у него на рукахъ вся имперія, ея народы, войны, побѣды, судьба... Не буду сѣтовать о сынѣ, когда Александръ ведетъ Россію. Да сбудется!

Уже было темно. Графская карета и крытый фургонъ съ дубовымъ гробомъ остановились на площади тихаго французскаго городка, гдѣ пребывала главная полевая квартира. Преображенскій караулъ окликнулъ возницу.

IX

Какъ всюду, государь любилъ и на походѣ къ Парижу полноту полдня, чистое тепло тишины. Въ полдень, въ залѣ дома, гдѣ остановилась главная квартира, государю казалось, что онъ, свѣжій и отдыхающій, растворяется въ свѣтѣ. Государь наслаждался такими часами. Тогда были отрадны и утѣшительны всѣ полумысли и образы его, воздвигаемые свѣтлымъ движеніемъ тишины. Весь міръ, умолкшій въ отдохновеніи, казался однимъ куполомъ, наполненнымъ божественнымъ свѣтомъ и туда, къ вышинѣ, безъ его усилій, дѣлъ и тревогъ, какъ и безъ усилій другихъ людей, само собой, подымается міръ. Именно такъ, само собой, думалъ онъ и свершалось съ нимъ все и всегда. Такъ свершилось и завоеваніе Парижа, въ которомъ онъ больше не сомнѣвался.

Государь отдавался полдню и солнцу, какъ-бы

Digitized by Google

согрѣвая въ нихъ свое хладнокровіе, томительное равнодушіе ко всему, неисчезаемый хладъ, то непреодолимое смертное молчаніе, которое онъ чувствовалъ съ тайной горечью въ самой глубинѣ, еще съ молоду, съ мартовской ночи, отъ начала щемящихъ дней царствованія.

Въ среду, поутру, въ разстегнутомъ бѣломъ сюртукѣ австрійскихъ кирасиръ и въ бѣломъ жилетѣ, государь, свѣжій отъ недавняго умыванія, стоялъ у окна и съ разсѣяннымъ удовольствіемъ приглаживалъ у висковъ золотистые волоски, еще влажные отъ воды.

Положивъ крупную ладонь на мраморную доску стола, которая, какъ прохладное зеркало, отражала его склоненную лысую голову, государь читалъ дорожную англійскую библію, маленькій томъ съ золотымъ обрѣзомъ.

Въ этомъ чтеніи онъ тоже находилъ особое удовольствіе, слегка волнующее, смиренное и бодрящее. Чтеніе облегчало прѣсное чувство отъ всего, что теперь шумѣло и толпилось вокругъ, то однообразное утомленіе, которое онъ такъ въ себѣ не любилъ. Ему было пріятно, что пѣсни царя Давида трогаютъ своимъ свѣтомъ его, государя, здѣсь, во Франціи, на вершинѣ побѣдъ, и что въ изступленномъ восхищеніи немощами своими и слабостями духа предъ лицомъ Божества, онъ находитъ защиту и для себя.

Государь ждалъ въ среду графа Строганова и былъ радъ такому свиданію. Онъ не встрѣчался давно съ чудакомъ Павломъ.

Другъ его первыхъ дней, первыхъ безсонныхъ ночей, толстѣющій, скромный и блѣдный графъ Павелъ, пріятель монтаньяровъ парижскихъ, смолоду, сказываютъ, счастливый любовникъ самой Теруань де-Мерикуръ, всегда пробуждалъ въ государѣ

Digitized by Google

скрытое любопытство, даже легкое чувство зависти, къ своей особливой и странной судьбѣ. А теперь государь искренно сожалѣлъ о потерѣ имъ сына подъ Краоной и о печальномъ отъѣздѣ изъ арміи.

Правда, этотъ старѣющій якобитъ и хорошій командиръ его гренадеровъ, утомлялъ вскорѣ же однообразіемъ своихъ размышленій и безплодныхъ мечтательствъ. Государь зналъ, что всѣ слова графа будутъ немного старомодны, причудливы и несбыточны, но, какъ бывало и прежде, оставятъ въ душѣ пріятный слѣдъ тѣхъ мечтаній, которыя не сбываются, а если и сбудутся, то въ иныя, отдаленныя времена, сами собой, когда и Россія и человѣчество сойдутся подъ одинъ гармоническій куполъ свѣта и, можетъ-быть, станутъ прекрасной республикой графа-мечтателя. Государь услышалъ мягкіе ровные шаги въ другой залѣ, за бѣлой дверью съ ликторскими пучками.

Онъ вложилъ англійскую библію въ футляръ блестящей кожи, застегнулъ серебряную плоскую пуговицу мундира, но тутъ же отстегнулъ ее, и еще одну, у бѣлаго галстуха: старый другъ долженъ видѣть, что его принимаютъ запросто, по домашнему.

Графъ Строгановъ въ гренадерскомъ мундирѣ, въ лентѣ и орденахъ, тяжелый, звенящій, внезапно погасилъ солнце на паркетѣ. Онъ былъ необычаенъ въ своемъ парадѣ, и тугой воротникъ, шитый лаврами, замѣтно давилъ ему двойной подбородокъ.

Государь привѣтливо сощурился и протянулъ обѣ руки:

— Сердечно радъ тебя видѣть, Павелъ Александровичъ. Твоя потеря мое искреннее горе.

Ясный звукъ слышался въ голосѣ Александра. Строгановъ слегка отвернулся, его щека потряслась.

Digitized by Google

— Мой сынъ честно послужилъ отечеству, побѣдамъ...

Крѣпко, чуть дергая къ себѣ, государь пожималъ его руку.

— Прошу прощенія вашего величества, что въ семъ горестномъ состояніи...

— Полно, Павелъ, послушай, къ чему сіе вы, и парадъ и регаліи?

Онъ взялъ графа подъ локоть и повелъ къ окну.

Оба стали къ свѣту лицомъ: государь статный, въ бѣломъ, и Строгановъ, тоже высокій, но грузный, въ темномъ мундирѣ. Можетъ-быть, мягкой линіей обритыхъ губъ, или лысыми лбами, или глазами, съ одинаково дрожащими отъ солнца рѣсницами, но они были похожи другъ на друга. Графъ Павелъ сталъ у окна, какъ тѣнь Александра.

— Ты постарѣлъ. Ты весьма постарѣлъ, бѣдный Павелъ.

Государь грустно и кротко покачалъ головой.

— Былъ-бы ты молодъ, — отвѣтилъ Строгановъ. — А ты все тотъ же. Ты, во-истину, прекрасенъ, государь.

— Полно, полно, какое...

Государь улыбнулся, похлопалъ Строганова ладонью по таліи. Отъ искреннихъ словъ его лобъ слегка покраснѣлъ.

— А ты, Павелъ, ты давно не навѣщалъ стараго друга...

— Токмо обычай священной дружбы, кою изволилъ помянуть, понудилъ безпокоить тебя... Немного мыслей, размышленій, кои долгомъ почелъ отдать на вниманіе твое предъ отъѣздомъ въ Россію.

Покойный глуховатый голосъ, и эти «кои», обѣщающія многія рѣчи, какъ и прежде, въ годы друж-

Digitized by Google

бы, слегка затомили государя. Онъ обнялъ Строганова за талію.

— Прошу, мой другъ, садись... Ты знаешь, какъ я люблю слушать рѣчи твои, смирный Дантонъ россійской.

— Благодарствую, государь.

Строгановъ почувствовалъ скрытый холодъ въ послѣднихъ словахъ Александра и высвободилъ талію, едва замѣтнымъ движеніемъ.

— А каковъ нынче день... Прелесть, солнце, — разсѣянно щурясь, сказалъ Александръ.

Онъ сидѣлъ въ креслахъ, закинувъ ногу на ногу, и чуть покачивалъ острымъ носкомъ башмака.

На уже пригрѣтой спинѣ Строганова наморщился мундиръ: графъ искалъ платокъ въ заднемъ карманѣ. Потъ оросилъ его лобъ.

— Государь, я почитаю долгомъ, я почитаю, — Строгановъ слышно дышалъ, онъ подыскивалъ слова. — Я долгомъ почитаю сказать мнѣніе мое о сихъ великихъ событіяхъ, вершителемъ коихъ были ваше величество, а мы участники и свидѣтели, съ нами весь свѣтъ. О сей побѣдѣ надъ Бонапартомъ, благословенной во истину... Меня не возжелала смерть, такъ благословлю смерть сына, ради твоей побѣды...

— Павелъ, другъ мой.

— Государь, подобно новому Александру, ты завоевалъ міръ и бури міра сего усмирилъ.

— Павелъ Александровичъ...

Лобъ государя снова покраснѣлъ отъ искреннихъ словъ графа:

— Ты прямую оду мнѣ складываешь... Такова избранная судьба моего отечества, а я самый малый въ сей чудесной судьбѣ. Пожалуй, не читай мнѣ одъ, любезный Павелъ Александровичъ.

— Нѣтъ, государь, кабы зналъ, какъ склады-

Digitized by Google

вать оды и на стихахъ пѣлъ-бы тебя и наши времена... Свершилась россійская судьба. Возсіялъ геній Россіи.

Графъ зазвенѣлъ орденами, поднялся съ креселъ, государь тоже всталъ, изумленно и пристально взглянулъ на графа.

— Александръ, ты побѣдилъ Бонапарта, — твердо и торжественно сказалъ Строгановъ.

— Да побѣдилъ ли еще?

— Ты побѣдилъ. Парижъ у ногъ твоихъ, и вся Европа... Ты поразилъ его въ голову. Наполеону болѣ не быть. Отнынѣ Александръ занялъ мѣсто Наполеона. Во-истину такъ.

Графъ Павелъ шумно дышалъ. Онъ провелъ платкомъ по щекѣ и крупному носу въ капляхъ пота:

— Такъ, ты побѣдилъ его... Но, государь... Побѣдилъ-ли ты революцію, вскормившую его?

— О чемъ ты, любезный Павелъ? — свѣтлая бровь государя приподнялась внимательнымъ угломъ.

— Ты замѣстилъ въ мірѣ Наполеона. А ты вѣдаешь Наполеонову тайну? Вѣдаешь-ли, какъ отвести отъ отечества и всего свѣта сіи неминуемыя стихій исторженія, какъ самое страшилище революціи превратить въ строй имперіи?

— Такъ вотъ ты о чемъ, — государь сжалъ губы ладонью, какъ-бы утеръ ихъ, и такое движеніе всегда было у него, когда что-нибудь его волновало. Онъ усмѣхнулся, быстро и непріятно, съ досадой.

— Постой, Павелъ, постой... Хорошо, скажу тебѣ, что не вѣдаю. Но полагаю, не вѣдалъ и онъ. Не нами все началось и не нами свершится. А міръ всегда въ Божьей десницѣ.

— Прости, но тутъ не надобно вовсе смиренія...

Digitized by Google

Въ Божьей десницѣ былъ міръ, когда открылась ужасная революція французовъ. Откройся россійская революція, все въ Божьей десницѣ будетъ пребывать міръ. Я сказываю, что Наполеонъ вѣдалъ...

— Наполеонъ, Наполеонъ, — тонкія, бабкины губы государя зло сжались, онъ покраснѣлъ. — Будетъ о немъ...

— Прости, государь, — сказалъ Строгановъ покорно.

Александръ, заложивъ руки за спину, сталъ ходить по залѣ. Онъ мелькалъ у окна столбомъ бѣлаго свѣта. Подошелъ къ графу и опустилъ ему на плечо руку:

— Ты меня прости, Павелъ Александровичъ.

Тяжелый подбородокъ графа замѣтно дрогнулъ:

— Государь... Кабы могъ, кабы умѣлъ сказать... Свершеніе россійской судьбы. Прейдутъ времена, не воротятся... Обозри небывалую побѣду твою. Все въ твоемъ мановеніи и всѣ ждутъ мановенія, побѣдительныя войска, преданное отечество, народы Европы, весь свѣтъ... Ты привелъ сюда не господъ съ господскими рабами, ты привелъ сюда истинную свободную націю россійскую. Въ сихъ побѣдахъ войско твое превратилось въ націю новую, великую, священную... Россіянамъ-ли, побѣдившимъ свѣтъ, утвердившимъ въ Европѣ законъ, имъ-ли будетъ недостойно и страшно отдать нынче то, что имъ надлежитъ — гражданство, просвѣщеніе, волность душъ, — столпъ закона... Въ твоей рукѣ довершеніе Петровой имперіи. Доверши! Ты во-истину, освободитель отечества. Зрю тебя, высоко, благословенный, свершитель...

Строгановъ пристально взглянулъ на государя, въ сѣрыхъ глазахъ запрыгали зрачки. Строгановъ

Digitized by Google

смотрѣлъ такъ, точно впервые узналъ Александра и грузно трясся отъ восторга.

Волненіе графа передалось Александру. Его рука металась по плечу, по рукаву графскаго мундира, точно рука слѣпца:

— Ты сказалъ, ты сказалъ, Павелъ... Ахъ, постой, ты сказалъ...

Лицо Строганова въ блестящемъ поту вдругъ потемнѣло, онъ тяжело звякнулъ, рухнулъ на колѣни, поднялъ руки надъ головой, и подъ краснымъ сукномъ обшлаговъ мелькнула голубая подкладка.

— Кесарь, Кесарь, безстрашно впряги революцію въ квадригу имперіи. Теперь ты впряжешь ты побѣдитель! Ты возьмешь отъ революціи всю ея неистовую силу въ строй имперіи... Будь безстрашнымъ, какъ Петръ. И вознесутся кони россійскіе, солнечная квадрига, и твоимъ мановеніемъ минуютъ всѣ пропасти. Зрю геній сіяющій, Россію... Не пострашись, доверши!

Строгановъ припалъ головой къ паркету. Его спина и полныя плечи тряслись. Александръ съ глазами, погасшими отъ волненія, неловко, подъ мышки, сталъ подымать графа, коснулся его влажныхъ волосъ.

— Встань, Павелъ, встань, ахъ, Богъ мой, да встань же...

Графъ поднялъ дрожащее лицо:

— Завоеватель міра, сыми съ отечества яремъ рабства... Неужели вернешься въ отечество рабства, съ рабами, къ рабамъ...

— Встань, я приказываю тебѣ!

Государь отвернулся отъ графа. Замелькалъ у оконъ бѣлымъ столбомъ. Строгановъ поднялся и одернулъ мундиръ. Онъ вытеръ платкомъ лицо и шумно высморкался. Его мягкія губы дрожали.

Бѣлый Александръ сталъ подходить къ Строга-

Digitized by Google

нову, изъ дальняго конца, отъ камина, какъ-бы неслышно крадучись.

— Я безъ страха, — тихо сказалъ государь, потирая руки. — Я не страшусь. Я безъ страха понесъ тяжелое наслѣдство бабки. Безъ страха принялъ нашествіе Бонапартово, понесу побѣду. Я несу безъ страха Россію... Я тебя разумѣю... Предначертаніе судьбы... Имперія... Я знаю мою судьбу... А судьба имперіи... Вижу-ли? Вижу. Я вижу мое призваніе. Да, освободительный законъ, открытіе россійскаго генія въ полномъ свѣтѣ, твоя революція... Я жажду того. Я того смолоду жажду. Смотри на меня, или я лгу?

— Государь...

— Смотри, или я лгу! Руку мою отруби, когда лгу... Я жажду, жажду!

Государь топнулъ ногой, закинулъ бокомъ лысую голову, вдругъ съ силой, двумя руками, стиснулъ лицо, съежился, сталъ узкимъ, точно-бы колченогимъ, глухо вскрикнулъ:

— Павелъ, Павелъ!..

— Ваше величество?

Выкатились блѣдно-голубые, помутнѣвшіе глаза государя, отъ пальцевъ красныя полосы на щекѣ, косятся губы, государь быстро шепчетъ:

— Онъ... Павелъ... Отецъ... Щемитъ. Руки мнѣ ослабляетъ. Я словно воръ, потайной, скрытной. Я не вѣрю въ себя. Я не могу. Я въ Бога хочу вѣрить, въ Его защиту, въ прощеніе, видитъ Богъ я не виновенъ. Я не виновенъ, видитъ Богъ!

Государь провелъ ладонью по глазамъ, увидѣлъ Строганова.

— Ты сказалъ судьба имперіи. Незнаемая судьба. Не гадай, кто знаетъ... Знаю мою судьбу... Мнѣ не сдержать твоей квадриги. Я не Кесарь. Я даже не мужъ... Совѣсть вопитъ во мнѣ разстроенными го-

Digitized by Google

лосами... Лучше я отъ всего отстранюсь, отращу бороду, уйду, отдамъ скипетръ... Что мнѣ скипетръ? А имперія... Когда ты гадатель, разгадай сіи тайные литеры на замкѣ отца: Дому Твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней... Или забылъ? Злодѣйство... Забылъ. На мнѣ.

Они стояли другъ противъ друга, далекіе, каждый въ своемъ, непонятномъ другому. Государь повернулъ къ графу голову медленнымъ и красивымъ движеніемъ:

— Благодарствую за прямыя дружескія рѣчи. Вѣрую, что безъ насъ, волей Божьей, будетъ полный свѣтъ въ мірѣ, благостная тишина... Прости, мой другъ, я утомился. Я не могу.

Голосъ государя осѣкся, точно сталъ матовымъ, и теперь въ немъ слышался тусклый звукъ.

Они молча обнялись на прощаніе.

X.

Кошелевъ ждалъ Павла Александровича на улицѣ до вечерняго часа. Упадалъ весенній теплый день и свѣтлое небо было, какъ золотистая млѣющая бездна. Кошелевъ залюбовался прозрачностью воздуха, въ которомъ плавала сиреневая колокольня и острыя крыши домовъ. Верхніе этажи и вершины деревъ еще свѣтились отъ солнца, и уже посинѣвшая внизу улица, отъ длинныхъ завѣсъ свѣта, казалась одной солнечной анфиладою.

Онъ увидѣлъ графа на солнечной сторонѣ и перешелъ къ нему изъ тѣни.

По разсѣянному и грустному взгляду Павла Александровича, Кошелевъ понялъ, что графъ чѣмъ то разстроенъ. Строгановъ молча пожалъ ему руку. Они стали подыматься незнакомой тѣсной улицей, по ступенькамъ, въ гору.

Digitized by Google

Такъ они шли очень долго. Теперь и крыши и колокольни посинѣли. Въ далекомъ фонарѣ зажегся странно-свѣтлый огонь.

Въ саду ресторацiи уже горѣли между деревъ бумажные фонари, но заря еще сквозила въ перьяхъ русскихъ плюмажей и на золотомъ шитьѣ русскихъ мундировъ. Ресторацiя была полна ужинающихъ. Говоръ и движенiя казались пріятно-согласными, точно всѣ чувствовали гармоническую и таинственную тишину вечера.

Офицеры вставали, завидя дороднаго гренадерскаго генерала съ адъютантомъ. Пріятно звенѣли кольца сабель. Всѣ молодыя лица, повернутыя къ графу, казались нѣжными и красивыми. Графъ знакомъ руки приглашалъ офицеровъ не безпокоиться. Онъ прошелъ съ Кошелевымъ наверхъ.

У открытаго окна шелестѣла старая липа. Отъ нея шла сырая прохлада. Заря, сквозь вѣтви, вѣяла по столу румянымъ плетенiемъ. Графъ разсѣянно приглатывалъ вино. Онъ задумался и положилъ локоть на столъ. Отъ его руки легла тѣнь. Внизу, въ темныхъ купахъ сада, было слышно мягкое звенѣнiе шпоръ.

— Дому Твоему подобаетъ Святыня Господня, — тихо сказалъ графъ. Его лицо свѣтилось въ тонкомъ сумракѣ вечера.

— Святыня въ долготу дней... Надобно думать, сiе изъ псалтыри?

Онъ посмотрѣлъ на Кошелева съ разсѣянной и грустной улыбкой.

— Не былъ-ли подобный псаломъ на фронтонѣ Павлова дворца?

— Да, точно, это псаломъ государя Павла Петровича, — сказалъ Кошелевъ чутко и тревожно. — У старыхъ гренадеровъ, я думаю, и нынче ходитъ по рукамъ записка съ псалмомъ. Когда сосчитать

Digitized by Google

въ немъ литеры, получишь годы жизни государя Павла. Солдаты вѣрятъ, что государь самъ указалъ долготу дней своихъ.

— Своихъ-ли?... Дому Твоему подобаетъ Святыня...

Въ саду ресторации, въ прохладной темнотѣ, подъ струнную музыку, это была арфа, женскій голосъ запѣлъ итальянскую пѣсню. Они оба заслушались приливовъ и отливовъ арфы.

— Она поетъ о Тосканѣ, — сказалъ графъ. — Въ долготу дней... Такъ... Такъ кончился поединокъ Александра съ Бонапартомъ.

Изъ сада послышался мягкій шумъ рукоплесканій.

Кошелевъ съ тревожной жалостью смотрѣлъ на графа. Онъ чувствовалъ жалость къ графу и къ себѣ и къ шуму рукоплесканій и къ невидимой въ темнотѣ русской молодежи, едва звенящей кольцами сабель, и къ итальянской пѣвицѣ съ арфой, и къ послѣднему огню зари, который еще тлѣлъ въ верхнемъ этажѣ дальняго дома.

— Мы зальемъ Парижъ... Придемъ и уйдемъ — послѣ молчанія сказалъ графъ:

— Все минуется. Сожалѣть-ли, что милому Сашѣ не довелось видѣть побѣды? Онъ, можетъ-быть, зритъ иной свѣтъ, у иного престола. Вотъ желанія его не исполнилось: не будетъ нашего свиданія съ Теруань-де-Меркуръ... Для одного исполненія его желанія, буду просить васъ идти съ арміей въ Парижъ, отыскать ее, когда жива, и поклониться отъ состарѣвшаго гражданина Очеро. Я дамъ вамъ письма къ старымъ друзьямъ и адреса, кои помнятся. Парижъ вамъ будетъ любопытенъ... Не затруднитъ-ли васъ подобное порученіе?

— Отнюдь, графъ, прошу...

Digitized by Google

Въ эту ночь графская карета и крытый фургонъ миновали Преображенскій караулъ на заставѣ, а адьютантъ Строганова остался при главной квартирѣ.

XI.

Александръ занялъ домъ Талейрана, на улицѣ Тиволи.

Парижъ былъ плѣненъ великодушіемъ и любезностью бѣлокураго Кесаря. Съ почтительной скромностью онъ посѣтилъ бывшую императрицу Жозефину, онъ не забылъ посѣтить жену своего воспитателя, швейцарскаго республиканца Лагарпа, онъ былъ въ Сорбоннѣ и осматривалъ памятники и гражданскія учрежденія столицы, то подымая къ глазамъ, то опуская золотой лорнетъ, съ изящнымъ любопытствомъ. За нимъ бѣжали толпой, на гуляніяхъ и въ театрѣ его встрѣчали овваціями. Журналы Парижа, журналы всей Европы, прославляли императора Александра, описывая каждый его шагъ, каждое слово. Скользящій, какъ-бы матовый свѣтъ, казалось, исходилъ отъ него, и особая прелесть была въ его движеніяхъ, въ нихъ было что-то женственно-прекрасное и осторожно - благородное.

Въ глубинѣ двора Талейранова дома, отдѣленнаго отъ улицы легкой рѣшеткой, россійская гвардія каждое утро мѣняла караулъ съ церемоніей. Гвардейцы салютовали такъ легко, что аммуниція звенѣла, будто стеклянная. Барабанъ разсыпалъ бодрую дробь. Каждую утро у рѣшетки толкались любопытные. Стеклянный звонъ аммуниціи, дробь барабана и парадные великаны въ бѣлыхъ гамашахъ, застывшіе у подъѣзда, толпѣ все казалось необычайнымъ, небывалымъ. У рѣшетки жда-

Digitized by Google

ли, когда къ дворовымъ крыльцамъ подведутъ сѣраго коня и выйдетъ Александръ, улыбаясь одними уголками губъ и оправляя бѣлую перчатку. Толпа восторженно затихала при сіяющемъ видѣніи, точно знака его, мановенія, которое отключитъ волны свѣта, видныя ему одному.

Кошелевъ, съ толпой любопытныхъ, смотрѣлъ по утру церемонію караула. Въ своемъ свѣтло-сѣромъ фракѣ онъ непримѣтно терялся въ толпѣ, но на многихъ улицахъ къ нему уже приглядѣлись. Этотъ вѣжливый и скромный иностранецъ, съ рукой на черной повязкѣ, ходилъ по домамъ до самыхъ мансардъ, и наверху, въ потемкахъ, отыскивалъ чьито двери. А когда ему открывали, иностранецъ освѣдомлялся о такихъ жильцахъ, какихъ въ домѣ не помнилъ никто. Не тайный-ли онъ агентъ русскій полиціи, или онъ сошелъ съ ума? Съ вѣжливой улыбкой иностранецъ, вызывалъ изъ забвенія имена депутатовъ Конвента, ораторовъ якобитскихъ клубовъ. На улицахъ онъ уступалъ дорогу сумрачнымъ роялистамъ, съ бѣлыми кокардами на черныхъ шляпахъ. У витринъ Лувра подолгу разсматривалъ эстампы и восковые бюсты съ париками. Россійскіе пѣхотные офицеры выходятъ гурьбой изъ модныхъ лавокъ, у каждаго въ рукахъ пара бѣлыхъ перчатокъ, идутъ щеголять въ Пале-Рояль.

Кошелевъ бродилъ по Парижу съ письмомъ графа Строганова. Онъ разыскивалъ Теруань-де-Мерикуръ.

Въ солнечный день съ дождемъ и вѣтромъ, онъ проходилъ узкой улицей за Сеной. Его остановило движеніе русской конницы. Безъ строя и безъ оружія конница шла съ купанья на Сенѣ. Копыта лошадей мокро блестѣли, лоснилась влажная шерсть.

Digitized by Google

Конница заполнила улицу радостнымъ цоканьемъ, пересыпающимся рокотомъ копытъ. По веселымъ лицамъ драгунъ, по храпотку и счихиванію коней, было понятно, что всадникамъ и конямъ одинаково пріятно мелькающее солнце и рокочущее движеніе.

Всаники безъ сѣделъ, многіе босые и мундиры въ накидку, но всѣ въ римскихъ шлемахъ, босой римскій легіонъ на буланыхъ коняхъ, русская конница показалась Кошелеву бодрымъ и невыразимо-прекраснымъ движеніемъ самой Россіи. Онъ вглядывался въ курносыя загорѣлыя лица солдатъ подъ мѣдными шлемами, точно желалъ ихъ запечатлѣть навсегда.

Невысокій гусаръ въ желтомъ ментикѣ стоялъ рядомъ съ нимъ въ кучкѣ зрителей. Въ голубыхъ глазахъ гусара была та же веселая гордость, что и въ глазахъ Кошелева. Онъ повернулся, чтобы итти, и толкнулъ гусара.

— Осторожнѣе, прошу васъ, — сказалъ тотъ по французски. Его голубые глаза блеснули гордымъ недовольствомъ.

— Прошу прощенія, сударь, — отвѣтилъ Кошелевъ по-русски.

— Вы русской? — гусаръ улыбнулся. — Впрочемъ и видно, что русской.

— Почему?

— Не знаю, лицо-ли, походка...

Оба разсмѣялись.

Гусарь пристально посмотрѣлъ на Кошелева:

— Словно-бы я васъ гдѣ-то встрѣчалъ. Нѣчто знакомое въ вашихъ чертахъ... Вы московской?

— Нѣтъ. Петербургской, то-есть жилъ въ Петербургѣ... Точно, и ваше лицо мнѣ знакомо.

Онъ протянулъ гусару руку:

— Гвардіи капитанъ Кошелевъ.

— Полторацкой, — сказалъ гусаръ. — Право, я

Digitized by Google

помню васъ. Когда-то мы съ вами видались... Ну, конечно, я совершенно васъ помню. Въ Петербургѣ, лѣтъ десять обратно. Помнится, вы привели меня въ казармы. Той мартовской, извѣстной ночью... Ну, библію, помните?

— Богъ мой, Полторацкой.

Они обнялись и расцѣловались въ самые губы. На нихъ смотрѣли съ веселымъ любопытствомъ.

Полторацкій взялъ Кошелева подъ руку. Они быстро разговорились: въ какомъ полку, гдѣ стоять, почему безъ мундира, въ адъютантахъ? А мы въ Парижъ на коняхъ, четыре мѣсяца въ походѣ, безъ малаго двѣ тысячи верстъ въ сѣдлѣ и ногъ не оттоптали.

Съ первыхъ же словъ они, кажется, знали все другъ о другѣ.

На ближайшемъ перекресткѣ Полторацкій уже перешелъ на «ты»: «ты не знаешь нашего Пашку, Кентавра, я тебя познакомлю, что за прелесть Пашка, чортъ, татаринъ, влюбленъ во французскую дѣвченку, сегодня его, варвара, посвящаютъ въ масоны, въ походной ложѣ «Астрея», разумѣется ты тоже вольный каменьщикъ, мы пойдемъ вмѣстѣ».

— Какое, я давно покрылъ ложу.

— Пустяки. Мы пойдемъ. Вотъ встрѣча. Я отлично помню тебя съ библіей и свѣчей на полковомъ ларѣ. Я помышлялъ, что ты готовишься въ монахи, ей Богу. Постой, а какъ твое имя, то-есть по батюшкѣ?

— Петръ Григорьевичъ.

— Ну, конечно, Петръ Григорьевичъ... Ты порядочный чудакъ, Петръ Григорьевичъ. Я, честное слово, помню тебя. Впрочемъ въ бесѣдѣ съ музами, съ Парни, съ Шиллеровой Таліей, съ Лафонтеномъ и Гете, я не видалъ полета времени.

Кошелевъ не могъ понять, шутитъ маленькій гусаръ или говоритъ правду.

Digitized by Google

Скоро Кошелевъ узналъ, какъ гусары варили кашу на шампанскомъ винѣ, какъ гнули на мѣлокъ углы валетовъ и двоекъ, въ счетъ будущихъ благъ, какъ артиллеристы, въ отместку за Матушку-Москву, намѣревались дернуть генеральнымъ залпомъ по Батюшкѣ-Парижу, да вмѣшалось начальство, тысячи любопытныхъ вещей узналъ Кошелевъ отъ гусара: о медали 812 года, ее будутъ носить въ петлицѣ, на голубой лентѣ, на медали Всевидящее Око въ треугольникѣ, съ лучами, и надпись «не намъ, не намъ, а имени Твоему», однако, а намъ неужели ничего? И тутъ же о факторахъ или ночныхъ амурахъ, о пріятныхъ сокровенностяхъ парижанокъ и гдѣ ихъ сыскать, о томъ, какъ въ Саксоніи на гусарскій эскадронъ напали полчища мухъ и приключись тутъ ученикъ Пиѳагоровой секты, непремѣнно сказалъ-бы что мухи суть души французовъ, замерзшихъ въ Россіи, которые мстятъ въ новомъ своемъ превращеніи, и о ночной мазуркѣ на крышѣ польскаго сарая и что-то нѣмочкѣ, и еще что-то о нѣмочкѣ съ тарелкой черешенъ въ какомъ-то Вакертгейнѣ.

Полторацкій, болтая, тащилъ Кошелева подъ руку. Вдругъ оттолкнулъ его:

— О, Лизхенъ, о, вздохъ... Лети къ тѣмъ дальнимъ мѣстамъ за Рейнъ, за Эльбу, гдѣ блуждаютъ мои взоры...

— Что за театръ, послушай, — смѣялся Кошелевъ.

— Нѣтъ, не театръ, ей Богу. Но Парижъ когда-бы ты, Кошелевъ, зналъ Парижъ! Богъ мой, тутъ все забудешь. Здѣсь самая вершина жизни, здѣсь все движется, мыслитъ, говоритъ... И какъ подумать, куда намъ возвращаться... Безгласной нѣмотой, угрюмымъ величествомъ чудится тутъ наша Матушка-Рассея, какъ землячки говорятъ. Словно все тамъ нѣмѣетъ, дурнѣетъ, молчитъ. Слушай,

Digitized by Google

я правду тебѣ говорю. Не стыдно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что у насъ рабство и нѣтъ этихъ, ну, какъ ихъ, о чемъ нынче всѣ говорятъ, ну какъ въ Лондонѣ, депутатской палаты, что-ли? Ты не смѣйся, мнѣ стыдно... Ну, понимаешь, словно не достаетъ чего-то Россіи.

«Кажется, теперь онъ не балагуритъ» подумалъ Кошелевъ. Гусаръ выпустилъ его руку и обернулъ насмѣшливое и грустное лицо.

— А ежели хочешь знать правду, такъ мнѣ ничего не надобно на семъ свѣтѣ, ни палатъ лондонскихъ, ни Парижей... Развѣ, когда умру, пусть влѣпятъ самую нѣжную эпитафію въ могильный камень мой. А такъ, и тутъ и въ отечествѣ, все тощно. Я несчастливъ, когда тебѣ правду сказать.

— Полно, что такъ, непримѣтно.

— Нѣтъ, я истинно несчастливъ, другъ Петръ... Я вижу, какъ хороша, какъ свѣтла жизнь и люблю ее, но у меня тутъ въ сердцѣ, словно-бы стужа...

«Вотъ и признанія по русскому обычаю» холодно подумалъ Кошелевъ.

— Были и у меня, другъ Петръ, дни, когда я любилъ, чаялъ счастья и чистыхъ радостей... Да ты, поди, слышалъ объ исторіи моей. Можетъ статься даже знавалъ Захарьиныхъ. Софюшка Захарьина, слышалъ?

— Постой... Я ничего не слыхалъ.... Какіе Захарьины?

— Тульскіе, родственники Когушевыхъ. Они задержались въ Москвѣ, подъ французами. Софьюшка сдѣлалась больна послѣ московскаго пожара. И не видѣлъ, какъ увезли отъ меня... Боже мой, Боже мой, да за что же, зачѣмъ-же...

Полторацкій вскрикнулъ горестно, также, какъ на мартовскомъ разсвѣтѣ, когда-то, у рѣшетки Лѣтняго Сада.

— Все равно, все равно, — гусаръ провелъ

Digitized by Google

худой рукой по щекѣ. — И къ чему я тебѣ разсказалъ, самъ не знаю... Пойдемъ, Кошелевъ, выпьемъ встрѣчу. У Вéрри чудесное шампанское.

Кошелевъ замѣтно дрожалъ. Точно потемнѣли въ глазахъ небо, улица, покрышки каретъ, лица пѣшеходовъ.

— Такъ вотъ что, — бормоталъ онъ. — Прости, голубчикъ, не могу, я долженъ итти. Прости. Такъ вотъ что... Не могу, прощай.

— Порученія, адъютанствуешь? Стыдись, Кошелевъ, пойдемъ.

— Не могу, послушай.

— Ну, такъ чортъ съ тобой, когда такъ, ступай куда хочешь, къ чорту, ханжа!

Гусаръ круто повернулся и зашагалъ, придерживая саблю подъ локтемъ. Кошелевъ посмотрѣлъ на его худую спину и только теперь понялъ, что маленькій гусаръ не вовсе трезвъ.

На мгновеніе Кошелеву показалось, что всѣ смотрятъ на него и знаютъ то, что самъ онъ глубоко пряталъ отъ себя и отъ людей, о невѣдомой Софьюшкѣ, безчестномъ страхѣ, который одна Параша прощаетъ ему, а не простилъ бы никто.

Онъ почти бѣжалъ у стѣнъ домовъ и черезъ мостъ.

Съ горечью и разочарованіемъ, онъ думалъ, что его жизнь не удалась, что его жизнь была-бы иной, если бы онъ спасъ тогда Софьюшку. Невѣдомая, она показалась ему необычайно-прекрасной, но тутъ же его тронула жалость къ Парашѣ, точно онъ предаетъ ее ради видѣнія, ради невѣдомой.

За площадью косой и дымной горой подымалось аметистовое небо: надъ Парижемъ собирался дождь. Кошелевъ посмотрѣлъ на дальній куполъ инвалиднаго дома, за которымъ шла аметистовая гора:

— Но я ничѣмъ не могъ ей помочь. Я не могъ...

Digitized by Google

На бормочущаго иностранца съ любопытствомъ оглядывались прохожіе. Крупные, какъ гривеники, капли застучали по шляпѣ. Вѣтеръ дохнулъ шумно и холодно, понесло дождевой дымъ, экипажи и прохожіе мгновенно смѣшались въ клубы тумана.

Тоска и невыносимый страхъ охватили Кошелева. Невѣдомая Софьюшка, о которой внезапно напомнилъ ему Изюмскій гусаръ, пожаръ Москвы. поднялся въ немъ терзающимъ видѣніемъ. Парижъ нагроможденіе домовъ, снующіе люди, блестящіе экипажи, все отошло и смутно умолкло въ туманѣ водъ. Пожаръ видѣній окружилъ Кошелева. «О чемъ я? Пожаръ давно отгорѣлъ, Парижъ завоеванъ, я въ Парижѣ, какъ это? Знамена, мстители Москвы, шумятъ надъ Сеной Горделивой. Не отгорѣлъ тотъ пожаръ, вотъ о чемъ. Строгановъ справедливо сказалъ: знакъ пожара ужаснѣйшаго, вотъ о чемъ».

— И горимъ, — съ горечью и злобой пробормоталъ онъ. — Всѣ души въ безпокойствѣ. У Полторацкаго, у графа, у меня... А Евстигней, развѣ не сгорѣлъ, а Павлуша... Господи, Россія горитъ, страшно отъ Твоего зрѣлища...

Онъ вспомнилъ какъ его вели съ плѣнными. Онъ подумалъ, что Полторацкій чѣмъ-то похожъ на разстрѣляннаго трубача. Онъ вспомнилъ монастырскую шапочку Параши. Его жена, каретникъ, трубачъ изъ сдаточныхъ шарней, баричъ-гусаръ, его гренадеры, смирный графъ, тѣ молодые всадники, римскій босой легіонъ, встрѣченный имъ, всѣ русскіе люди, которыхъ онъ видѣлъ когда-либо, внезапно показались ему изумительно-свѣтлыми и прекрасными. Его сталъ успокаивать шумъ дождя.

На встрѣчу попался русскій гренадеръ въ бѣлыхъ штанахъ и въ тяжеломъ киверѣ, похожемъ на мокрую митру.

Digitized by Google

Гренадеръ велъ за руку дѣвушку, вѣрнѣе дѣвочку, въ тафтяномъ шарфѣ, завязанномъ на груди узломъ. Миловидное личико весело и свѣжо смотрѣло изъ-подъ мокраго чепца. Она высоко приподымала подолъ и были видны ея ножки въ бѣлыхъ чулкахъ. Громадный гренадеръ велъ ее за руку, такъ парни ходятъ съ дѣвушками въ русскихъ деревняхъ.

Капралъ Михайло Перекрестовъ такъ отводилъ съ каруселей домой, въ прачешную, Крошку Сюзаннъ, какъ звали ее сосѣдки, ту самую сладкую бабишу-великаншу, которой пенялъ его полковой дядька.

Михайло выпустилъ руку Сюзаннъ и, выбрякнувъ мѣдью, сталъ во фрунтъ. Кошелевъ привѣтливо улыбнулся, прошелъ мимо.

— Вродѣ нашъ командеръ, а, смотри, въ вольномъ. Надо быть обознался, — увѣренно сказалъ Михайло. Онъ все говорилъ ей увѣренно и ясно, точно, Сюзаннъ могла его понимать.

На истертыхъ ступенькахъ у прачешной, они постояли въ самой лужѣ. Сюзаннъ оглядѣлась нѣтъ-ли кого вблизи, приподнялась на носки и довольно больно дернула книзу за черные баки этого чужого и большого ребенка со смѣшнымъ именемъ Миша. Потеребить его на прощаніе за баки Сюзаннѣ нравилось больше всего.

XII.

Уже много дверей закрылось предъ носомъ Кошелева, уже во многихъ домахъ жильцы вѣжливо покачивали головами, разсматривая съ недоумѣніемъ графскіе конверты, на которыхъ были четко написаны неизвѣстныя имена. Колесница революціи и имперіи пронеслась надъ Парижемъ, кто изъ графскихъ друзей могъ уцѣлѣть подъ такой гро-

Digitized by Google

зой въ своихъ гнѣздахъ, но Кошелевъ постучалъ еще въ одну дверь, на четвертомъ этажѣ стараго дома, на темной улицѣ Кота - Рыболова у Сены. Ему долго не отпирали. Онъ постучалъ снова.

Тогда ему отперъ старый Бенже, когда-то секретарь клуба «Друзей Закона»: онъ усидѣлъ подъ всѣми бурями въ своемъ гнѣздѣ. Его лысая голова тряслась и слезились глаза. Старый якобинецъ вышелъ на лѣстницу въ туфляхъ на босу ногу, въ заношеномъ халатѣ, съ торчащими клочьями ваты.

— Господинъ Бенже?

— Да, я Бенже, что вамъ надо?

Старикъ недовѣрчиво оглядѣлъ иностранца съ рукой на черной повязкѣ.

— Вамъ письмо отъ гражданина Очеро.

— Гражданина Очего? Теперь нѣтъ гражданъ и я не знаю никакого Очеро.

— Письмо адресовано вамъ, господинъ Бенже.

Старикъ запахнулъ на тощія ноги полу халата. Онъ неувѣренно взялъ отъ Кошелева конвертъ и подошелъ къ круглому окну на площадкѣ.

— Гражданину Аристиду Бенже отъ гражданина Очеро, — прочелъ онъ. — Да, это мое имя, Аристидъ. Но мнѣ не отъ кого ждать писемъ, я превосходно всѣми забытъ. Какъ паршивая собака. Послушайте, это шутка? Я не знаю Очеро... Очеро.

Вдругъ сильно блеснули слезящіеся глаза, конвертъ запрыгалъ въ костлявыхъ пальцахъ.

— Какъ, вы отъ Очеро? Отъ русскаго Очеро? Знаю-ли я Очеро? Тише... Вы русскій? Входите.... Очеро, такихъ именъ больше нѣтъ, входите.

Старикъ почти втащилъ Кошелева въ прихожую. Онъ разломилъ зеленую печать на конвертѣ. Они сѣли въ шаткія кресла, у камина. Тускло озарило слезящійся глазъ якобинца, морщинистую щеку, клочья сѣрыхъ волосъ у виска.

Digitized by Google

Лица Кошелева не было видно въ потемкахъ. Старикъ, наклоняясь къ огню, читалъ письмо, губы шевелились беззвучно.

— Мой милый другъ, мой милый другъ, — пошепталъ Бенже, цѣлуя письмо.

— А, ты помнишь ее, Очеро? Такъ ты помнишь нашу Теруань-де-Мерикуръ? Ее засѣкли.

— Она умерла?

— Скажите Очеро нѣтъ, скажите Очеро жива... Въ іюнѣ, нѣтъ въ маѣ проклятаго девяносто третьяго года... Уже двадцать лѣтъ... Торговки раздѣли ее до гола и сѣкли. Ее сѣкли на площади, у Тюильери, недалеко отъ гильотины. Она сошла съ ума. Отъ стыда, можетъ-быть. Такъ кончаются великія революціи. Уже двадцать лѣтъ, какъ она въ сумасшедшемъ домѣ. Здѣсь, въ Парижѣ. Дайте листокъ, я напишу названіе госпиталя... Такъ Очеро не забылъ ее. Бѣдный Очеро. Скажите, чтобы онъ поминалъ въ молитвахъ ея бѣдную душу.

— Аминь, — сказалъ Кошелевъ, подымаясь съ креселъ.

Подъ дождемъ онъ торопился въ гостинницу, когда Изюмскій субалтернъ-офицеръ Енлогычевъ, съ гулянія у Пале-Рояли, провожалъ домой Жиннетъ Дорфей. Что-то печальное и тревожащее говорилъ ей московскій гусаръ. Она не понимала ни слова.

У самаго подъѣзда къ нимъ шагнулъ отъ стѣны высокій старикъ безъ шляпы, въ мундирѣ Наполеоновой арміи. Старикъ замахнулся на Жиннетъ, дѣвушка вбѣжала въ подъѣздъ. По лицу стараго француза струился дождь, сѣдыя пряди прилипли къ щекамъ. Кентавръ понялъ, что передъ нимъ отецъ Жиннетъ и отступилъ. Понуро оперся на кривую саблю.

То пѣшимъ, то въ случайномъ дилижансѣ, пол-

Digitized by Google

ковникъ Дорфей добрался въ Парижъ изъ Фонтенебло. Онъ оставилъ послѣдніе батальоны, знамена, императора. Ему писали, что его Жиннетъ видѣли съ русскимъ варваромъ, среди австрійской и прусской сволочи, среди русскихъ дикарей, запрудившихъ нечастный Парижъ. И кто же? Мокрый щенокъ, въ желтомъ ментикѣ, съ бѣлой опушкой, ощипанной дождемъ:

— Прочь!

Мальчишка-гусаръ виновато улыбнулся и заговорилъ что то довѣрчиво. Этотъ скифъ съ сѣрымъ шрамомъ не понимаетъ, ему объяснятъ. Старикъ ступилъ къ гусару, ногтями ущипнулъ его за ухо, затеребилъ, лицо гусара посѣрѣло:

— Прочь!

За ухо, пригибая къ землѣ, старикъ повелъ русскаго гусара по улицѣ. Тотъ вырвался, отряхнулся и зашагалъ, не оглядываясь. Желтый ментикъ скоро расплылся въ дождевомъ туманѣ.

Гусары, при свѣчахъ, метали банкъ, когда въ покой вошелъ Кентавръ. Онъ легъ на канапэ къ стѣнѣ лицомъ. Съ яростью, кулаками, онъ взбивалъ кожаную подушку и почти стоналъ сквозь зубы:

— Вѣдь отецъ, какъ мнѣ съ нимъ было, отецъ, чтобъ его чортъ, чортъ...

— Ты, Паша, о комъ? — окликнулъ его Полторацкій, подавая карту банкомету.

— Ступай къ чорту! — бѣшено крикнулъ Кентавръ, сбрасывая съ канапэ ноги. — Всѣ къ чорту! Галдятъ, орутъ, точно контрактовая ярмарка, къ чорту!

Лохматый и ярый, съ кожаной подушкой подъ мышкой, Кентавръ въ ту ночь ушелъ спать къ гусарскимъ конямъ, подъ навѣсъ.

Ночью великій городъ дышалъ, свѣтился и ровно шумѣлъ, какъ-будто шелъ неумолкаемый прибой.

Digitized by Google

Красные огни экипажей проносились въ черной водѣ, у мостовъ, звенѣла гдѣ-то плавная музыка, за Сеной безшумными каскадами взлетали ракеты, чертя зеленоватыя дуги.

XIII.

Капралъ Перекрестовъ вернулся на знакомую улицу, къ тремъ каменнымъ ступенькамъ у прачешной, въ подвалъ.

Онъ ходилъ терпѣливо впередъ и назадъ, вдоль стѣны, какъ часовой. Зазвенѣла стеклянная дверь: вышла Сюзаннъ, завязываетъ шаль на груди. Дѣвушка узнала русскаго гренадера и разсмѣялась.

Они не говорили ни слова о такомъ свиданіи, не могли-бы сказать: они не понимали другъ друга. Капралъ до ночи толкался въ толпѣ, любовался мелканіемъ и музыкой каруселей, огнями фейерверковъ и, не думая зачѣмъ идетъ, вернулся на знакомую улицу къ тремъ ступенькамъ.

Такъ и маленькая Сюзаннъ. Ей все слышалась далекая музыка, она вышла посмотрѣть на ракеты. Такъ они встрѣтились и такъ пришли на берегъ Сены, въ сырую и жесткую, еще прошлогоднюю траву, пахнущую тминомъ. Надъ рѣкой курился низкій туманъ. Едва сквозила молодая луна, золотистый челнокъ, купая въ темной водѣ свою дрожащую тоненькую цѣпочку.

Михайло тронулъ Сюзаннъ за руку:

— Смотри, молодой мѣсяцъ умывается.

Капралъ говорилъ такъ, точно Сюзаннъ могла его понимать. Но дѣвушка поняла что-то свое.

Они сидѣли въ мокрой травѣ рядомъ, какъ дѣти, поднявъ къ небу глаза. Рука Сюзаннъ покоилась

Digitized by Google

на плечѣ гренадера. Этотъ чужой человѣкъ съ карими добрыми глазами, съ желѣзными руками и непонятнымъ говоромъ, похожимъ на голубиное воркованіе, этотъ воинъ страннаго народа, послушный и ласковый великанъ Миша, горячо влекъ къ себѣ маленькую Сюзаннъ. Разсѣянные пальцы дѣвушки запутались въ бакахъ гренадера, онъ съ силой обнялъ ее за плечи. Сюзаннъ глухо вскрикнула. И потому, что она вскрикнула, Михайло бросилъ ее въ траву. Сюзаннъ забилась, расцарапала ему лицо, бырвалась. Безъ чепца, въ измятой шали, она поджалась и зарыдала сильно, содрогаясь. Михайло стоялъ передъ ней на колѣняхъ, тяжело дыша. Сюзаннъ утирала подоломъ лицо и жалостно вскрикивала:

— Іезусъ-Марія, Іезусъ-Марія...

Она закрестилась всей ладошкой, по католически. Михайло слушалъ ее виновато, и, боясь прикоснуться къ ней, стыдливо сказалъ:

— Не убивайся, слышь... Я не буду... Слышь.

Онъ осмѣлился тронуть подолъ изъ ея рукъ и сталъ утирать ей лицо:

— А хорошая... Смотри, и я крестъ кладу. Тоже не нехристи... Господи Сусе Христе. А, хорошая...

— Кярошаія, — кусая кончикъ чепца, обиженно выговорила Сюзаннъ, еще въ слезахъ, и неожиданно для себя улыбнулась. Михайло засмѣялся въ голосъ. Они вспрянули изъ травы.

Гренадеръ не успѣлъ пристегнуть кивера, такъ быстро бѣжала Сюзаннъ вдоль берега Сены. На улицѣ, гдѣ свѣтилъ фонарь въ листвѣ каштановъ надъ каменной высокой стѣной, онъ настигъ дѣвушку. Весело дыша, она оттолкнула его, вдругъ приподнялась на носки, крѣпко, неловко, поцѣловала въ самыя губы, умчалась.

Digitized by Google

XIV.

Веселый, словно бы въ полштяна, приходилъ Михайло съ ночныхъ гуляній, и когда Акимъ выговаривалъ ему, молодой капралъ стряхивалъ головой упрямо и гордо:

— Нынче, дядя, кто не скажи, чтобы я эфту дѣвку покинулъ, никого не послушаю. Нынче я, дядя, рѣшенной.

— Дурень ты рѣшенной, — говорилъ Акимъ. — Въ Рассею чужую дѣвку потащишь, загубишь. Питерская казарма не здѣшнее баловство, ужо...

— Не бывать, чтобъ ее загубилъ, а Рассеей меня не стращай. Чай, самъ рассеецъ.

— Рассеецъ. Ососокъ ты, не рассеецъ.

Акимъ и по начальству докладывалъ, что отбился отъ рукъ капралъ, да офицеришки-молокососишки сами солдатъ избаловали, знай, смѣются: потѣшно имъ рассейскаго гренадера на француженкѣ оженить. «И ты, старикъ, на свадьбѣ повеселишься». «Повеселишься, какъ же. Барчукамъ все въ потѣху».

Акимъ и по чужимъ батальонамъ совѣтовался.

Былъ въ полку истинный древній солдатъ, знаменщикъ Киръ. На его честной памяти заступленіе на престолъ государыни Елисаветъ и взятіе графомъ Чернышевымъ Берлина и батюшки - Суворова Измаильской штурмъ. Надо думать, идетъ Киру девятый десятокъ и такихъ ревностныхъ солдатъ нынче нѣтъ: ростомъ въ сажень, кость желѣзная, волосъ бѣлый, какъ снѣгъ, и зубы всѣ до одного бѣлые. Только глаза не видятъ, помутнѣли за вѣкъ и знаменщикъ вытираетъ чистой тряпочкой свѣтлую слезинку. А привезенъ Киръ въ Парижъ на гренадерской фурѣ для одного параду: выходитъ

Digitized by Google

во фрунтъ только въ почесть и мѣсто, подъ знамя, какъ бить по войскамъ тихую зорю.

Когда пришелъ капралъ въ полковые обозы, знаменщикъ дремалъ на дворикѣ въ ободранныхъ штофныхъ креслахъ, подаренныхъ ему офицерами. Пребывалъ въ покоѣ и холѣ ветхій гренадеръ императрисъ Елисаветъ, Палладіумъ Славы Россійской. Руки Кира были какъ у мощей, коричневыя и сухія. Морщинистая кожа блестѣла отъ солнца. Онъ пробудился, выслушалъ капрала и невнятно сказалъ:

— Не препятствуй, капраликъ, не шербаши.... Пусть беретъ дѣвку по сердцу. Нынче идутъ времена новыя, мирныя, пресвѣтлая радость. Чаю добра отъ нашихъ времянъ, благослови Богъ.

Капралъ Акимъ поклонился знаменщику въ поясъ и молча ушелъ.

А въ воскресенье, послѣ обѣдни, когда праздничные гренадеры выходили съ полкового двора на гуляніе, Акимъ нагналъ въ воротахъ Михайлу и хлопнулъ его по плечу.

— Тебѣ, дядя, чего? — красиво обернулъ голову молодой капралъ.

Акимъ переступилъ съ ноги на ногу, смахнулъ пылинку съ мундира и посмотрѣлъ мимо, вбокъ.

— А того. Въ солдатствѣ того еще не водилось, чтобы полковымъ дядькамъ нареченныхъ не показывать.

Михайло покраснѣлъ, блеснулъ зубами, каріе глаза наполнились свѣтомъ:

— Да, дядя Акимъ, да милости прошу... Какъ ты серчалъ, я и не смѣлъ.

— Ладно, не смѣлъ. Какъ дѣвку то звать по имени - изотчеству?

—У нихъ имена не по нашему. Зовутъ ее Сюза, а какъ по батюшкѣ мнѣ не сказывала.

Digitized by Google

— Сюза, эва имячко. Въ Бога то вѣруетъ?

— А вотъ, дядя, какъ вѣруетъ. Дѣвка справная, по всему.

— Ладно, ступай, веди меня на смотрины.

Въ воскресеніе, на ярмаркѣ у Новаго Моста, можно было видѣть двухъ парадныхъ гвардейцевъ въ бѣлыхъ гамашахъ: одинъ рыжеватый, пожилой, другой молодой и черноволосый. Оба великана, переступая съ ноги на ногу, стояли передъ маленькой француженкой въ легкомъ чепчикѣ и бѣдной шали, повязанной узломъ на груди. Пожилой гренадеръ сверху, и очень неловко, подалъ ей руку. Маленькая француженка съ опаской пожала ее и улыбнулась привѣтливо.

— А и рука, — строго сказалъ пожилой. — И руки вовсе нѣтъ...

Молодой гренадеръ пошелъ съ дѣвушкой впередъ, а пожилой на шагъ отступя. Такъ суровый гувернеръ выводитъ на прогулку питомцевъ.

И въ другіе дни видѣли двухъ русскихъ великановъ на гуляніяхъ. Теперь они ходили вчетверомъ: впереди, подъ руку, молодой гренадеръ и дѣвушка въ чепцѣ, за ними, точно это была одна патріархальная семья, пожилой гренадеръ и полная дама, прихрамывающая на лѣвую ногу. У хромой дамы чепецъ былъ съ вишневыми лентами и она нюхала табакъ. Это была хозяйка Сюзаннъ, почтенная вдова Ройе. Пожилой гренадеръ называлъ ее «мадама».

Когда пѣли вѣнчаніе капралу Михайлѣ, въ полковой церкви была эта хромая дама въ вишневомъ чепцѣ, былъ и мирный, не вовсе трезвый и очень ласковый человѣкъ въ зеленомъ полосатомъ жилетѣ съ мѣдными пуговицами, господинъ Поль, сапожникъ съ той же улицы, гдѣ прачешная Ройе.

Digitized by Google

Офицеры набросали молодымъ червонцевъ въ серебряную стопку. Въ свадебной залѣ, за церковью, гдѣ стѣны были украшены вензелями изъ зелени, а столы накрыты бѣлыми скатертями, полковые музыканты уже настраивали свои инструменты. Сквозь церковное пѣніе легко ворковала волторна, флейта пускала иногда пріятную руладу. Капралъ Акимъ отнесъ въ алтарь вѣнцы молодыхъ. У аналоя стоялъ Михайло и маленькая Сюзаннъ, окутанная подвѣнечной фатой. Первымъ поздравлялъ молодыхъ командиръ гренадерскаго батальона. Онъ чуть приподнялъ за подбородокъ головку Сюзаннъ. Она поблѣднѣла и припала къ груди Михайлы: внезапно она всего застрашилась. Но тутъ открылись въ залу бѣлыя двери и въ оркестрѣ мѣдныя тарелки забрящали свадебный маршъ.

Скоро въ узкомъ покойчикѣ, за деревянной перегородкой, поселилась молодая хозяйка Михайлы, а капралъ Акимъ вынесъ свою койку въ казарму. На свѣжей полкѣ, гдѣ стоялъ кованый сундучекъ Акима, теперь высилась легкая корзинка Сюзаннъ. Въ корзинкѣ она принесла двѣ бережно разглаженыхъ, пештопаныхъ сорочки, передникъ съ кружевной оторочкой, узелокъ шелковыхъ чулокъ съ прорванными пятками, засохшіе цвѣты, разбитое зеркальце въ бѣлой оправѣ, съ нарисованными птицами и китайцами, католическій крестикъ и сѣраго котенка.

Михайло научилъ ее заправлять лампаду Николѣ Мирликійскому, ихъ благословенному образу. Съ базара она приносила чужому святому цвѣты, петуньи и левкои. Для украшенія строгаго московскаго святого, ей надобно было вставать на табуретъ. Ей помогалъ Михайло. Потомъ онъ носилъ ее на рукахъ по узкому покойчику. Точила синій свѣтъ лампада и въ послѣдніе часы ночи, у Николы Мир-

Digitized by Google

ликійскаго, маленькая Сюзаннъ, какъ умѣла, учила мужа любви, которую сама узнавала впервые.

XV.

На Пасхальную недѣлю въ Парижѣ стали ясные дни. Надъ великимъ городомъ заструились лѣтнія погоды, открывъ воздушныя анфилады, полныя свѣта. Праздникъ Пасхи сошелся въ 814 году на одинъ день у всѣхъ христіанъ и въ свѣтлой тишинѣ дней пасхальныхъ, благословенныхъ, многимъ мечталось, что отгремѣли на землѣ послѣднія войны и легъ навѣки военный громъ.

Въ самое Свѣтлое Воскресеніе, по Парижу, съ блистающей музыкой, шагомъ вольнымъ и мѣрнымъ, двигались къ площади Революціи парадныя войска Александра. Волею россійскаго императора, на площади, на гноищѣ неистовыхъ казней и злодѣйствъ, будетъ нынче отслужено предъ фрунтомъ войскъ всей Европы молебствіе о забвеніи зла, о мирѣ міровѣ, о благоденствіи народовъ, о дарованіи тишины вселенской, цвѣтущей.

Ближе къ Елисейскимъ Полямъ на самомъ мѣстѣ казни короля Людовика Шестнадцатаго, русскіе плотники возводили высокій амвонъ. Тамъ съ утра легко и бодро постукивали плотничьи молотки.

Изюмскіе гусары, мягко звеня серебромъ сабель, шли къ смотру на рысяхъ. Кони гнѣдые, въ подборъ, съ влажными храпками и шерстью, глянцевитой отъ скребницъ, какъ бы красуясь ладцадами и траверсами, перебирали ногами граціозно и часто. Всѣмъ весело итти на остужающій вѣтеръ, на солнце. Пожалуй, одинъ Енголычевъ, смутлый бреттеръ, хмурился въ строю. Онъ хмурился съ того дня, какъ старый французъ оттеребилъ его за ухо.

Digitized by Google

Желтые ментики замелькали подъ каштанами: къ Павлоградцамъ, Ахтырцамъ, Елисаветградцамъ, Александрійцамъ пристраиваются Изюмскіе тусары. Кавалерія вытянулась по аллеѣ Елисейскихъ Полей. Пѣхота медлительно развертываетъ парадный фрунтъ у Сены.

Ясно слышна команда «отдай ногу» и притаптываніе рядовъ. Офицеры стоятъ предъ рядами. Они снимаютъ горбатыя треуголки, подобныя мохнатымъ аркамъ, и говорятъ другъ другу «славный денекъ». Подъ щекоткой вѣтра дрожатъ султаны солдатъ.

Россійская гвардія строитъ карре спиной къ дворцу Элизе-Бурбона. Синяя линія войскъ поволновалась и замерла у Тюильери. Батальонъ Парижской національной гвардіи прошелъ скорымъ шагомъ площадь и окружилъ амвонъ. Вразъ сверкнули ружья. Погасли.

Бригадный генералъ Шперлингъ, извѣстный путанникъ и крикунъ, съ багровымъ затылкомъ, выплывшемъ на тугой воротъ мундира, вздумалъ тогда провѣрять равненіе эскадроновъ. Онъ суетился, скакалъ вдоль конскихъ мордъ, генеральская шея, казалось, вотъ выпрыгнетъ изъ воротника.

Онъ подскакалъ къ лѣвому флангу и сталъ ломать уже замиравшій въ стройной недвижности фрунтъ Изюмцевъ, развѣ гдѣ счихнетъ, сфыркнетъ конь, качнувъ головой.

— Третій впередъ, шестой назадъ, седьмой осади.

Грудастый Шперлингтовъ конь понятилъ Феба Енголычева. Кентавръ оскалился и проворчалъ:

—Толчется тутъ безъ толку, какъ г.... въ проруби.

Шперлингъ подпрыгнулъ въ сѣдлѣ:

Digitized by Google

— Кто такое сказалъ, кто онъ есть? Онъ не гусаръ, ему ночная колесница возить.

— Я не гусаръ! — Кентавръ далъ шпоры и подлетѣлъ къ Шперлингу. Высверкнула сабля.

Генералъ съ внезапнымъ проворствомъ повернулъ грудастаго коня и, пригибаясь къ сѣдлу, поскакалъ прочь. Оскаленный Кентавръ погнался за генераломъ. Звонко, съ трескомъ, фухтеляя его саблей плашмя по тучной спинѣ, Кентавръ гналъ генерала во весь карьеръ вдоль развернутаго фронта бригады.

Изумленные гусары на мгновеніе онѣмѣли, и вдругъ вся бригада на Елисейскихъ Поляхъ загремѣла отчаяннымъ чертовскимъ хохотомъ. У Ахтырскихъ эскадроновъ Полторацкій и Мертваго поймали разгоряченнаго Феба.

— Пашка, безумной, что содѣлалъ? — кричалъ Полторацкій.

Офицеры отвели Кентавра за линію фронта. Онъ скалился, храпѣлъ и дико поводилъ глазами. Прыгнувъ съ коня, онъ по привычкѣ нагнулся и стряхнулъ потныя шерстинки съ рейтузъ, подшитыхъ кожей.

И прокатилъ тогда издалече тихій гулъ аммуниціи, офицеры, за линіей фронта поскакали къ своимъ мѣстамъ и замерли въ сѣдлахъ гусары, повернули, какъ одинъ, головы направо. Забыли все на свѣтѣ. Пролетѣлъ трепетъ по лицамъ, тихая команда:

— Смирно, на караулъ...

Свѣтлосѣрый рослый конь государя идетъ шагомъ вдоль войскъ. Государь опустилъ руку съ треуголкою, бѣлыя перья шумятъ сіяющей пѣной у стремени.

Digitized by Google

У амвона форейторы приняли коня и закинули его зеленымъ вальтрапомъ съ парчевыми вензелями А.

За плечами маленькихъ пѣвчихъ треплетъ узкіе рукава зеленыхъ кафтановъ съ серебрянымъ позументомъ. Въ сонмѣ духовенства россійскаго восходитъ на амвонъ государь. Свѣтлыя ризы, въ зеленыхъ розахъ и крестикахъ, плывутъ медленнымъ облакомъ. Отдуваетъ голубые орари діаконовъ.

Первый возгласъ молебна, ясный и кроткій, повѣялъ надъ площадью. Людовикъ Осемнадцатый съ дворомъ смотритъ на московскій молебенъ изъ павильона на террасѣ Тюильери. Его величество христіаннѣйшій король Франціи сидитъ въ креслахъ, положивъ обверченную ватой ногу на складной холщевый стулъ. Въ день молебна его величество мучился застарѣлой подагрой.

Амвонъ восходитъ прозрачнымъ дымомъ кадильницъ, восковыхъ свѣчей, волненіемъ сребристозеленыхъ ризъ. Людовикъ закрылъ глаза, крестится пухлой рукой, и тутъ-же убираетъ со лба платкомъ капли пота.

На Елисейскихъ Поляхъ блеснула огромная тихая молнія, кавалерія опустила сабли. Войска съ глухимъ шумомъ преклонили колѣна. «Тебѣ Бога хвалимъ», запѣли на колѣняхъ маленькіе пѣвчіе. Россійскіе священники кропятъ святой водой преклоненныя войска всей Европы. Съ кропильницъ разлетаются далеко свѣтлыя брызги.

Бодрый пушечный громъ потрясъ площадь. Отъ жерлъ, вздуваясь, катятся пороховыя облака.

Государь, пристегивая на запястьи перчатку, улыбаясь и жмурясь, сходитъ по краснымъ сукнамъ съ амвона. Въ пороховомъ дыму запевели-

Digitized by Google

лись линіи войскъ, перекликаются команды, торжественно и плавно забряцали полковые марши. Гремитъ россійская пальба.

XVI.

Герой пятнадцати атакъ на поляхъ сраженій Москвы и Европы, субалтернъ-офицеръ Изюмскаго гусарскаго полка Павелъ Енголычевъ въ день молебствія былъ разжалованъ въ рядовые.

На дворѣ полковой гауптвахты, у окна, забраннаго рѣшеткой, стоитъ пѣхотный часовой. Солдатенокъ нѣчто напѣваетъ дремотнымъ голоскомъ, какъ обычно поютъ русскіе крестьяне на долгой дорогѣ или по скучному дѣлу.

Дѣвушка въ соломенной шляпкѣ и въ бѣломъ платьѣ съ горошинами, а съ нею маленькій желтый гусаръ, ухватясь за рѣшетку окна, говорятъ съ арестантомъ.

Часовой не пускалъ было во дворъ французскую сударку, махалъ на нее руками, покрикивалъ:

— Але, мадама, але.

Но еще въ воротахъ желтый гусаръ подалъ ей учтиво руку, а часовому пустилъ дурака. Гусаръ и дѣвушка кормятъ Кентавра грушами, ветчиной и пирожками съ вишнями. Кентавръ, прижавъ къ рѣшеткѣ лицо, жуетъ все вмѣстѣ и радостно скалитъ зубы.

— Мишка, смотри.... Моя Психея, утренняя заря. Краше жизни... Чаялъ на вѣки разлучены, а вотъ по всему Парижу за каретой спѣшила, когда везли подъ арестъ... Отецъ, со стыдомъ прогналъ, а дочь тутъ... Мишка, чортъ, выручай....

Полторацкій учтиво звякалъ шпорами и помо-

Digitized by Google

галъ Жиннетъ заглядывать въ окно: дѣвушка тянулась на носкахъ и гусаръ придерживалъ ее подъ прохладные локотки.

А когда Полторацкій провожалъ Жиннетъ за ворота гауптвахты, онъ ослѣпительно улыбнулся и поклонился заплаканной француженкѣ.

— Не отчаивайтесь, сударыня, прошу васъ, честное слово, не отчаивайтесь.

Въ тотъ день Полторацкій скакалъ по всему Парижу. Онъ вотналъ жеребца въ мыло, онъ надумалъ вдругъ нанести запоздалые визиты всей московской и петербургской роднѣ, начальству, командирамъ многихъ полковъ, дядямъ двоюроднымъ и троюроднымъ, свойственникамъ съ матушкиной и съ батюшкиной стороны. Въ тотъ день онъ былъ и въ домѣ Талейрана, занятомъ императорской главной квартирой. А на другое утро субалтернъ-офицеръ Енголычевъ былъ вызванъ изъ заключенія къ самому государю.

Государя радовали письма изъ Петербурга, парадъ, пасхальные дни и то, что вечеромъ будетъ данъ балъ англичанамъ. Это чувство свѣта и радости наполняло его: онъ какъ-бы сквозилъ изнутри, точно тонкая омафора на солнцѣ. Онъ былъ со всѣми сладко-веселъ, простодушенъ и милъ.

Въ синемъ фракѣ и въ атласномъ бѣломъ жилетѣ, бѣлые чулки на крѣпкихъ икрахъ, онъ закинувъ ногу на ногу сидѣлъ въ креслахъ, у ширмы, и роговой палочкой полировалъ крупные ногти. За ширмой, сунувъ руки въ карманчики жилета и вытянувъ ноги, тоже въ бѣлыхъ чулкахъ, полулежалъ въ креслахъ черноволосый молодой генералъ. Онъ разсказывалъ что-то веселое, по-англійски. Государь, полируя ногти, пріятно смѣялся.

Въ дверь постучали.

Digitized by Google

— Прошу, войдите, — позвалъ государь. Въ его голосѣ слышался ясный звукъ.

Въ кабинетъ ступилъ Енголычевъ.

Александръ провелъ ладонью по свѣтлому пуху лысины, чуть поморщился. Быстро поднялся съ креселъ. Кентавръ, смуглый, блистающій, смотрѣлъ на него въ дикомъ восхищеніи.

— Ахъ, Енголычевъ, что вы содѣлали?

Кентавръ дышалъ слышно и сухо.

— Какъ могли вы содѣлать подобное?

Государь ступилъ шагъ и передъ самымъ носомъ Кантавра повелъ указательнымъ пальцемъ:

— Вы дерзкій, вы несносный гусаръ.

Кентавръ въ восхищеніи слѣдилъ за помывающимъ пальцемъ, который чудился ему свѣтлымъ столбомъ.

— Храбрый гусаръ Бородина, Кульма, Лейпцига. Я имѣлъ честь знать вашего покойнаго батюшку... Нѣтъ вы не гусаръ мой, вы одичавшій татарскій мурза, вы калмыкъ. Я не желаю знать васъ. Вы сошли съ ума. Отвѣчайте, съ ума?

— Съ ума, государь.

— Тогда я прикажу васъ заключить въ желтый домъ, вы помѣшанный, васъ закуютъ въ желѣзо.

Высокій лобъ государя покраснѣлъ, чуть покосило тонкія губы. Онъ увлекся гнѣвомъ:

— Я прикажу васъ судить, надъ вами сломаютъ шпагу, на площади, васъ разстрѣляютъ... Какъ вы осмѣлились фухтелять генерала? Правда, онъ не долженъ былъ мѣшаться во фрунтовое построеніе. Но на глазахъ всей бригады.... Отвѣчайте, какъ вы осмѣлились фухтелять?

— Плашмя, государь.

— Ахъ, Богъ мой, отмѣнный отвѣтъ... Нѣтъ, какъ вы осмѣлились его фухтелять?

Digitized by Google

— По спинѣ.

Государь обмахнулъ платкомъ лицо.

— Вы вовсе не разумѣете меня. Хорошо, вы фухтеляли плашмя, по спинѣ, сіе мнѣ извѣстно. А онъ?

— Онъ ничего. Онъ крякалъ.

— Какъ крякалъ?

— Какъ утка, государь.... Уточка.

— Какъ утка!

Государь всплеснулъ руками и отступилъ къ ширмѣ.

— Енголычевъ, укажите мнѣ сами, что дѣлать съ вами?

Наступило молчаніе. По стиснутымъ сѣрымъ скуламъ Кентавра вился струйками потъ.

— Не знаю, государь, — шумно передохнулъ Кентавръ.

И вдругъ встрепенулся, восхищенно блеснулъ глазами и вскрикнулъ обрадованно, гортанно.

— Нѣтъ, знаю, государь, знаю. Теперь меня — разстрѣлять.

Государь прижалъ къ губамъ платокъ.

— Ступайте, вы... Кругомъ-аршъ.

Кентавръ, весь звякнулъ, круто повернулся и зашагалъ къ дверямъ.

Смѣющіеся глаза Александра встрѣтили надъ ширмой глаза молодого генерала.

— Имажинируешь, — говорилъ государь полно и сладко. — Какъ хохотала моя бригада надъ посрамленнымъ Шперлингомъ. Сей адскій хохотъ гусаровъ.... Дерзкія сабли. Я давно примѣтилъ, что сабли въ Изюмскомъ полку излишне длинны. Я прикажу всему Изюмскому полку укоротить дерзкія сабли...

Указъ объ укороченіи гусарскихъ сабель данъ не былъ, но поутру, послѣ молитвы, былъ прочитанъ по всѣмъ полкамъ всемилостивѣйшій указъ

Digitized by Google

о приданіи къ оранжево-черной россійской кокардѣ цвѣта бѣлаго, въ ознаменованіе славы и лавровъ похода Парижскаго. А утреннимъ приказомъ по Изюмскому полку, разжалованный въ рядовые субалтернъ-офицеръ Енголычевъ Павелъ былъ тѣмъ же чиномъ всемилостивѣйше произведенъ въ тотъ же полкъ.

XVII.

Шли въ походъ гусары — дальняя дорога. Отъ Сенъ-Мартенской заставы отодвигался Парижъ, померкая синѣющими клубами тумана. Командиръ подалъ команду «на молитву».

Серебряная труба далеко играетъ походъ. Маршъ-маршемъ потянулся полкъ. Въ дыму, завился длительнымъ воркованіемъ голосъ запѣвалы:

Сей конь, кого и вихрь
Въ поляхъ не обгонялъ...

Гусары расправляютъ усы, ждутъ когда пристать къ запѣвалѣ. Полторацкій нагналъ правофланговаго Грача:

— Въ строю идетъ конь безъ сѣдока. Похоже, конь Жигаря. А гдѣ вахмистръ?

— Че могу знать, — наскоро отвѣтилъ Грачъ, слушая запѣвалу. — Сборъ трубили, винъ не пришовъ. У Парыжѣ остався, якая баба сманила...

Грачъ выпучилъ глаза, набралъ воздуха въ грудь и грянулъ со всѣмъ эскадрономъ:

— Ахъ, Зара, якъ сэрно пуглива была
Якъ юное пальмо у долини цвѣла...

Полторацкій пропустилъ эскадронъ. Гдѣ Чортъ-Кентавръ? Тоже нѣтъ.

Кентавръ догоняетъ полкъ на полномъ маху. Онъ не одинъ :съ нимъ въ сѣдлѣ Жиннетъ. Соло-

Digitized by Google

менная шляпка сбилась, пребольно колотитъ по-лицу. Кентавръ радостно скалится.

Въ обозѣ онъ прыгнулъ съ коня, отнесъ Жинеттъ къ каретѣ съ кожанымъ верхомъ, захлопнулъ дверцы, снова прыгнулъ въ сѣдло догналъ Полторацкаго, обдалъ холодной грязью.

— Экой чортъ, идѣ мѣшкалъ? — Полторацкій утеръ щеку плащемъ.

— Ни мало не мѣшкалъ, вѣришь, съ галопа въ сѣдло ее поднялъ. Она на крыльцахъ, а я съ сѣдла, вихремъ. Вѣришь ли, отбивалась.

— Быть не можетъ: вечоръ все съ нею уговорилъ. Обѣщала ждать на разсвѣтѣ.

— Точно, ждала, а вотъ отбивалась, ей-Богу... Царапалась.

Кентавръ сипло проржалъ и далъ шпоры.

— Сущій чортъ...

Шли въ походъ гусары — дальняя дорога. Черезъ мѣсяцъ, а то черезъ два, въ тяжелыхъ грязяхъ Литвы, подъ холоднымъ дождемъ, тянулись гусары, какъ унылое шествіе конныхъ монаховъ. Они обогнали гренадеровъ, завязшихъ на дорогѣ. Гренадеры, подторкнувъ полы шинелей подъ патронные ремни, съ чавкающимъ звукомъ вытягивали изъ грязи чудовищныя кеньги, облѣпленныя глиной.

Гусарскіе кони свернули съ дороги въ размытое поле. Подъ конскими животами зашумѣла вода. Гренадеры, довольные, что можно на время не мѣсить грязи, смотрѣли съ дороги, оперевъ руки на ружья. Они ругались на гусаръ безъ злобы, по-матерному: имъ ништо шестиногимъ, ровно подъ ряской попы, къ чорту на свадьбу.

Графъ Строгановъ отстегнулъ каретный кожухъ, косо забрызганный грязью.

Его карету и крытый фургонъ съ дубовымъ

Digitized by Google

гробомъ нагнали въ Литвѣ первые батальоны, которые уже возвращались изъ Парижа. Полторацкій посмотрѣлъ съ дороги на незнакомаго гренадерскаго генерала и вѣжливо поклонился. Графъ привѣтливо кивнулъ головой. Полторацкій далъ шпоры и поскакалъ по лужамъ за эскадрономъ, въ поле.

Бѣлокурый маленькій гусаръ осунулся и похудѣлъ на обратномъ походѣ.

— Вотъ и отечество, — говоритъ онъ самъ съ собой. — Сколько побѣдныхъ арокъ прошли, сколько тріумфальныхъ воротъ. На лицевой сторонѣ «храброму воинству», на обратной «награда въ отечествѣ». А какую награду помыслитъ Россіи? Далъ-бы намъ всѣмъ Господь Богъ времена благоденственной свободы и мира... Какъ пустынно, какъ темно кругомъ, какой тоской встрѣчаетъ отечество побѣдителей Европы...

А Кентавръ не разъ прыгалъ съ сѣдла въ грязь и шагалъ пѣшимъ съ другого бока кареты.

— Пашью, Пашью, — часто звалъ его оттуда пріятный женскій голосъ.

Жадно, двумя руками, Кентавръ ловилъ узкую руку, которую не разъ подавали ему изъ каретнаго окна.

Въ гренадерскомъ обозѣ, у телѣги, крытой холщевымъ навѣсомъ, шагаютъ съ двухъ сторонъ капралы Акимъ и Михайло. Когда гусары пересѣкали дорогу, гренадерскій обозъ сталъ. Къ окну синей кареты, что тянулась съ гусарскимъ обозомъ, приникло лицо молодой женщины. Другая женщина, въ мокромъ чепцѣ, посмотрѣла на нее изъ-подъ холщенаго навѣса гренадерской телѣги. Взгляды путешественницъ встрѣтились. Полковые обозы разошлись.

Графъ Строгановъ закинулъ кожухъ.

Digitized by Google

— Вотъ и мы трогаемъ, — сказалъ онъ Кошелеву, который сидѣлъ въ углу кареты.

На обратномъ походѣ, догнавъ графа, Кошелевъ осторожно разсказалъ Павлу Александровичу о своей встрѣчѣ въ Парижѣ съ Теруань-де-Мерикуръ. Медики не допустили его къ безумной, но онъ видѣлъ ее сверху, съ дворовой галлереи на госпитальномъ дворѣ. Онъ видѣлъ, какъ изъ затвора выползла старуха, какъ подняла изморщенное лицо, и ея безсмысленный рѣющій взглядъ медленно обвелъ галлерею, гдѣ стоялъ онъ.

Графъ выслушалъ Кошелева покойно, потомъ тронулъ его колѣно прохладной рукой.

— Забудемъ, забудемъ, когда есть силы забыть. Такова судьба.

Колеса шумѣли въ лужахъ. Экипажъ сотрясался и переваливался въ грязи съ бока на бокъ. Кошелевъ повторилъ слова графа:

— Судьба... Точно, судьба. Я не умѣю сказать, но когда вспоминаю все, что свершилось со мной и со всѣми нами, думаю, какъ капля воды, носился я въ океанѣ. Волны человѣческаго океана гнало съ нашей стороны и волны гнало отгуда и мы всѣ словно-бы растворились въ семъ чудесномъ движеніи... Москва погасла, Парижъ завоеванъ, и мы возвращаемся. Пахарь на Бородинскомъ полѣ уже ведетъ мирную борозду. Но ни я и никто другой, не разумѣетъ къ чему было сіе, и почему мы были въ гибели и почему столь вознесены.

Графъ легко и грустно улыбнулся.

— А все-же, — сказалъ Кошелевъ, — Не знаю почему, мнѣ страшно думать о Россіи. Послѣ побѣды еще страшнѣе думать о ней, чѣмъ когда горѣла Москва. И я несу въ отечество нѣкое чувство горечи, словно нѣчто не исполнено мною.

Digitized by Google

Одинъ-ли я? Всѣ несутъ изъ Европы домой подобное чувство неисполненнаго или невыполнимаго для насъ, горькое безпокойство... А можетъ-быть такое чувство есть въ насъ голосъ судьбы, которая зоветъ, указуетъ, а мы не знаемъ куда зоветъ и на что указуетъ.

Пожелтѣло каретное стекло, тусклое отъ пара. Дождь перешелъ. Земля курилась. За полемъ стояли громады желтоватыхъ облаковъ. Онѣ смутно были подобны римскому легіону, заснувшему въ своемъ движеніи: уже тускнѣли прохладные мѣдные щиты и пернатые шлемы зари.

Въ гренадерскомъ обозѣ, изъ-подъ холщеваго навѣса телѣги, задумчиво смотрѣла на закатъ молодая женщина въ чепцѣ, крошка Сюзаннъ. Также задумчиво смотрѣли въ небо съ телѣгъ больные солдаты, обозный офицеръ, и куча еврейскихъ ребятъ въ балагулѣ, которая пристала къ гренадерской колоннѣ, перебираясь изъ одного мѣстечка въ другое...

XVIII.

...Уже померкалъ тусклый день 14 декабря 825 года, а только третій часъ били куранты. Безлюдно на Петербургской сторонѣ и на Василеостровскихъ линіяхъ, какъ обычно, къ сумеркамъ зимняго дня, но за темной Невой, надъ которой летитъ дымъ поземной метели, слышенъ неумолкаемый гулъ.

Галерной улицей пробѣжалъ безъ строя взводъ Гвардейскаго экипажа, въ разстегнутыхъ шинеляхъ и безъ патронныхъ сумъ. Молодой офицеръ въ ватошномъ сюртукѣ съ одной эполетой, Николай Бестужевъ, ведетъ на Сенатскую площадь Гвардейскій экипажъ. Надѣвая шинели въ рукава, сипло дыша и сморкаясь, солдаты пристраиваются къ

Digitized by Google

правому флангу войсковой колонны, чернѣющей на площади.

У монумента Петра, въ густой колоннѣ, ружья къ ногѣ, стоятъ тыломъ къ Сенату роты лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Сдвинуты бѣлые ремни аммуниціи, разстегнуты шинели, валитъ паръ отъ плечей, и снѣгъ почернѣлъ подъ ногами. Неумолкаемый гулъ разъ за разомъ выталкиваютъ сотни грудей:

— Ура, Константинъ, ура, Константинъ!

На Адмиралтейскомъ бульварѣ, на углу Гороховой улицы, у дома присутственныхъ мѣстъ, на Галерной, у забора Исаакія, гдѣ свалены доски и бревна, чернѣютъ толпы. Всѣ лица повернуты къ колоннѣ, шевелящейся у Сената.

Дружный крикъ десятка молодыхъ голосовъ «конституція» глохнетъ въ тяжкомъ гулѣ «Константинъ» и точно вѣтромъ обдаетъ толпу на панеляхъ. Тамъ сбрасываютъ шапки, треухи, крестятся, смотрятъ съ тоской и тревогой: что за войска толпятся безъ фрунта у монумента Петра и почему пробѣжалъ туда молодой офицеръ безъ кивера, обронилъ бѣлую перевязь и не поднялъ?

Видно отъ дома присутственныхъ мѣстъ, какъ предъ Зимнимъ Дворцомъ, на площади, открытой всѣмъ вѣтрамъ, строются полки, сдвигаясь въ черные квадраты. Между квадратами, прыгая въ сѣдлахъ, скачутъ офицеры. Одинъ офицеръ, бѣлокурый, въ измайловскомъ мундирѣ, выше другихъ, черезъ грудь голубая лента, вѣтеръ бьетъ пышный конецъ. Офицеръ смялъ ленту, сунулъ подъ мундиръ. Высокій офицеръ, императоръ Николай Павловичъ, спѣшно строитъ у дворца роты Преображенцевъ, Семеновцевъ, Егерей, Карабинеръ.

Полки императора зашевелились, тронулись къ бунтующей площади. Лейбъ-гвардіи Конный полкъ

Digitized by Google

на-рысяхъ догоняетъ строй. Всадники на-ходу натягиваютъ колеты. Скачетъ съ драгунами, петербургскій полиціймейстеръ Чихачевъ. Драгуны гонятъ лошадей на панель. Народъ бѣжитъ по Гороховой, къ Исаакію. Сенатскую площадь разъ за разомъ потрясаютъ взрывы ура.

У Главнаго штаба полки стали. Императоръ приподымается на стремянахъ, онъ уже видитъ черную колонну мятежниковъ, морозный дымъ надъ киверами, тусклую щетину штыковъ, онъ видитъ сѣрый снѣгъ площади между черной колонной и черной толпой.

У дворца, гдѣ строились его роты и потопанъ снѣгъ, теперь бѣгутъ къ площади лейбъ-гренадеры, шинели въ накидку, ружья на-перевѣсъ. Впереди молодой поручикъ Пановъ, въ солдатской безкозыркѣ съ чужой головы. Безкозырка лѣзетъ поручику на глаза, онъ размахиваетъ шпажонкой, что-то командуетъ. Онъ сталъ у дворцовыхъ воротъ:

— Раздайсь, пропусти — рукоять шпаги бьетъ о дворцовую рѣшетку. Зазвенѣлъ засовъ. Подъ сводами, въ темнотѣ, стоятъ строемъ солдаты: дворецъ занятъ Саперным батальономъ.

— Не наши! — крикнулъ Пановъ, отступилъ.

Уже прыгаетъ по сугробамъ поручикъ, за нимъ дымная солдатская толпа.

Императоръ поскакалъ къ бѣгущимъ отъ Главнаго Штаба.

— Стой, стройся! — звонко окликнулъ онъ солдатъ.

Пожилой гренадеръ Михайло Перекрестовъ, черноволосый, съ сѣдыми висками, рѣзко отбросилъ съ груди патронную сумку. —

— Мы за Константина, пусти!

— Когда такъ, вотъ вамъ дорога, ступайте!

Николай Павловичъ попятилъ коня къ панели.

Digitized by Google

Генералъ-майоръ Исленевъ уже выводитъ къ Адмиралтейскому бульвару противъ мятежниковъ три фузилерныя роты. Гвардія императора медленно потянулась къ Гороховой улицѣ.

Впереди, у самой панели, верхомъ, генералъ Милорадовичъ. Онъ въ одномъ мундирѣ, глубоко засунулъ руки въ карманы. Генералу холодно, въ гусиной кожѣ его худое лицо, въ глазахъ веселое любопытство. Онъ ищетъ въ карманахъ старую трубку, что была съ нимъ на Альпахъ, въ Москвѣ, онъ забылъ трубку въ диванной.

Изъ толпы выбрался чиновникъ въ нанковой шинели, прискакивая пошелъ рядомъ съ конемъ. У чиновника дергаетъ щеку:

— Ваше превосходительство, на площади кричатъ конституція, слышалъ самъ... Баричи съ жиру бѣсятся... Тамъ открытая революція.

— Какое, — Милорадовичъ зябко перетряхнулъ плечами, подумалъ «экая досада, трубки нѣтъ», весело сказалъ:

— Тамъ вздорный бунтъ. У нихъ главнаго нѣтъ, у нихъ всѣ главные. Ихъ надобно вразумить. Я поѣду.

Конь взялъ съ мѣста, Милорадовичъ не удержалъ шляпы, она покатилась.

Съ Васильевскаго острова, къ Исаакіевскому мосту еще подходятъ войска: поручикъ баронъ Розенъ привелъ изъ Галерной гавани караулъ Финляндцевъ. Финляндцы на мосту переговариваются съ народомъ, слышенъ смѣхъ:

— Не бойся, по своимъ бить не будемъ... Мы не присягавши по своимъ стрѣлить. Мы, бабурочка, худого не сдѣлаемъ... По своимъ пальбы не откроемъ.

Императоръ съ войсками уже на Адмиралтейскомъ бульварѣ. На Сенатской площади зачернѣ-

Digitized by Google

лась въ снѣгу густая цѣпь солдатъ: застрѣльщики отъ Московцевъ. Ихъ выстрѣлы рѣдкіе и звучные, точно бы холостые, смѣшались вдругъ въ недружную пальбу.

Толпа прижалась къ забору Исаакія, словно тамъ ждали перваго залпа. Съ веселымъ гуломъ, подъ выстрѣлами, барскіе кучера и дворовые стали разбирать бревна, мальчишка швырнулъ полѣномъ въ полиціймейстера. Конь Чихачева поскакалъ назадъ.

Мерзлое полѣно ударило въ коня императора. Конь, заеживъ на заду шерсть, присѣлъ на заднія ноги. Императоръ приподнялся на стремянахъ и звенящимъ рѣжущимъ голосомъ крикнулъ «назадъ». Отхлынули.

Императоръ выровнялъ коня, обернулся къ строю и скомандовалъ «зарядъ». Солдаты въ разъ, съ лязганіемъ, приподняли ружья на локтѣ, заскрежетали курки. Милорадовичъ сѣлъ плотнѣе въ сѣдло, слегка тронулъ поводъ и направилъ коня къ застрѣльщичьей цѣпи мятежниковъ. Ихъ выстрѣлы провизжали мимо ушей. Милорадовичъ встряхнулся, поблѣднѣлъ. Конь съ тревожнымъ храпомъ перешелъ въ рысь. Застрѣльщики, закинувъ на руки полы шинелей, перебѣгаютъ къ колоннѣ, другіе лежатъ въ снѣгу и смотрятъ, какъ скачетъ на нихъ генералъ.

Отряхиваясь отъ комьевъ снѣга, на генерала смотрятъ солдаты изъ колонны.

— Братцы, Милорадовичъ-графъ, — обрадованно крикнулъ шевронистъ Московскаго полка, собралъ въ горсть ледяшки съ усовъ. — Куда поскакалъ, плюмажъ потерявши?

Сиплая волна смѣха колыхнула колонну. Милорадовичъ осадилъ коня. Онъ тоже смѣется, отки-

Digitized by Google

дываетъ со щеки холодную прядь. Онъ поднялъ шпагу, обернулъ ее эфесомъ къ колоннѣ.

— Смотри, отъ кого мнѣ шпага дана — отъ цесаревича Константина... А вы не дѣло, братцы, городите, какого чорта толпитесь свѣтъ застите -а-а-ршъ!

Солдаты, дружно дохнувъ паромъ, попятились. Высокій человѣкъ въ гамбургскомъ черномъ рединготѣ, растолкалъ солдатъ, выступилъ впередъ. Это отставной лейбъ-гренадерскій офицеръ Каховской. Его худая шея обмотана гарусным шарфомъ, затылокъ въ снѣгу. Онъ неловко, двумя руками, пошарилъ за пазухой и вытащилъ пистолетъ.

Грянулъ выстрѣлъ, лица мгновенно озарило огнемъ. Каховской бросилъ дымящій пистолетъ въ снѣгъ. Офицеръ въ разстегнутомъ сюртукѣ, мальчикъ съ обмерзшими волосами, ударилъ Милорадовича въ спину штыкомъ.

Конь поскакалъ вдоль колонны. Генералъ качается, точно приплясываетъ въ сѣдлѣ. Смѣхъ мѣшается со взрывами ура, куда поскакалъ смѣшной генералъ? Черныя пятна замелькали въ снѣгу, сбиваетъ съ коня брызги крови, Милорадовичъ выпустилъ конскую шею, повисъ внизъ головой, на лицо закинулись рыжеватыя пряди.

— Убили, — вскричалъ глухой голосъ. Въ колоннѣ смолкъ гулъ, смѣхъ. Звенятъ пустыя стремяна.

У конногвардейскаго манежа, Милорадовича опустили въ сугробъ. Генералъ лежалъ бокомъ, щекой къ снѣгу, поджавъ тощія ноги въ узкихъ штанахъ на штрипкахъ. Его мундиръ въ бляхахъ снѣга, и проступаетъ сквозь бляхи яркая кровь. Въ полковой канцеляріи его уложили на писарской ларь. Генералъ не открывалъ глазъ, онъ улыбался, онъ отходилъ.

Digitized by Google

На полковомъ дворѣ трубятъ трубачи: на Сенатскую площадь вызываютъ послѣдніе эскадроны конной гвардіи въ атаку на мятежниковъ. Сточеннымъ солдатскимъ ножомъ, въ крошкахъ ржаного хлѣба, кто-то разрѣзалъ генералу мундиръ и по тонкой рубахѣ расползлось отъ живота вязкое пятно. Генералъ едва повернулся, какъ-бы желая лечь удобнѣе. Его лицо стало внимательнымъ, заострился носъ. Генералъ больше не улыбается, онъ отошелъ.

Тумпаковые часы и кольцо съ камеей, которые лежали въ его ногахъ, исчезли; кто-то укралъ часы и перстень.

XIX.

Отставной полковникъ Кошелевъ, прибывшій въ столицу изъ Москвы по дѣламъ запродажи петербургскаго дома, стоялъ въ толпѣ у Сената.

Онъ былъ тамъ съ утра, когда надъ площадью въ студеной мглѣ, еще сквозилъ багровый дискъ солнца. По-утру, рядомъ съ Кошелевымъ, сталъ на панели невысокій человѣкъ въ сѣрой шубѣ. Онъ обернулъ къ сосѣду полное лицо, подернутое паромъ, и бодро разсмѣялся.

— Смотри, что затѣяли, вышли на голую площадь и думаютъ устоять.

— Идемъ, Рылѣевъ, идемъ, — сказалъ его сосѣдъ. Близорукій и долговязый, въ коричневомъ фракѣ подъ фризовой шинелью въ накидку, онъ показался Кошелеву молодымъ нѣмцемъ.

— Конечно, идемъ, — отвѣтилъ Рылѣевъ и скинулъ мѣховую шапку лихимъ и ненужнымъ движеніемъ; его черные волосы вились у висковъ.

Кошелевъ слышалъ это имя, Рылѣевъ. Въ московскомъ клубѣ Кошелева звали въ таинственный

Digitized by Google

Союзъ Благоденствія, но онъ отказалъ угрюмо и невѣжливо: онъ думалъ, что его снова зовутъ въ масонскія ложи. Московскіе собесѣдники, нарочно выкатывая глаза, громкимъ шопотомъ, какъ злодѣи на театрѣ, что-то разсказывали о петербургскомъ поэтѣ Рылѣевѣ, о полковникѣ Пестелѣ, о «Зеленой Книгѣ» съ полными правилами россійской вольности, объ Южной Арміи, о переворотѣ.

«Переворотъ. Такъ вотъ какая затѣя» подумалъ Кошелевъ.

Колонны у монумента густѣли и шевелились. Онъ слышалъ неумолкаемый гулъ, крики «Константинъ, конституція, Константинъ», и такъ прижимался къ Сенатской стѣнѣ, точно страшился, что кто-то оторветъ его отъ небывалаго зрѣлища. То, неминуемое и неотвратимое, что ему почудилось еще въ Московскомъ пожарѣ, то, что онъ сталъ понимать въ странныхъ рѣчахъ графа Строганова, покойнаго друга и благодѣтеля, что въ зальцѣ горящаго московскаго дома кричалъ ему мартинистъ Наумъ Степанычъ, вся его темная горечь, безпокойство, тоска и страхъ за Россію, — все по иному отворилось здѣсь, на обледенѣлой панели Сената, предъ дымящей колонной солдатъ, потрясаемой взрывами ура.

Ему вдругъ стало легко. Такъ легко, что онъ усмѣхнулся. Такъ вотъ она, революція графа Строганова. Революція пришла, гремитъ на площади, но кому она страшна, тамъ всѣ свои, тамъ толпа офицеровъ, друзей по оружію, вотъ острая голова знакомаго Каховского, только перейти площадь и овладѣть всѣмъ этимъ: «завоевали весь свѣтъ, чего-же не завоевать революцію? Или я пострашусь, какъ пострашился разъ въ горящей Москвѣ, не приду, не стану рядомъ съ боевыми друзьями? Нѣтъ, я пойду, я не страшусь, стану съ ними, или

Digitized by Google

мнѣ не будетъ прощенія»... То, что началось еще мартовской ночью и чего всѣ ждали отъ покойнаго государя, отъ небывалыхъ побѣдъ, величественной славы, завоеванія Парижа, что должно было притти и не приходило, то одно, что могло оправдать жертву и мучительство мартовской ночи, новое преображеніе Россіи, — не исполняется-ли, оно здѣсь воочію, у мѣднаго Петра?

«Боже мой, Параша», думалъ Кошелевъ, «Прости... Свершается... Надобно. Я пойду, я долженъ».

Кошелевъ перекрестился и побѣжалъ черезъ площадь.

Солдаты разступились предъ тяжело дышащимъ человѣкомъ въ черной бекешѣ съ бранденбургами. Его протолкали дальше плечами и локтями. Всѣ смотрѣли налѣво, къ Адмиралтейству. Нѣкоторые приподымали ружья и щелкали курками.

У монумента, куда протолкали Кошелева, на площадкѣ, которую солдаты окружали стѣной, толпилась кучка офицеровъ и штатскихъ. Тамъ всѣ говорили вмѣстѣ и размахивали руками, точно спорили громко.

— Кто таковъ?

Тучный офицеръ въ ватошномъ сюртукѣ нараспашку подбѣжалъ къ Кошелеву и ткнулъ его въ грудь рукоятью сабли:

— Тебѣ чего надобно, измѣнникъ, шпіонъ!

— Князь, князь, помогите господа, князь...

Тучнаго офицера отвели подъ локти, онъ выдергивалъ руку съ саблей, злобно оглядываясь на Кошелева.

Это былъ князь Щепинъ-Ростовскій. Еще до свѣта, на казарменномъ дворѣ Московцевъ, онъ рубилъ саблей генералъ-майора Фредерикса, Шепшина, Хвощинскаго, онъ вырвалъ отъ знамен-

Digitized by Google

щика полковое знамя. Князь самъ принесъ его на площадь. Въ серединѣ мятежной колонны развѣвалось знамя Московскаго полка. Князь стоялъ, пошатываясь, подъ древкомъ въ своемъ ватошномъ сюртукѣ на-распашку. Въ бурыхъ пятнахъ его пикейный жилетъ, куски почернѣлаго знаменнаго шелка хлопаютъ князя по добродушному затылку. Кто-то подалъ ему солдатскій киверъ. Онъ надѣлъ его мѣднымъ орломъ назадъ. Онъ не пьянъ, но съ утра помутились его голубые глаза и дергались влажныя губы. Онъ первый скомандовалъ цѣпи Московцевъ «огонь», онъ кричалъ безсмысленныя ругательства, что-то бормоталъ, всхлипывалъ и сжималъ саблю въ темныхъ затекахъ.

«Словно во снѣ», подумалъ Кошелевъ.

— Сюда, сударь, сюда, — окликнулъ его штатскій господинъ въ суконной шубкѣ съ заячьимъ мѣхомъ. Припрыгивая, онъ ступилъ къ Кошелеву:

— Пущинъ, Иванъ Ивановичъ, коллежскій ассесоръ. Съ кѣмъ честь имѣю?

— Кошелевъ, лейбъ-гренадерскаго въ отставкѣ. Въ чемъ дѣло, господа?

— Онъ не на васъ, сударь. Онъ на всѣхъ такъ бросается... Что надобно?

— Мнѣ? — Кошелевъ холодно улыбнулся.

— Кавалерія, кавалерія. — Кто-то крикнулъ. и о Кошелевѣ забыли. Онъ видѣлъ въ дымкѣ дыханія скромное лицо Пущина, онъ узналъ Рылѣева и озябшаго нѣмчика, похожаго на барскаго музыканта. Нѣмецъ теперь былъ безъ очковъ и щурился на бульваръ, вытягивая тощую шею, у него выкатился кадыкъ. Рылѣевъ отстранилъ нѣмца:

— А ну, Кюхельбекеръ, пусти... Точно, тамъ кавалерія. Господа, будетъ бой.

Рылѣевъ разсмѣялся и сбросилъ въ снѣгъ шубу. Въ черномъ сюртукѣ, плотно облегавшемъ его,

Digitized by Google

онъ казался тоньше и моложе. Тронувъ за плечо солдата, который стоялъ передъ нимъ, онъ бодро сказалъ:

— А ну, дядя, давай и мнѣ патронную сумку.

Пожилой солдатъ обернулся на барина и молча сталъ снимать двумя руками черезъ голову бѣлые ремни.

Незнакомый господинъ поклонился Кошелеву. Этотъ плотный господинъ, въ голубой шубѣ съ песпцами, топтался въ толпѣ офицеровъ, то снимая, то надѣвая мохнатый цилиндръ. Его не зналъ никто и уже многимъ, какъ Кошелеву, кланялся незнакомецъ.

Въ толпѣ говорили всѣ вмѣстѣ:

— А землю раздѣлять поровну, солдатамъ пятнадцать лѣтъ службы.

— Тайный совѣтникъ Сперанскій далъ согласіе, адмиралъ Мордвиновъ далъ согласіе, будетъ временное правительство...

— Какъ кортесы въ Испаніи.

— Господа, кавалерія.

— Какая Испанія... Временное правительство, державная дума на пять лѣтъ.

— Кавалерія, конногвардейцы...

— Они не посмѣютъ, вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ, избирается на пять лѣтъ, а также съѣздъ россійскихъ депутатовъ...

Кошелевъ озирался въ толпѣ, точно кого-то искалъ. Его лицо стало холоднымъ и презрительнымъ. Такъ это и есть революція. Чего же они спорятъ, когда надобно командовать, а не то солдатамъ надоѣстъ стоять, мерзнуть, и они повернутъ штыки противъ спорщиковъ. Они крикуны, они ничего не понимаютъ. «Они» Кошелевъ презрительно думалъ о всѣхъ, о Рылѣевѣ, о нѣмчикѣ съ

Digitized by Google

кадыкомъ, о Пущинѣ въ заячьей шубѣ, о толстомъ князѣ, о господинѣ въ песцахъ.

Солдаты стояли въ недружномъ строю, спиной къ спорящимъ господамъ. Московскаго полка барабанщикъ, сухой старичекъ, съ обкуреннымъ клыкомъ во рту, нетерпѣливо перекатывалъ барабанъ къ ляжкѣ и выкрикивалъ горячей скороговоркой:

— Нагнали конной гвардіи, стройся, мѣдные лбы, равняйсь. По своимъ бить, христопродавцы, присяги порушители... Мы Константину присягли, не Миколаю... Пошто Миколай его въ неволѣ содержитъ. Замѣсть братца хотца править, какъ же, потопаешь. Ишь нагналъ каиновъ... У насъ одна душа, не двѣ: мы на одной недѣли не присягаемъ то тому, то другому...

— Подъ Наровой забрали государя въ аресть, — говорилъ сосѣдъ барабанщика, унтеръ-офицеръ Московскаго полка, съ тремя нашивками на рукавѣ — Въ кандалы закованъ. А рази законъ въ кандалы государя ковать?

Черноволосый, съ сѣдыми висками гренадеръ, внезапно схватилъ Кошелева за рукавъ бекеши:

— Ваше благородіе.

Смуглое красивое лицо шевриста показалось Кошелеву знакомымъ.

— Ваше благородіе, да вы же нашего батальона.

Гренадеръ выпустилъ рукавъ и обернулся къ солдатамъ:

— Нашъ, ребята, капитанъ. У Парыжъ вмѣстѣ ходили.

Снова ухватился за бекешу:

— Третьей роты, Перекрестовъ, Михайло... Ваше благородіе, дѣло какое случилось, злосчастье солдатское. Имъ ништо, генераламъ, всякой день присягать, а мы присягой не шутимъ. Мы амнира-

Digitized by Google

тору Константину присягли... Ваше благородіе, да чего жъ тамъ кавалерія собирается, нашей крови ищутъ?

— Съ нами Богъ, — сказалъ Кошелевъ съ холодной улыбкой. — Сталъ гренадеръ за Константина и стой. Съ нами Богъ...

Еще до свѣту вызвали молодые офицеры гренадерскій батальонъ за государя Константина. Михайло Перекрестовъ сталъ собираться. Его Сусанна, его рано состарѣвшаяся жена, подала ему чистую рубаху, пахнущую запахомъ ея, легкимъ анисомъ, и сама расчесала его сѣдѣющіе волосы мокрымъ гребнемъ. Въ студеныхъ сумеркахъ утра, на полковомъ дворѣ, билъ барабанъ. Накинувъ платокъ, Сусанна вышла на ступеньки проводить мужа. Она оправила ему на спинѣ широкій ремень, встряхнула аммуницію, и глухо сказала:

— Теперь, каряшю.. Иди, Миша.

— И то — глухо отвѣтилъ пожилой шевронистъ и перекрестился. Тогда Сусанна обхватила его сзади за шею прижалась къ шершавому воротнику и замерла, точно задохнулась.

— Кавалерія! — крикнулъ голосъ и очнулся шевронистъ Перекрестовъ.

— Карре, карре, — закаркали крутомъ многіе голоса.

Кошелевъ пристегнулъ пуговицы до самаго горла. Глаза жестко блеснули. Онъ сунулъ руки въ косые карманы бекеши и скомандовалъ холодно:

— Гренадеры, карре.

XX.

Императоръ Николай Павловичъ скомандовалъ атаку конной гвардіи на мятежную площадь.

Колонну обдало быстрымъ вѣтромъ, уже слыш-

Digitized by Google

но бряцаніе, конскій храпъ. Кошелевъ протяжно крикнулъ:

— Ба-а-а-тальнымъ огнемъ.

Сжался, глубже сунулъ руки въ карманы:

— Пли!

— Пли, пли, — слышалось справа, слѣва. Колонна содрогнулась отъ залпа. Мѣднаго Петра озарили длинныя молніи. Все померкло въ пороховомъ дыму. На Сенатской площади гололедица. Кони скользятъ, всадники падаютъ съ сѣделъ, вырываютъ ногу изъ стремени. Залпы мятежниковъ погнали кавалерію назадъ. Кое-гдѣ завалились темныя груды коней. Пытаясь подняться, горячо голгочетъ раненый конногвардеецъ.

Трубачи протрубили вторую атаку. Табуны всадниковъ снова несутся на площадь. Молніи залповъ опоясываютъ мѣднаго Петра.

Когда отнесло дымъ и Кошелевъ увидѣлъ, какъ скачутъ кони безъ всадниковъ, какъ толпы кавалеристовъ несутся назадъ, и солдаты копошатся у опрокинутыхъ коней, отстегивая сѣдла, онъ понялъ, что и вторая атака отбита.

Колонну шевелилъ бодрый гулъ. Солдаты сморкались въ снѣгъ, прижимая ноздри обожженными пальцами, торопливо оправляли ремни. Всѣмъ стало жарко и весело. Теплый паръ боя ободрилъ Кошелева.

«Теперь надобны пушки», подумалъ онъ весело, «Дернуть ихъ пушками, все сметемъ и все наше».

— Гдѣ пушки? Ребята, гдѣ пушки?

Кошелевъ быстро шелъ вдоль солдатскихъ спинъ. Уже смеркалось, онъ никого не узналъ въ потемкахъ. Плотный баринъ въ песцовой шубѣ скинулъ передъ нимъ мохнатый цилиндръ:

— Слушайте, вы! — Кошелевъ потянулъ его за рукавъ. — Гдѣ пушки?

Digitized by Google

— Пушки, Боже мой, какія пушки... Боже мой.

— Гдѣ Рылѣевъ? — крикнулъ Кошелевъ. — Тебѣ говорятъ!

— Рылѣевъ, Боже мой... Рылѣевъ...

— Тебѣ кого? — позвалъ Кошелева осипшій голосъ.

Въ потемкахъ блеснули глаза. Предъ нимъ стоялъ кто-то въ черномъ сюртукѣ, опираясь на солдатское ружье, дымился теплымъ паромъ.

— Пушки давай! — крикнулъ Кошелевъ. — Мы сметемъ ихъ картечью.

— Пушки, пушки, — заговорили кругомъ.

Кошелевъ рѣзко повысилъ голосъ:

— Чего топчемся тутъ? Саданутъ ихъ картечью и въ атаку на Зимній Дворецъ, на Петропавловскую крѣпость, сбить съ бульвара, съ моста...

— Идемъ, я съ вами.

Изъ потемокъ приблизилось чье-то свѣтящееся тонкое лицо. Вѣтеръ металъ свѣтлые волосы. Кошелеву показалось, что женщина заглядываетъ ему въ глаза.

— Изюмскаго гусарскаго, Полторацкой, — сказалъ человѣкъ, отыскивая руку Кошелева.

— Полторацкой, — въ груди Кошелева точно оборвалось, какъ-будто камень зазвенѣлъ въ глубокій колодецъ.

— Полторацкой, какая встрѣча. Я Кошелевъ.

— Петръ!

Они крѣпко поцѣловались, три раза, точно христосуясь. Полторацкій тревожно и внезапно разсмѣялся:

— Россія вспрянетъ ото сна и на обломкахъ самовластья... Чортъ, въ голову лѣзутъ... Напишетъ наши имена.

— О чемъ ты? — дрогнулъ Кошелевъ и по-

Digitized by Google

думалъ «вотъ моя судьба». Ему стало все равно, точно онъ мгновенно усталъ:

— Послушай, гдѣ пушки?

— У насъ ни одного орудія... И на обломкахъ самовластья... Чортъ...

Направо въ колоннѣ поднялся тревожный гулъ. «Что тамъ еще?» съ усталымъ раздраженіемъ подумалъ Кошелевъ. «По-о-о-шъ, п-о-о-шъ», невнятно гудѣла колонна. Солдаты, снимая киверa и крестясь, выбѣгали въ потемки изъ рядовъ.

— Не надо попа, — крикнулъ Полторацкій, разсмѣялся. — Еще успѣемъ приложиться.

— Не надо попа... Назадъ... Поворачивай, извозчикъ. Батюшка, уѣзжайте, — кричали изъ колонны. Кто-то скомандовалъ:

— Бей въ барабаны!

Барабанщикъ Московскаго полка, старикъ съ прокуреннымъ клыкомъ, ударилъ дробь. Извозчикъ хлестнулъ вожжей, кобыла взяла вскачь, монахъ отъ толчка сѣлъ на корточки. Въ колоннѣ засмѣялись.

На Адмиралтейскомъ бульварѣ санки съ монахомъ пронеслись мимо артиллерійскихъ передковъ: генералъ Сухозанетъ въ карьеръ ведетъ къ императору четыре орудія гвардейской артиллерійской бригады. Извозчикъ гонитъ кобылу ко Дворцу.

Въ Зимнемъ Дворцѣ гулкая пустота. Фрейлины пробѣгаютъ безшумными стайками по темнымъ заламъ, точно гонятся за ними. У дверей Гербовой митрополитъ Серафимъ тяжело опустился въ кресла. Зало дрожитъ отъ гула мятежа, отзваниваютъ хрустали люстръ, тонкое стекло часовъ на каминѣ съ трубящей золотой Славой. Фрейлины бѣгутъ обратно.

Пушки Сухозанета выкатили поперекъ площа-

Digitized by Google

ди, противъ Сената. Пальники трещатъ, осыпаютъ искры на кивера канониpовъ.

Генералъ Сухозанетъ поскакалъ въ галопъ къ колоннѣ мятежниковъ.

— Сдавайтесь, — крикнулъ Сухозанетъ, задыхаясь отъ вѣтра. — Сдавайтесь, помилу-у-емъ...

— Назадъ! А, сукинъ сынъ, штыка хочешь. Пристрѣлимъ! Привезъ конституцію?

— Сдавайтесь, помилу-у-у-емъ...

— Огонь по генералу, пли!

Залпъ молній задернулъ колонну. Отъ выстрѣловъ посыпались перья съ генеральскаго султана. Сухозанетъ промчался вдоль батареи, прыгнулъ въ сугробъ.

— Па-а-льба орудіями, правый флангъ начинай, — звеняще скомандовалъ императоръ. — Перва-а-я...

Артиллерійскій поручикъ замѣтилъ, что канониръ съ пальникомъ замялся, соскочилъ съ коня и перебѣжалъ къ орудію.

— Отставить, — рѣзко скомандовалъ императоръ. Потрескиваютъ пальники, осыпаютъ искры. Умолкла темная площадь, умолкло темное каре у монумента Петра.

— Пали! — императоръ махнулъ рукой.

Пушки подпрыгнули. Картечь прохлынула высоко надъ головами мятежниковъ, съ визгомъ ударила въ стѣну Сената. Лопнули стекла. Сотряслись статуи Сенатскаго портала, Законъ, Правосудіе, Истина. Мудрость.

Второй зарядъ хлынулъ въ каре, вырвалъ дороги. Толпа солдатъ сбила Кошелева съ ногъ, его несетъ, онъ командуетъ:

— Стой, огонь, стой!

Ударила картечь, онъ оглохъ отъ звона. Гремитъ. Сметены съ площади темныя толпы, бѣгутъ

Digitized by Google

по набережной, прыгают въ сенатскіе подвалы, столпились на льду Невы. На площади люди подымаются изъ кучи тѣлъ, падаютъ. Одиноко маячитъ у Петра маленькій офицеръ, свѣтлые волосы подняты вѣтромъ, онъ что-то картаво кричитъ, грозится на пушки. Солдатъ зажимаетъ двумя руками животъ, схаркиваетъ кровью и ругается по-матерному. По снѣгу, между труповъ, ползаетъ плотный господинъ въ песцовой шубѣ, не ищетъ-ли мохнатый цилиндръ. Господину картечью оторвало ноги.

На ледъ Невы, подъ руки, тащутъ раненыхъ. Раненыхъ рветъ. Мятежники сбились на льду у полыньи. За темной площадью поднялся на стремянахъ высокій всадникъ. Пушки повернули къ Невѣ.

Тамъ, у полыньи, шевронистъ Михайло Перекрестовъ пришалъ къ плечу отставного полковника Кошелева. Хлынула картечь, смела...

Утромъ снѣгъ между монументомъ Петра и Сенатомъ былъ въ замерзшихъ лужахъ крови, картечь изрѣшетила Сенатскую штукатурку. На разбитомъ фонарѣ утренній вѣтеръ закачалъ прилипшія клочья чьихъ-то бѣлокурыхъ длинныхъ волосъ.

XXI.

Въ мокропогодицу, тамбовскими проселками, на гнѣдомъ конѣ скакалъ всадникъ, похожій на костлявого цыгана, въ черной венгеркѣ со споротыми шнурами. Его смуглое лицо было забрызгано снѣгомъ и грязью.

Въ цыганѣ, блуждающемъ по полямъ, трудно узнать Павла Енголычева, Кентавра парижскаго. Нынче была получена въ помѣщичьемъ домѣ эста-

Digitized by Google

фета съ оказіей изъ столицы, и Кентавръ съ утра, едва подтянувъ подсѣдельникъ, поскакалъ въ поля. Въ эстафетѣ писали изъ Петербурга о декабрьскомъ мятежѣ и о томъ, что картечь на Сенатской площади снесла голову Мишѣ Полторацкому.

Вечеромъ мокрый конь жадно лизалъ снѣгъ на дворѣ усадьбы: Кентавръ вернулся въ потемкахъ. Изъ флигеля, гдѣ окна забиты тряпьемъ, вышелъ заспанный дворовый, скребя по снѣгу опорками повелъ коня мимо деревянныхъ колоннъ барскаго дома, къ конюшнямъ, къ пруду, гдѣ примерзла къ сугробу разбитая бочка.

Запущена и обезлюдѣла тамбовская усадьба съ самой кончины госпожи Енголычевой. Двоихъ сиротъ оставила покойница вдовцу. На антресоляхъ барскаго дома, тдѣ день и ночь топится русская печь, ветхая ключница Киликія ходитъ за двумя черноволосыми сиротками въ затасканныхъ бархатныхъ сюртучкахъ. Уже наѣзжала дальняя родня изъ Тамбова: скоро сиротъ отвезутъ въ казенное дворянское заведеніе.

Въ нижнемъ покоѣ ободраны шпалеры, въ углу архалукъ на ворохѣ сѣна, арапники и чубуки на продавленныхъ креслахъ, а на столахъ горки сѣраго пепла изъ трубокъ. Печаленъ и пустъ покой вдовца Кентавра.

Тутъ на поминкахъ госпожи Енголычевой гремѣлъ весь уѣздъ, тутъ пьяный хозяинъ разстрѣливалъ портреты, зеркала, и разгонялъ гостей, тутъ скалясь отъ рыданій онъ бѣгалъ ночью съ двумя сиротками на рукахъ, тутъ же молился у тяжелаго вѣнчальнаго образа.

Въ барскомъ кабинетѣ, на столѣ засыпанномъ пепломъ, теперь лежитъ скомканное петербургское письмо. Ходитъ баринъ по кабинету и ветхая Киликія слышитъ на антресоляхъ его быстрые шаги.

Digitized by Google

По лѣстницамъ, у сундуковъ, по тѣсному проходцу, пробирается согнутая въ три погибели ключница къ круглому залу, послушать у барской двери.

Есть портретъ въ покоѣ вдовца, надъ столомъ, съ мѣшочками овса и ржи, конторскими счетами и синими книжками «Сына Отечества». Портрета не видно въ потемкахъ, но на тусклой рамѣ, внизу, есть мѣдная дощечка. Въ самый годъ кончины супруги, приказалъ баринъ выгравировать на мѣдной доскѣ затѣйливую надпись:

«Сей портретъ супруги моей и матери любезныхъ дѣтей Евгеніи Іосифовны Енголычевой, порядочно писанъ съ натуры маія 16 дня 1819 года. Любезная моя супруга, будучи французской націи отъ роду и нося въ дѣвичествѣ славную военную фамилію Дорфей, была увезена мною въ гусарскомъ сѣдлѣ изъ самой столицы французской. Въ Бозѣ почила сентября 29 дня 1822 года. Спи съ миромъ, голубка залетная».

— Улетѣла залетная — шепчетъ Кентавръ. — Мишку на площади убили. Все исчезло... А чудилось, такая жизнь будетъ у всѣхъ, — такая... Какія побѣды, какъ Парижъ брали.... Исчезло.

Кентавръ стоитъ на колѣняхъ, положивъ на кресла лохматую голову. На полу, въ шандалѣ, горитъ свѣча.

XXII.

Мартовской ночью черный катафалкъ съ тѣломъ императора Александра привезли изъ Таганрога въ Петропавловскую крѣпость на погребеніе. Громъ погребальныхъ салютовъ разсыпалъ во дворѣ, у Кронверской куртины, казенную полѣнницу дровъ, разбилъ бѣленыя стекла въ казематахъ.

Digitized by Google

Еще до того, какъ гремѣли салюты по усопшему императору, ходила по петербургскимъ госпиталямъ и часовнямъ блѣдная госпожа въ черномъ салопѣ. Ходила она по часовнямъ отъ самаго января.

Въ Обуховской больницѣ, на ступенькахъ въ покойницкую, госпожа встрѣтила смуглую мѣщанку въ худой шубкѣ и пуховомъ платкѣ. Онѣ уступали другъ другу дорогу въ подвалъ, но, какъ бываетъ, не могли разминуться.

Мѣщанка прислонилась къ холодной стѣнѣ и госпожа прошла. Такъ гренадерская вдова Сусанна Перекрестова встрѣтила въ Обуховской больницѣ Параскеву Кошелеву, прибывшую въ столицу изъ Москвы.

Такъ разыскивали онѣ своихъ мужей, и въ часовняхъ, наклоняясь къ мертвецамъ, прикрытымъ госпитальной холстиной, пристально всматривались другъ въ друга и проходили молча. Онѣ не нашли мужей.

Много людей ходило тогда по мертвецкимъ. Ходилъ еще одинъ человѣкъ: солдатъ съ тремя нашивками на рукавѣ, угрюмый старикъ съ жесткими баками, крѣпостной капралъ Акимъ Говорухинъ. За выслугу лѣтъ, по отставкѣ, былъ отчисленъ Говорухинъ, отъ гвардіи и, по Петропавловской крѣпости, въ гарнизонѣ, служилъ сверхсрочно унтеръ-офицеромъ на Кронверской куртинѣ. Когда госпожа въ черномъ салопѣ шла изъ Смоленской часовни Васильеостровскимъ проспектомъ ее нагналъ старый капралъ.

— Не оступись тутъ, сударыня, — сказалъ старикъ. — Смотри, ступеньки во льду.

Госпожа не поблагодарила, или не слышала. Она смотрѣла передъ собой.

— И кого ищешь? Который день стрѣчаю... Ты

Digitized by Google

мнѣ скажи, кого ищешь, ты небойсь: я, можетъ, тебѣ пособлю. Я въ крѣпости состою, и кто живъ, да въ казематахъ схороненъ, тѣхъ я всѣхъ знаю.

— Да, — госпожа пошевелила блѣдными губами. — Ищу. Полковникъ Кошелевъ. Петръ Григорьевичъ.

— Кошелевъ, Кошелевъ... Можетъ Каховской?

— Нѣтъ. Кошелевъ.

— Господинъ Каховской содержится, а Кошелева нѣтъ. Пестель Павелъ Иванычъ, Муравьевъ-Апостолъ Сергій Иванычъ, Кондратій Федорычъ Рылѣевъ, господинъ Бестужевъ, господинъ Басаргинъ... А господина Кошелева, сказываю, нѣтъ. Да который Кошелевъ, не гренадерскаго-ли полка?

— Да, гренадерскаго.

— Такъ ты, стало, сушруга его... Такъ ты... А, болѣзная. Ты слушай меня: господина Кошелева въ казематѣ нѣту, а я тебѣ, сударыня, услужить радъ. Гдѣ искать-то, не знаю. Я тоже ищу: нашихъ гренадеровъ сколько съ господами на площади побито. Хожу по мертвецкимъ, а никого нѣтъ. Крестника ищу полкового, вѣрнаго солдата Михайлу Перекрестова, шевриста. Нѣтъ нигдѣ.

Госпожа смотритъ передъ собой.

— Я тебѣ скажу, наши гренадеры присяги не нарушители. Они за присягу на площади стояли. Не отъ нихъ горе Рассеѣ. Они государя въ замкѣ не душили. Знаемъ отъ кого горе... А привезены намедни на Кронверскую куртину пять дощатыхъ гробовъ и складены въ пороховой погребъ. Никому не будетъ пощады и милости. Ни одной душѣ.

Старый солдатъ, мигая бѣлыми рѣсницами, говоритъ самъ съ собой.

— Того-ли ждали при Александрѣ-то Павлычѣ, государѣ.... А какъ доставили мнѣ записку изъ Таганрога, своеручное писаніе дальняго странничка

Digitized by Google

нашего Родивона Степаныча, ждалъ я благостыни Господней Рассеѣ... Свершилъ странствіе нашъ Кошевокъ, а кому о томъ нынче скажу? Не кому и сказать. Побиты гренадеры на площади. Ни одной души. А и запись своеручная Родивона Степаныча, тутъ при мнѣ, на грудяхъ. А кому нынче покажу? Правда о кончинѣ государя Павла Петровича въ записи той прописана. Правда сыну открыта и отвергся сынъ беззаконія, а за него во гробъ легъ болящій рабъ Божій Родивонъ.

— Что вы, о комъ?

Госпожа въ черномъ салопѣ только теперь услышала бормотанья солдата. Остановилась, сжала руки:

— Гдѣ онъ сокрытъ, онъ у васъ?

— А, сударыня, у меня нѣтъ, я докладывалъ. На площади убили.

— Убили.

Госпожа выпрямилась, подавленное отчаяніе, съ которымъ ходила она по петербургскимъ мертвецкимъ, напрягло ея тяжелое тѣло. Выпрямленная, она пошла впередъ твердо и сильно. Руки были поджаты къ груди, точно давила она тамъ тяжкій вопль и несла молча.

Рѣялъ вечерній снѣгъ. У церкви Андрея Первозваннаго еще были отворены двери, хотя вечерня уже отошла. Въ притворѣ, нищій на деревяшкѣ пересчитывалъ мѣдяки на ладони.

Церковь была пуста и темна. Госпожа у солеи остановилась. На правомъ клиросѣ одинокій торопящійся голосъ пѣлъ панихиду или молебенъ. Голосъ ходилъ, какъ гулкое эхо въ глубокомъ колодцѣ.

Госпожа пошатнулась, прошла въ уголъ къ темной иконѣ. На паникадилѣ еще мерцали двѣ свѣчи: одна догорала.

Digitized by Google

Съ улицы вошелъ старый солдатъ и сталъ у свѣчного ящика, теребя въ рукахъ безкозырку. Голосъ на клиросѣ смолкъ. Церковный сторожъ гасилъ лампады у верхнихъ иконъ длиннымъ шестомъ съ закопченнымъ колпачкомъ на концѣ.

Госпожа покачивалась на колѣняхъ. Точно обезсилѣвъ отъ глубокаго сна, бродили по груди ея руки и сжатыя пальцы разжимались, какъ-бы слабѣя. Погруженной въ сонъ казалась она. Но прозрачные глаза полуоткрылись. Она оперлась неловко ладонями о плиты.

Подъ сердцемъ пошевелилось дитя. Она пробудилась. Она пробудилась и прошла мимо стараго солдата въ притворѣ. Солдатъ, теребя безкозырку, желалъ ей что-то сказать, но только подвигалъ сѣдыми бровями.

Когда казематный капралъ вышелъ на паперть, госпожа уже перешла по сѣрому снѣгу шестую Васильеостровскую линію. Надъ заборами рѣялъ сумеречный снѣгъ.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

Прологъ
Главы: I—XII ..... 9— 56

Пожаръ
Главы: I—XXXIX ..... 57—233

Эпилогъ
Главы: I—XXII ..... 235—329

Digitized by Google

Digitized by Google

«Прологъ» романа «Пожаръ Москвы», въ первоначальной редакціи, въ переводѣ съ рукописи на французскій языкъ г-жи A. de Hoestein опубликованъ въ № 736 журнала «Mercure de France», 1929 года.

Романъ «Пожаръ Москвы» полностью, въ переводѣ съ рукописи на англійскій языкъ г-жи N. Duddington, принятъ къ издательству лондонскимъ книгоиздательствомъ Peter Davies L.T.D.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ „ВОЗРОЖДЕНІЯ"

	Цѣна во франкахъ
А. Амфитеатровъ. Знакомыя музы	15.—
В. Гурко. Царь и Царица (опытъ характеристики)	15.—
Бор. Зайцевъ. Странное путешествіе	15.—
Дѣло Б. Коверды	10.—
В. Корчемный. Человѣкъ съ гераніемъ	15.—
Д. Крачковскій. Избранные разсказы	15.—
А. Купринъ. Храбрые бѣглецы	15.—
И. Лукашъ. Дворцовые гренадеры	15.—
Д. Мережковскій. Мессія, въ двухъ томахъ	30.—
П. Муратовъ. Магическіе разсказы	15.—
» Герои и Героини	15.—
В. Новиковъ. Фашизмъ	8.—
Ген. П. А. Половцовъ. Дни затменія	15.—
Н. Рощинъ. Горнее солнце	15.—
Бор. Суворинъ. Фазанъ (романъ безъ любви)	15.—
Илья Сургучевъ. Эмигрантскіе разсказы	15.—
Вл. Ходасевичъ. Собраніе стиховъ	15 —
Евг. Чириковъ. Мой романъ	25.—
» Дѣвичьи слезы	15.—
» Между небомъ и землей	15.—
Ив. Шмелевъ. Солнце мертвыхъ	15.—
» Человѣкъ изъ ресторана	15 —
» Степное чудо	8.—
» «Мэри»	15.—
» Исторія любовная	25.—
А. Яблоновскій. Дѣти улицы	15.—

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ВОЗРОЖДЕНІЕ"

ÉDITIONS ET LIBRAIRIE

LA RENAISSANCE

(Vozrojdenie)

2, Rue de Sèze, 2—Paris (IX)

Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

Digitized by Google

Цѣна 25 фр.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google